

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ
ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ
«ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ»

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ

Материалы Всероссийской заочной
научно-практической конференции

ОМСК
2013

ББК 63.3(2)61-9(253)
УДК 94(57)»1917/1922»
Г75

Гражданская война в Сибири: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции / Под редакцией Д.И. Петина, Т.А. Терехиной. Омск, 2013. 216 с.

ISBN 978-5-9904463-1-1

Сборник содержит тезисы докладов и сообщений участников конференции из городов России и Республики Казахстан. Их авторы – историки, архивисты, краеведы, культурологи, искусствоведы, политологи. Они рассматривают вопросы истории Гражданской войны, политические процессы, социально-экономическое положение в регионе, жизнь русской эмиграции периода отечественной истории 1917 – 1922 гг.

© Министерство
государственно-правового развития
Омской области, 2013
© Исторический архив
Омской области, 2013

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ОРГКОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ

Уважаемые коллеги и участники конференции!

Гражданские войны представляют собой пример разрушительного социально-политического явления в жизни государства, и наша страна не избежала этой нелёгкой участи. Последствия Гражданской войны предрешили для России судьбу на несколько десятилетий вперед. Эта война, как и любая другая, оказала огромное влияние на жизнь страны, стала испытанием для отечественной государственности, социально-экономической сферы, явилась олицетворением политического и духовного кризиса нашего общества.

1917 год и последовавшие за ним события раскололи российский народ на два противоборствующих стана. Но этот период был одинаково трагичен для обеих сторон, втянув в водоворот событий и простого солдата, и офицера, и крестьянина. Это закономерно, ведь Сибирский регион, как в территориальном, так и в историческом отношении, стал самым масштабным плацдармом Гражданской войны в России. Именно здесь решалось будущее страны. Поэтому исследование событий «великой смуты XX века» в Сибири приобретает особую важность для объективной оценки происходившего.

На протяжении десятилетий Гражданская война остается актуальным направлением для исследований в исторической науке. Начиная со второго десятилетия XX века, в нашей стране и за рубежом было написано и издано огромное число научных трудов: монографий, статей, сборников исторических документов. Но интерес исследователей к этой теме не угасает. Во многом это объяснимо изменениями политической конъюнктуры в Российском государстве за период новейшей истории. Политические процессы, происходившие в течение 90-х годов XX века, привели к существенным векторным изменениям в направлениях всех отечественных исторических исследований. Во многом этому поспособствовало то, что архивные учреждения страны открыли свои «спецхраны», основную массу которых составляли неизвестные ранее документы о белом движении. Среди историков «новой» демократической России возрос интерес к более тщательному изучению антибольшевистского феномена. Но опять неизбежными стали новые историографические перегибы – теперь уже в пользу белого движения.

Сегодня российская историческая наука стоит на пороге нового этапа историографии Гражданской войны, назрела необходимость наиболее объективного восприятия отечественной истории 1917 – 1922 годов. Этой работе посвящена деятельность созданного в Омской области 13 января 2012 года на базе Исторического архива Омской области Центра изучения истории Гражданской войны – уникального историко-архивного комплекса, годовой опыт работы которого наглядно показал актуальность и большую потребность общества в ретроспективной информации.

Всероссийская заочная научно-практическая конференция «Гражданская война в Сибири», проводимая Министерством государственно-правового развития Омской области на базе Центра изучения истории Гражданской войны, объединила более трех десятков участников из городов России (Барнаул, Екатеринбург, Казань, Кемерово, Красноярск, Москва, Новосибирск, Омск, Хабаровск) и Казахстана (Астана). Это преподаватели вузов, специалисты архивов и музеев, представители общественности, многие из которых имеют учёные степени докторов и кандидатов исторических наук, а также учёные звания профессоров и доцентов. Сообщения, вошедшие в сборник, могут использоваться при написании научных работ, разработке лекций и спецкурсов по отечественной истории и сибирскому краеведению, а также для организации и проведения патриотической работы с населением.

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

В.А. БАРМИН

г. Барнаул, Алтайская государственная педагогическая академия

ИЗ ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКИХ КОНСУЛОВ В СИНЬЦЗЯНЕ С ОМСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ А.В. КОЛЧАКА в 1918 – 1920 гг.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12–31–0912
«Центральноазиатский регион в системе внешних сношений
России и Китая: история и современность».*

Гражданская война 1917 – 1922 гг., разделившая российское общество на два непримиримых лагеря, и, в конечном счете, определившая на многие десятилетия дальнейший ход развития страны, занимает в её истории особое место. К сожалению, долгие годы историки были лишены возможности объективно и непредвзято заниматься исследованием этого периода. И только относительно недавно, получив доступ к архивам и сбросив путы идеологической цензуры, они смогли активно приступить к разработке этой интереснейшей темы. Именно этим обстоятельством объясняется то, что значительная часть сюжетов Гражданской войны до настоящего времени исследована либо крайне слабо (это касается, прежде всего, деятельности правительств и вооруженных формирований белогвардейцев – В.Б.), либо получила в работах, опубликованных в советское время, одностороннюю, часто необъективную оценку. К числу таких малоисследованных тем можно с полным правом отнести сюжет, связанный с деятельностью после Октябрьской революции бывшей царской, а затем – Временного правительства российской дипломатической миссии на территории крупнейшей китайской провинции – Синьцзян. Особый интерес здесь представляет сотрудничество российских дипломатов с омским правительством адмирала А.В. Колчака, а также отдельными войсковыми соединениями, находившимися в его подчинении.

К весне 1919 г. адмирал Колчак, объявивший себя Верховным правителем Российского государства и главнокомандующим всеми белогвардейскими армиями, сумел создать значительные вооруженные силы численностью до 400 000 чел., в т.ч. до 30 000 офицеров [1].

Правительство США передало ставленнику Антанты кредиты, предназначавшиеся ранее Временному правительству. Под эти кредиты правящие круги Англии, Франции и США поставили колчаковцам большое количество оружия, обмундирования и военного снаряжения. Кроме того, Колчаку был передан золотой запас России, захваченный белочехами в Казани в ходе мятежа Чехословацкого корпуса. Все это позволило белогвардейским армиям Колчака в ходе развернувшегося в первой половине 1919 г. наступления против советских войск добиться значительных успехов. Однако довольно скоро стало ясно, что эти успехи носят временный характер. Уже к зиме 1919 г. белогвардейские части, потерпев целый ряд крупных поражений, стали быстро откатываться по всей линии фронта на восток. Одновременно с этим колчаковцы стали испытывать

значительные затруднения со снабжением продовольствием, пополнением конского состава, обеспечением конской упряжкой и т.д. Отчасти эти проблемы могли быть решены при восстановлении некогда активных торгово-экономических связей с Монголией и крупнейшей провинцией Китая – Синьцзяном. Это было особенно удобно потому, что, во-первых, и Монголия, и Синьцзян граничили с Россией в тех областях, которые в значительной части находились под контролем омского правительства, а во-вторых, на их территориях продолжали действовать консулы царского, а затем Временного правительств, которые отказались признать советскую власть, но готовы были сотрудничать с Колчаком. О настроениях, царивших в этот период в среде российских дипломатов в Синьцзяне, можно судить хотя бы по выдержке из дневника консула в Шарасумэ А. Успенского. 15 июня 1919 г. Успенский записал: «Ленин и его банда разбойников и негодяев является олицетворением всего, что противоположно закону и порядку, и поэтому решение поддерживать Верховного правителя со стороны союзников является мерой, выгодной для всего цивилизованного мира» [2].

Несколько позже другой российский консул в городе Кульджа Люба также посчитал необходимым подчеркнуть свои политические убеждения в письме к известному белогвардейскому атаману Б.В. Анненкову. В нем он, в частности, сообщал: «Я очень рад, что Ваше Превосходительство имели случай убедиться в моей сердечной готовности работать – по мере сил и возможности – на пользу общего дела и, в частности, вверенной Вам дивизии» [3]. В свою очередь, тот же Анненков всячески подчеркивал значимость деятельности российских консулов в Синьцзяне для белого движения. Дьякову, возглавлявшему консульство в столице Синьцзяна – Урумчи, он телеграфировал: «Очень благодарен за участие в борьбе с большевиками дипломатическим путем...» [4].

При налаживании связей с работниками российских консульских учреждений для руководителей белого движения важнейшим обстоятельством являлось то, что это были опытные дипломаты, проработавшие в провинции долгое время, хорошо знавшие экономические возможности не только самой провинции, но и работавших и живших в ней российских подданных. В то же время бывшая русская дипломатическая миссия в Синьцзяне, как, впрочем, миссии в других районах этой страны и в Монголии, располагала и оперировала довольно крупными средствами. С начала 1918 г. все дипломатические и консульские чины в Китае, Японии, Монголии и Сиаме получали содержание по старой смете путем займов в Русско-Азиатском банке. В этот банк, в свою очередь, депонировались с согласия союзников по Антанте суммы, причитавшиеся России в качестве вознаграждения за убытки при подавлении Боксерского восстания в Китае. Суммы эти были столь значительны, что контроль за их поступлением и расходованием омское правительство неоднократно пыталось взять на себя. Однако в этом ему было отказано представителями Антанты.

Синьцзян при известных условиях мог бы стать, и отчасти стал, для белогвардейцев не только базой снабжения, но и районом пополнения своих подразде-

лений людскими ресурсами, сосредоточения госпиталей и пр. Однако этому обстоятельству мешали несколько существенных факторов.

Первая мировая война, а затем революционные события вызвали резкое сокращение торгово-экономических связей России с провинцией, а вспыхнувшая следом Гражданская война привела к тому, что и те весьма скромные объемы торговли, которые продолжали осуществляться, были почти полностью прекращены. Общее крайне тяжелое положение в осуществлении экономических связей усугублялось еще и тем, что с началом Гражданской войны губернатор провинции Ян Цзэнсинь, заняв по отношению к противоборствующим сторонам позицию «нейтралитета», закрыл границу между Синьцзяном и среднеазиатскими областями России.

Следствием этого стало то, что и представители советской власти в России, и эмиссары Омска испытывали большие сложности в установлении тесных и действенных экономических связей с провинциальными властями. В то же время имевшиеся контакты между российскими консулами в Синьцзяне и белогвардейскими силами чаще всего не шли через Омск, где располагалось правительство Колчака, а строились на взаимоотношениях с командующими отдельными армиями и даже дивизиями. Достаточно ярким примером такого сотрудничества являлись взаимоотношения консулов Любы (Чугучак) и Долбежева (Кульджа) с командиром дивизии, а затем командующим Семиреченской армией войск Колчака, атаманом Анненковым.

Очевидно, исходя из вышеуказанных причин, летом 1919 г. в ставке Колчака было даже принято решение организовать разведывательные командировки своих офицеров соответственно в Монголию и Синьцзян. В Синьцзян, в частности, «под видом чиновника Министерства снабжения» в августе 1919 г. был командирован офицер разведотдела, прапорщик Анатолий Николаевич Сидельников. Но миссия прапорщика Сидельникова в силу целого ряда причин и, прежде всего, быстротечности событий, закончилась безрезультатно.

Между тем, сотрудничество российских консулов в Синьцзяне с белогвардейцами все более сводилось к оказанию помощи в осуществлении торговых сделок, предоставлении финансовых и материальных ресурсов конкретным войсковым соединениям и их командующим. Наиболее активно оно осуществлялось в отношениях с уже названным командующим партизанской дивизии, а затем Семиреченской армией, атаманом Анненковым.

На территории Синьцзяна, в Чугучаке и Кульдже, постоянно находились представительства Семиреченской армии, которые осуществляли задачи материального снабжения и пополнения людьми. Эти представительства пользовались неизменной поддержкой бывших консулов.

Параллельно с уже отмеченными видами деятельности бывшие консулы активно противодействовали появлению и работе в Синьцзяне представителей советских властей в России. При этом они не останавливались перед организацией провокаций против них, а в отдельных случаях проводили их незаконные аресты при помощи белогвардейцев и переправляли на территорию России, контролировавшуюся Колчаком.

Надо отметить, что порой информация, поставляемая консулами, например, в адрес Анненкова, вообще напоминала дипломатические донесения в адрес правительства, а не одного из многочисленных командиров войсковых частей белогвардейцев. Так, в письме консула Долбежева к атаману от 14 февраля 1920 г. сообщается: «При сем препровождаю Вам для сведения сводку сведений о положении дел в Илийском округе, Южном Семиречье за январь месяц 1920 года, присланную мне из Кульджи консулом Люба» [5].

Однако уже к концу Гражданской войны в России, и особенно сразу после ее завершения, ситуация в Синьцзяне начинает меняться. Синьцзянские власти на этом этапе начинают весьма критически оценивать деятельность бывших консулов, игнорируют официальные обращения и отказываются выполнять их просьбы. Так, например, когда в мае 1919 г. в Кашгар прибыл коммерческий агент советской России и консул Успенский потребовал от кашгарского губернатора немедленного ареста советского представителя, губернатор отказался выполнить это требование. В июле 1919 г. Долбежев с очевидным раздражением сообщал в Омск, что «при существующем положении вещей рассчитывать на помощь китайцев против большевиков нет оснований» [6]. Долбежев оказался прав. Уже 18 сентября 1920 г. китайское правительство приняло решение «О прекращении деятельности миссии и консульств царского правительства» [7].

С этого момента бывшие российские консулы в Синьцзяне превратились в частных лиц. Это обстоятельство, правда, не помешало им вести прежнюю антисоветскую деятельность и сотрудничать с белогвардейцами. Но потеря дипломатического статуса значительно осложнила работу и сузила возможности, а после установления дипломатических отношений между Китаем и СССР, в 1924 г., их позиции и значение были окончательно подорваны.

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 265.
2. Российский государственный военный архив. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 27. Л. 26.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 2. Л. 194-195.
6. Цит. по: Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока. (1918 – 1920). М., 1964. С. 375.
7. История дипломатии. М., 1965. Т.3. С. 227.

В.И. БЕЛЬКОВ

г. Кемерово, Государственный архив Кемеровской области

НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «КОПИКУЗ» В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ(1918 —1920 гг.)

Кузбасс – крупнейший угольный бассейн современной России – столетиями занимал одно из последних мест в этой отрасли. Еще в 1721 г. рудоискатель Михайло Волков открыл выходы каменного угля близ деревни Кемеровой. Но только в конце XIX в., с началом ввода в эксплуатацию среднесибирского участка транссибирской магистрали, проходившей по северной части Кузнецкого бассейна, добыча угля в Кузбассе стала заметно набирать темпы. В 1899 г. было добыто 50 000 тонн, в 1908 г. добыча угля возросла до 540 000 тонн. Но на развитие отдельных угольных копей строительство Транссиба повлияло не одинаково. В наилучшем положении оказались Анжерские казенные копи и Судженские копи Михельсона. Сибирская магистраль не только стала одним из главных потребителей их угля, но и открыла дорогу на угольные рынки Урала и Поволжья. Угольные копи Кабинета, не попавшие непосредственно в зону влияния Транссиба, оказались в трудном положении. Благоприятная ситуация сложилась только в начале второго десятилетия прошлого века. Зимой 1911 г. в Петербурге заговорили о концессии на кабинетные земли в Алтайском горном округе. В конечном итоге концессию получил В.Ф. Трепов – отставной туркестанский генерал-губернатор, член Государственного совета, брат петербургского градоначальника и дворцового коменданта Д.Ф. Трепова.

В.Ф. Трепов – фигура своеобразная, делец, превративший в источник обогащения личные связи в правительственных и дворцовых кругах. С помощью министра императорского двора он к началу 1912 г. добивается монопольных прав на разработку угольных месторождений Алтайского горного округа. Акт Кабинета от 12 января 1912 г. о предоставлении Трепову названных прав, подписанный императором Николаем II, произвел должное впечатление на французских банкиров. Уже 6 февраля 1912 г. было организовано экстренное совещание представителей крупнейших парижских банков, на котором было решено образовать Алтайско-Сибирский консорциум для организации акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей – «Копикуз». К консорциуму примкнули русские – международный коммерческий и Русско-Азиатский банки. Председатель правления международного коммерческого банка С.С. Хрулев и В.Ф. Трепов стали официальными учредителями «Копикуза». Председателем правления был избран В.Ф. Трепов, управляющим (директором-распорядителем) назначен горный инженер И.И. Федорович, техническим директором – выпускник Петербургского горного института С.К. Фитингоф [1]. По договору, заключенному 19 октября 1912 г., «Копикуз» получил монопольное право разведки и строительства шахт в Алтайском горном округе, на огромном пространстве площадью в 176 тыс. км², почти в 2 раза превышающей терри-

торию современной Кемеровской области. Угольные месторождения отводились обществу на 60 лет, вплоть до 1972 г.

Свою практическую деятельность в Кузбассе «Копикуз» начал с организации геологических разведок месторождений каменного угля. Руководство этой работой возглавил один из лучших отечественных специалистов, профессор Петербургского горного института Леонид Иванович Лутугин [2]. Группа Лутугина развернула геологическую съемку Кузнецкого бассейна. Результаты изысканий превзошли все ожидания. Участники экспедиции в 1915 г. писали: «Уже через год нам стало ясно, что перед нами не захудалый, второстепенный бассейн, а одно из крупнейших в мире месторождений угля...». Кроме того, группа Лутугина составила карту бассейна и ряд карт по отдельным месторождениям [3].

Уже в 1913 г. «Копикуз» приступил к работе в Кольчугинской и Кемеровской копиях. 29 августа 1913 г. на Кольчугинском руднике была произведена закладка новой шахты «Капитальная», заключение на строительство которой дал профессор Лутугин. «Копикуз» форсировал строительство железной ветки до Кемеровского и Кольчугинского рудников. В сентябре 1915 г. по ней открылось движение. Так решился вопрос доставки угля, добытого на шахтах «Копикуза», на Сибирскую магистраль.

Февральская революция не остановила производственную деятельность «Копикуза», т.к. его владельцы продолжали финансировать работающие и строящиеся предприятия. 22 апреля 1917 г. на чрезвычайном собрании акционеров общество слилось с «Акционерным обществом Алтайского металлургического завода» в единое «Кузнецкое каменноугольное и металлургическое общество» («Копикуз») с капиталом 24 млн. руб. В этом году выросла добыча угля, продолжалось строительство коксовых батарей и химического завода в Кемерово, началось строительство металлургического завода в районе Кузнецка, для чего Временное правительство 21 мая 1917 г. приняло решение о предоставлении «Копикузу» беспроцентного аванса [4].

После Февральской, и особенно Октябрьской революций 1917 г. в «Копикузе» сложилось тяжелое финансовое положение, которое несколько облегчилось советской ссудой в сумме 10 615 тыс. руб. и получаемой сначала от советского правительства, а затем от Временного Сибирского правительства. Однако проблемы с финансированием «Копикузу» решить не удалось. В сложной обстановке Гражданской войны строительная программа общества становилась все менее реальной. Акционерное общество нуждалось в серьезных инвестициях, которые ранее черпались из основного капитала. Надежда на финансовую стабилизацию была связана с выпуском акций общества, но в начале 1919 г. правительство Колчака не решало этого вопроса, хотя ранее акции уже выпускались. Второй путь – получение ссуды у Министерства торговли и промышленности правительства Колчака. И в годы Гражданской войны руководство общества неоднократно обращалось к Омску с вопросом о выделении денежной ссуды. Так, в июле 1919 г. управление «Копикуза» просило у правительства выдать на август-декабрь этого

года сумму около 15 млн. руб. В августе и сентябре общество получило от правительства 8 млн. руб., и общая сумма его задолженности правительству вместе с процентами составила более 33 млн. руб. [5].

Однако руководство «Копикуза» пыталось финансировать свое производство не только за счет правительственных ссуд, но и путем привлечения инвестиций. 3 июля 1919 г. Верховный правитель России адмирал Колчак утвердил новую редакцию устава «Кузнецкого каменноугольного и металлургического общества». Еще до этого было учреждено временное правление общества с местопребыванием в Томске. Председателем общества был И.И. Федорович.

28 июня 1919 г. временное правление «Копикуза» обратилось в Министерство торговли и промышленности в Омске с прошением о разрешении произвести выпуск акций в количестве 240 тыс. шт. нарицательной стоимостью 24 млн. руб. 4 ноября 1919 г. Министерство утвердило условия выпуска акций «Копикуза», согласно которым преимущественным правом их приобретения пользовались владельцы предшествующих выпусков [6]. Напомним, что перед этим было уже три выпуска акций.

Сибирское руководство «Копикуза» не оставляло надежд на восстановление нормального функционирования предприятий, хотя уже было явно заметно падение производства по всем направлениям. В условиях Гражданской войны и нестабильности положения предприниматели не стремились к расширению производства, закладке новых шахт, обновлению оборудования [7]. За второе полугодие 1919 г. «Копикуз» планировал добыть более 16 млн. пудов каменного угля. Но для этого следовало обеспечить вывоз угля с Киселевского и Прокопьевского рудников, а условий для этого не было [8]. К 1 августа 1919 г. руководство общества надеялось окончить строительство железной дороги до Киселевского и Прокопьевского рудников [9]. Но к моменту национализации «Копикуза» в январе 1920 г. эти работы закончены не были, и поэтому добыча угля на шахтах в 1920 г. составила лишь 11,7 млн. пудов [10].

«Кузнецкому каменноугольному и металлургическому обществу» не удалось добиться заметных успехов и в строительстве металлургического завода. Он строился с 1917 г. на Ашмаринской (Тушталепской) площадке в Горной Шории, поскольку Горбуновскую площадку, где в годы первой пятилетки был выстроен Кузнецкий металлургический комбинат (КМК), заполучить не удалось. 22 декабря 1919 г. Щегловск был занят частями 35 дивизии 5 Красной Армии. К этому времени все шахты Кемеровского рудника были затоплены водой.

19 февраля 1920 г. Урало-Сибирская комиссия ВСНХ издала постановление № 62, согласно которому все угольные предприятия Западной Сибири со всем имуществом и капиталами, где бы они ни находились и в чем бы они ни состояли, объявлялись собственностью государства и передавались в подчинение Правления угольных копей Западной Сибири («Сибуголь»), имеющим местопребывание в г. Томске [11].

И.И. Федорович, В.Н. Великорецкий и М.С. Подтягин уже с начала 1920 г. числились на службе в «Сибугле». Бывший заведующий кемеровским рудником

В.Н. Великорецкий работал заведующим горными работами и заместителем заведующего горнотехническим отделом, бывший член временного правления «Копикуза» М.С. Подтягин стал помощником заведующего статистическим бюро горнотехнического комитета. Бывший директор-распорядитель (1913 – 1917 гг.), затем председатель временного правления «Копикуза» (1918 – 1920 гг.) Иосиф Иосифович Федорович работал заведующим горнотехническим отделом, и 22 апреля 1920 г. коллегия Главного угольного комитета возложила на него ответственность за состояние горных работ во всем Кузнецком бассейне. С 1 августа 1920 г. И.И. Федорович служил в «Главугле», где принимал активное участие в обсуждении проектов сооружения в Кузбассе третьей угольно-металлургической базы страны [12].

Итак, в годы Гражданской войны рассматриваемое акционерное общество, в силу объективных причин, значительно снизило темпы своего развития, по сути дела, выживало, всяческими путями пыталось удержаться на плаву, чтобы в будущем продолжить свою деятельность. В целом, Кузнецкое каменноугольное и металлургическое акционерное общество («Копикуз») немало сделало для развития зарождавшейся промышленности Кузнецкого бассейна. Необходимо отметить, что «Копикуз» ставил перед собой широчайшие задачи: от строительства железной дороги от Транссибирской магистрали до центральных и южных районов Кузбасса до практического развития угольной промышленности, которая могла дать относительно быстрые и высокие дивиденды. «Копикуз» вкладывал значительные средства в строительство коксохимического и металлургического заводов, что требовало значительных инвестиций при большом сроке начала получения реальной прибыли. Все это свидетельствует о твердом намерении «Копикуза» не воспользоваться возможностью получения быстрой прибыли, а стремиться развивать инфраструктуру Кузнецкого бассейна.

1. Угольная промышленность Кузбасса (1721 – 1996). Кемерово, 1997. С. 38–39.
2. Кемеровский рудник. 100 лет перемен. Кемерово, 2008. С. 19–20.
3. Угольная промышленность Кузбасса (1721 – 1996). Кемерово, 1997. С. 40.
4. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 190–191; Карпенко З.Г. Развитие угольной промышленности и черной металлургии Сибири. Кемерово, 1985. С. 36.
5. Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. ОДФ. 13. Оп. 1. Д. 42. Л. 17, 21; Д. 23. Л. 14; Д. 50. Л. 1, 20, 21, 23.
6. ГАКО. Д. 23. Л. 14; Д. 42. Л. 21; Д. 43. Л. 11, 23, 24, 27, 28; Д. 45. Л. 22, 23, 28, 29, 30, 36, 43; Д. 50. Л. 1, 20, 21, 23; Бек А.А. Главы истории Кузнецкостроя (1913 – 1920 гг.). Ч. 1. Копикуз. М., 1983. С. 63–64.
7. Заболотская К.А. Угольная промышленность и шахтеры Сибири в годы Гражданской войны // История «белой» Сибири. Кемерово, 1995. С. 70.
8. ГАКО. Ф. ОДФ. 13. Оп. 1. Д. 50. Л. 18, 19.
9. Там же. Л. 19.
10. Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968. С. 77.
11. ГАКО. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
12. Там же. Д. 2. Л. 14, 30; Д. 3. Л. 7.

Г.Ю. БОРОДИНА

г. Омск, Центр изучения истории Гражданской войны
(Исторический архив Омской области)

ОБРАЗ АДМИРАЛА А. В. КОЛЧАКА В ТЕАТРЕ И КИНО

Долгие годы в нашей стране многие страницы истории Гражданской войны освещались однобоко. Её участники резко размежевались на «наших» и «не наших»: на большевиков и их противников – «врагов народа». Представители белого движения, особенно его вожди и военачальники, характеризовались не просто отрицательно, на них навешивались различные ярлыки и обвинения в непатриотизме. Причём перечёркивалось, а в лучшем случае, замалчивалась вся их предыдущая деятельность. В этом плане особенно показательны советские оценки такой личности, как адмирал А. В. Колчак, которого десятилетиями именовали «кровавым», «продавшимся» Антанте. Минувшие 20 лет несколько уравнили чаши весов: о Колчаке сняты художественные фильмы, написаны пьесы и книги, идут спектакли в Москве, Омске, Иркутске и Севастополе.

В этой статье анализируются фильмы и пьесы об А. В. Колчаке, вышедшие с 20-х гг. XX века до настоящего времени. На примере этих произведений мы хотим показать, как менялось в сознании наших граждан отношение к этому, несомненно, неординарному, разностороннему человеку, одному из выдающихся сынов России, её подлинному патриоту.

В 1924 г. в Новониколаевске (Новосибирске) на кинофабрике Сибирского отделения Госкино был снят первый фильм об А.В. Колчаке «Красный газ». Идея фильма возникла в канун празднования пятой годовщины освобождения Сибири от Колчака. Планировалось пригласить на съёмки московскую студию, однако столичные режиссеры отказались. Одним из инициаторов фильма был член Сибирского бюро ВКП(б) Вениамин Вегман, который утверждал, что «коммунисты владеют особым газом, который обладает свойством всюду проникать, и хотя он не удушлив, тем не менее, непобедим. «Красный газ» является примером коммунистической пропаганды и агитации. От этого газа никакая пропаганда не спасёт. Этот газ не победят никакие удушливые газы».

В основу сценария лёг роман писателя Владимира Зарубина «Два мира». К работе над сценарием были привлечены Владимир Зарубин и Иван Калабухов. Съёмки фильма проходили в Новониколаевске, Кольвани, Камне-на-Оби и Шелаболихе Алтайской губернии, а также Горном Алтае. Жанр фильма обозначался как «драма из жизни недавнего прошлого Алтая». Действие фильма происходит в сибирской глубинке. Его героиня, Варвара Чепалова, узнав о гибели брата, уходит в партизанский отряд и распространяет среди колчаковских солдат большевистские прокламации – тот самый всепоглощающий «красный газ».

Главную роль исполнила молодая московская актриса из труппы Мейерхольда Маргарита Горбатова, эпизодические роли играли настоящие партизаны, матросы, красноармейцы и местные жители. В состав съёмочной группы входил даже бывший колчаковский офицер Георгий Пожарицкий, который впоследствии в годы массовых

репрессий был арестован. Адмирала Колчака в фильме сыграл актёр Михаил Ленин (его настоящая фамилия была Игнатюк, а псевдоним он взял до революции, совершенно не подозревая о существовании будущего вождя мирового пролетариата). Монтаж картины помог завершить Сергей Эйзенштейн.

Картина была готова, как и задумывалось, к пятилетнему освобождению Сибири от войск правительства Колчака – 12 декабря 1924 г. 7 и 8 марта 1920 г. в барнаульском «Кино-колхозе» состоялась первая демонстрация «первой сибирской фильма». До наших дней не сохранилось ни одной копии, кроме нескольких фрагментов киноплёнки, отложившихся в уголовном деле репрессированного Георгия Пожарицкого.

В 1956 г. на экраны страны выходит фильм «Сорок первый», снятый по мотивам одноимённой повести Бориса Лавренёва, написанной в 1924 г. Режиссёр фильма – Григорий Чухрай, автор сценария – Георгий Колтунов, оператор – Сергей Урусевский. Действие происходит в годы Гражданской войны в Закаспийской области. Главное действующее лицо – гвардии поручик Вадим Николаевич Говоруха-Отрок, полномочный представитель правительства Колчака в Закаспийской области, подконтрольной Вооружённым силам Юга России. В главных ролях снялись Олег Стриженов и Изольда Извицкая. Г. Чухрай одним из первых показал подлинную картину всенародной трагедии – трагедии Гражданской войны.

В 1959 г. на киностудии им. М. Горького был снят один из первых фильмов об А. В. Колчаке – «Золотой эшелон». Жанр фильма определён как военная драма. Режиссёр фильма – Илья Яковлевич Гурин, известный советский кинорежиссёр и сценарист. Авторы сценария – Ариадна и Пётр Тур, оператор – Милица Богаткова, композитор – Кара Караев. Действие фильма происходит в 1919 г. в Сибири. Пользуясь полной неразберихой, адмирал Колчак хочет вывезти за границу часть золотого запаса страны. В самый последний момент об этом узнают большевики. Они решают перехватить эшелон. Несколько километров железнодорожных путей до границы становятся полем битвы между белыми и красными. В фильме снимались такие известные, тогда ещё молодые актёры, как Василий Шукшин, Елена Добронравова, Михаил Козаков. Роль Колчака исполнил актёр Александр Шатов, генерала Жанена – Сергей Попов, генерала Нокса – Алексей Краснопольский. Примечательно, что только эти персонажи были реальными историческими личностями. Остальные действующие лица – вымышленные фигуры, в т. ч. и все «красные». Несмотря на соответствующую «советскую» направленность, этот фильм – едва ли не первая попытка экранизации образа А. В. Колчака. Правда, в Омском драматическом театре это было сделано ещё в 1950 г. На его сцене был поставлен спектакль с многозначительным названием «Навсегда». Роль адмирала исполнял известный впоследствии советский актёр Вацлав Дворжецкий, роль революционера А. В. Масленникова – Михаил Калинин.

В 1968 г. на киностудии «Ленфильм» вышел фильм «Гроза над Белой». Жанр фильма – историческая драма. Режиссёры фильма – Евгений Немченко и Станислав Чаплин, автор сценария – Леонид Любошевский, оператор – Олег

Куховаренко. Фильм рассказывает об эпизоде Гражданской войны, когда войска под командованием М. В. Фрунзе захватили Уфу. Армия Колчака отступает. В роли Фрунзе снялся Александр Михайлов, озвучил роль Вячеслав Шалевич, в роли Колчака – Бруно Фрейдлих. В фильме показаны также такие участники Гражданской войны, как генерал М. В. Ханжин (Ефим Копелян), В. В. Куйбышев (Георгий Тараторкин), М. Н. Тухачевский (Валерий Еремичев).

В 1971 г. на Свердловской киностудии был снят фильм «Кочующий фронт». Жанр фильма – военная драма. Режиссёр и сценарист фильма – Барас Халзанов, оператор – Геннадий Черешко, композитор Евгений Крылатов. В фильме рассказывается о малоизвестном эпизоде Гражданской войны, когда 32 восставших сибирских села объединились в Баджейскую республику. На её уничтожение Колчак бросил 12-тысячную армию. Во главе партизанской армии встал легендарный командир Пётр Щетинкин. В роли Щетинкина снялся Пётр Глебов, в роли Колчака – Валентин Кулик. В фильме показаны также участники Гражданской войны: барон Унгерн (Афанасий Кочетков), Хатон-Батор Максаржав (Асанбек Умуралиев), Сухэ-Батор (Туган Реджиметов).

В 1973 г. на Мосфильме был снят фильм «Земля Санникова». Режиссёры фильма – Альберт Мкртчян, Леонид Попов, авторы сценария – Марк Захаров, Владислав Федосеев. Изначально фильм задумывался об экспедиции барона Э. В. Толля, целью которой было открытие легендарной земли Санникова. Планировалось рассказать в нём и об участии в ней А. В. Колчака в качестве руководителя гидрологических работ. Но, по цензурным соображениям, героями фильма стали вымышленные персонажи, а жанр из героической повести превратился в приключенческо-фантастическую сказку. Руководителем экспедиции делают ссыльного поселенца Александра Ильина (Владислав Дворжецкий), таким образом, актёры отец и сын Дворжецкие прикоснулись к личности Колчака. В линии главного героя прослеживается биография Колчака, которого так же, как и героя фильма, ждала невеста, именем которой Колчак назвал один из открытых им мысов (мыс Софии). В фильме снимались также известные актёры Георгий Вицин, Олег Даль, Юрий Назаров, Махмуд Эсамбаев, Николай Гриценко.

В 1987 г. на экраны страны вышел двухсерийный фильм «Моонзунд», снятый в жанре военно-исторической драмы на Ленфильме по мотивам одноимённого романа Валентина Пикуля. Режиссёр фильма – Александр Муратов, авторы сценария – Эдуард Володарский, Галина Муратова и Валентин Пикуль, оператор – Константин Рыжов. Действие фильма происходит в 1915 – 1917 гг. Рассказывается о заключительном периоде участия Российского флота в первой мировой войне на Балтике. Показан трагический развал флота в условиях зарождающейся революции. Роль Колчака сыграл Юрий Беляев. Во время посещения Центра изучения истории Гражданской войны в Омске он сказал, что он, пожалуй, первый актёр, который сыграл Колчака как трагическую, неоднозначную фигуру, в отличие от карикатурных и негативных образов, которые практиковал тогда наш кинематограф. В фильме представлены такие исторические личности, как Н. О. фон Эссен (Евгений Евстигнеев), Павел Дыбенко (Сергей Гармаш), фон Ден (Владимир Головин),

адмирал Бахирев (Артём Иноземцев). В 1988 г. ряд актёров за роли в фильме получили серебряные медали им. А. П. Довженко.

В 1990 г. студией «Отечество» был создан документально-публицистический фильм «Дорогой мой Верховный правитель». Режиссёр фильма – В. Ловкова, оператор – А. Зайцев. В фильме использованы уникальные кинофотодокументы, хранящиеся в Российском государственном архиве кинофотодокументов в г. Красногорске Московской области. Фильм охватывает почти столетний период, с 1900 г. (документы и фотодокументы о полярных экспедициях А. В. Колчака) по 1989 г. (документы по реабилитации А. В. Тимирёвой). В фильме прослеживается трагическая история жизни и любви Колчака и Тимирёвой.

В 1992 г. Омский театр «Галёрка» поставил спектакль «Адмирал Колчак» по роману В. Максимова «Заглянуть в бездну». Постановщиками этого этапного для театра спектакля стали Владимир Витько и Георгий Завалов. Роль А. В. Колчака исполнял Виктор Чернокутов.

В 1993 г. на телеэкраны страны выходит десятисерийный художественный фильм «Конь белый», снятый киностудией «Диапазон». Жанр телесериала – историческая драма. Режиссёр фильма – Гелий Рябов, авторы сценария – Георгий Адамович и Гелий Рябов, оператор – Олег Плаксин. Фильм рассказывает о России накануне революции. Впервые показана драматическая судьба Колчака, командующего флотом, страшная кончина царской семьи и обстоятельства расследования её гибели, проводимого по поручению Колчака. Фильм показывает жестокость и бессмысленное противостояние, которое ведёт к гибели страны. В роли Колчака снялся Анатолий Гузенко, в роли императора Николая II – Геннадий Глаголев. Главную роль капитана Панчина в фильме сыграл известный актёр Александр Балувев. Во время посещения Центра изучения истории Гражданской войны он записал в Книге Почётных гостей: «Дорогие друзья, спасибо Вам за сохранение истории! Удачи Вам в этом благородном деле!». В фильме представлено много исторических личностей: императрица Александра Фёдоровна (Элеонора Казанская), А. Ф. Керенский (Николай Кочегаров), доктор Боткин (Геннадий Воропаев), Яков Петерс (Дмитрий Поддубный).

В 1994 г. в Севастопольском Академическом театре им. Луначарского поставлен спектакль по пьесе В. Фроловой «Колчак». Роль Колчака исполнил актёр театра Николай Карпенко. За эту роль в 1995 г. ему был вручен «Безертский крест», орден, учреждённый Морским собранием.

В 1998 г. спектакль «Звезда адмирала» по пьесе иркутянина Сергея Остроумова поставил иркутский режиссёр Вячеслав Кокорин. Главную роль исполнил Геннадий Гущин, роль Анны Тимирёвой – Елена Серова и Наталья Королёва. Но по ряду причин спектакль убрали из репертуара.

В 2002 г. омским публицистом и писателем Леоном Флаумом была написана пьеса «Свидетели по делу А. Колчака». Пьеса, представляющая следствие в 3-х действиях, была поставлена в театре «Арлекин». В пьесе автором переосмысливаются политические события в Сибири 1918 – 1920 гг. Центральная

фигура действия – адмирал Колчак. В пьесе присутствуют и другие подлинные исторические личности, такие как К. А. Попов, В. П. Денике, С. Ф. Омирова, Г. Г. Лукьянчиков, Н. А. Алексеевский.

В 2002 г. итальянский режиссёр Паскаль Морелли создаёт оригинальную полнометражную анимационную экранизацию произведения Уго Пратта «Карто Мальтезе в Сибири» под названием «Погоня за золотым поездом». События фильма разворачиваются в России и Маньчжурии в 1919 г. Командер Карто Мальтез отправляется в Сибирь на поиски таинственного поезда, доверху нагруженного золотом. Оно принадлежит армии Колчака. В итоге Карто и его друзьям удаётся остановить состав, золотом овладевают китайские революционеры.

В 2003 г. режиссёром Никитой Михалковым был снят документальный цикл, состоящий из 7 фильмов, «Русские без России». Авторы цикла проследили судьбы эмигрантов «первой волны», преимущественно так называемой «военной эмиграции». Перед зрителями проходят жизни военных А. В. Колчака, П. Н. Врангеля, А. И. Деникина, писателя Ивана Шмелёва, поэта Николая Туроверова. Драма белого движения – это та точка, в которой русская история раскололась. Фильм 2-й – «Диалоги с Колчаком» – рассказ внука адмирала, Александра Ростиславовича Колчака, живущего ныне во Франции, о своём деде и о судьбах России.

4 ноября 2005 г на сцене Иркутского академического театра им. Охлопкова зрители впервые увидели спектакль «Встречи с адмиралом Колчаком». Спектакль был поставлен на известного российского актёра, народного артиста России, лауреата Госпремии СССР Георгия Тараторкина, который принял приглашение режиссёра театра Геннадия Шапошникова сыграть адмирала. Роль Софьи Омировой-Колчак исполняла Марина Елина, Анны Тимирёвой – Евгения Гайдукова. В 2006 г. спектакль был показан москвичам.

В 2007 г. в Омском государственном музыкальном театре состоялась первая в России постановка необалета «Апофеоз». Музыка к балету написал Александр Пантыкин, либретто, постановка и хореография – Юрий Пузаков, художники-постановщики – Ирина и Маргарита Акимовы, Юрий Устинов, автор идеи – Борис Ротберг. Роль Колчака исполнил Д. Дерябин, С. Н. Тимирёва – С. Флягин, А. Тимирёвой – Т. Бирюкова. Специфика балетного жанра передавала через танец дух сосредоточенной мощи, упорства адмирала, призванного временем прекратить хаос, в который была ввергнута Россия во времена революции и Гражданской войны.

В 2008 г. кинокомпания Dago Productions представила на общероссийскую премьеру историко-художественный кинофильм «Адмиралъ». Вышла также телеверсия фильма, состоящая из 10 серий. Режиссёр фильма Андрей Кравчук, продюсеры – Джаник Файзиев и Анатолий Максимов, авторы сценария – Владимир Валущкий и Зоя Кудря, оператор – Алексей Родионов. Кинофильм повествует о жизни боевого офицера военно-морского флота, впоследствии адмирала, руководителя белого движения и Верховного правителя А. В. Колчака. События разворачиваются в период 1916 – 1920 годов на фоне крушения Российской империи, двух революций, а также Гражданской войны. На фоне

гибнущей империи показана история последних дней жизни адмирала Колчака, который до конца оставался верен своим взглядам и своей любви. Роль Колчака в фильме сыграл Константин Хабенский, Анны Тимирёвой – Елизавета Боярская. Главную песню фильма исполнила Виктория Дайнеко на стихи А. Тимирёвой и музыку Игоря Матвиенко.

В этом фильме, как ни в каком другом, представлено большое количество исторических персонажей. Это император Николай II (Николай Бурляев), Александр Керенский (Виктор Вержбицкий), Виктор Пепеляев (Александр Клюквин), генерал Жанен (Ришар Боренже), Пётр Вологодский (Виталий Зикора), генерал Каппель (Сергей Безруков). При посещении Центра изучения истории Гражданской войны С. Безруков, впечатлённый экскурсией, написал в Книге Почётных гостей: «Спасибо за бережную память о Колчаке, о Белом движении и о потрясающих Русских людях!».

В 2010 г. каналами Россия-1 и ВГТРК был снят документальный фильм «Поезд-призрак. Тайны золота Колчака». Режиссёр фильма – Алексей Китайцев, авторы сценария – Кирилл Плетнер, Гаянэ Петросян. В основе сюжета – период зимы 1919 – 1920 г. По Кругобайкальской железной дороге мчится поезд, в вагонах которого золотой запас. На пути следования золотого эшелона красные партизаны минируют часть скалы. Как только поезд показывается из тоннеля, происходит взрыв. Вагоны с драгоценным грузом уходят в бездну Байкала. В течение года съёмочная группа «Роскосмоса» вела документальное расследование, участвовала в экспедициях по поиску легендарных сокровищ.

В 2011 г. в Москве молодой режиссёр Анна Фокета показала на сцене Центра им. Мейерхольда спектакль «Анна». Это её собственная сценическая композиция по письмам и дневникам А. В. Тимирёвой и А. В. Колчака. Единственную роль в спектакле исполняет молодая актриса театра Российской армии Анастасия Бусыгина. Колчак в спектакле говорит голосом Георгия Тараторкина.

В 2012 г. в Севастополе драматический театр Черноморского флота Российской Федерации представил на суд зрителей спектакль «Я жду тебя на Графской», созданный по мотивам пьесы Аксины Норманнской «Севастопольские фантазии». Роль адмирала Колчака исполнил Геннадий Ченцов, роль Анны Тимирёвой – Оксана Осипова.

Простое перечисление фильмов и пьес, рассказывающих об адмирале Колчаке и Гражданской войне, показывает, что интерес к этому периоду и этой личности со временем только возрастает. Но вопросов по-прежнему больше, чем ответов. Достоин сожаления, что наши кинематографисты и драматурги чаще всего обращаются только к двум, несомненно, захватывающим темам в жизни А. В. Колчака – отношениям с А. В. Тимирёвой и судьбе золотого запаса. В то же время почти не показаны «полярный» и «черноморский» периоды биографии Колчака. Поэтому очень хочется надеяться, что фильмография А. В. Колчака получит продолжение, достойное его личности.

О.Ю. ВДОВИНА

г. Омск, Главное управление Центробанка России по Омской области

ЭМИССИОННАЯ ПОЛИТИКА ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ

Сейчас, как никогда, очень важен исторический опыт, накопленный поколениями нашей страны. Годы Гражданской войны в России обогатили историческую и экономическую науку огромным количеством новых знаний, основанных на опыте функционирования экономики страны в условиях системного кризиса. В связи с этим представляются интересными реформы, проводимые правительством Колчака в 1918 – 1919 гг, во времена противостояния двух идеологически развитых лагерей, в условиях жесточайших Гражданской и экономической войн.

Правительство Колчака не только вело боевые действия, направленные против захвата власти большевиками, но и обустроивало жизнь на территории России, подконтрольной омской власти. Приступая к управлению и изучая ситуацию, А.В. Колчак и не представлял, с какими трудностями ему придется столкнуться: распад страны, нарушение хозяйственных связей, полное расстройство денежного обращения, превышение роста расходов над доходами, невозможность в полном объеме собрать налоги, падение производства, саботаж и многое другое.

Расстройство денежного обращения характеризовалось, с одной стороны, катастрофическим недостатком денежных знаков, а с другой – их немислимым разнообразием. От Омска до Владивостока их было столько, что даже сегодня не представляется возможным точно назвать их количество. Так, кроме «романовских» (выпущенных царским правительством), «керенок» (выпущенных Временным правительством), таких суррогатов, как облигации «Займа Свободы», купоны ценных бумаг, в обращении были еще и деньги местного происхождения – чеки банков, боны, выпущенные большевиками на востоке России и др. Количество их не поддавалось учету.

Поэтому основные мероприятия, проводимые правительством Колчака по организации денежной реформы, были направлены на унификацию денежного обращения; создание единого эмиссионного центра; сохранение и увеличение золотого запаса; установление монополии на золото и платину; вопросы, связанные с размещением царским правительством части золотого запаса в заграничных банках; вопросы о денежной единице в торговом обороте; пересмотр монетного устава [1].

Министерство финансов омского правительства разработало план наполнения бюджета и урегулирования денежного обращения на подконтрольных территориях. Направления этих мероприятий были следующими:

1. Устранить денежный «голод», изъять из обращения суррогаты денег, заменить их лучшими и поддающимися учету.
2. Затребовать кредитные билеты, отпечатанные в США по контракту с Временным правительством Львова-Керенского в 1917 г., с целью единения денежного обращения. Американские банкноты, по замыслу Минфина, одним

фактом своего технического превосходства должны были поднять доверие к сибирским денежным знакам и повлиять на уничтожение лажа.

3. Приступить к поэтапному обмену денежных знаков.

Для восстановления нормальной экономической жизни страны необходимо было ввести новые банкноты, которые явились бы естественным платежным средством при импортно-экспортной торговле. Эмиссия денег являлась залогом бесперебойного функционирования власти и была своеобразным показателем государственной независимости.

В октябре 1918 г. при Омском Минфине была образована Экспедиция заготовления государственных ценных бумаг (ЭЗГБ), обслуживавшая нужды правительства вплоть до конца декабря 1919 г. Изначально в законодательном порядке эмиссия была ограничена, а денежные знаки планировалось выпускать соответственно техническому уровню того времени. Однако давление внешних и внутренних обстоятельств «сняло ограничения» с эмиссионного права, снизив качество печатания денег [2]. Для ликвидации дефицита денежных знаков малых номиналов было решено изготавливать и пускать в оборот казначейские знаки достоинством 10, 5 и 1 руб., разработанные Временным Сибирским правительством. Первым в ноябре 1918 г. был введен в наличный оборот разменный пятирублевый казначейский знак, 1 и 10 руб. – в 1919 г.

Художественное оформление этих купюр было однотипным, они изготавливались на простой бумаге без водяных знаков. На лицевых сторонах был дважды изображен симметрично относительно центра «раздетый» двуглавый орёл, заимствованный с печати Временного правительства России. Такое название двуглавый орел, нарисованный И.Я. Билибиным, приобрел из-за отсутствия на нем монархических регалий. На оборотных сторонах всех трех казначейских знаков был изображен герб Сибири – два соболя со стрелами, помещенный на круглую виньетку.

В народе эти деньги получили название «сибирки». С каким-либо надежным обеспечением у «сибирок» дела обстояли примерно так же, как и у большинства денег времен Гражданской войны. То есть просто никак. Инфляция была такой, что родилась шутка: «За воз сена нужно отдать воз денег». Чрезмерный выпуск денежных знаков, а также прогрессирующая нехватка товаров привели к катастрофическому росту цен. Покупательская способность сибирского рубля значительно колебалась в зависимости от политических и военных удач или поражений. На курс денег влияло и качество денежных знаков. Сибирские деньги из-за примитивной техники изготовления быстро изнашивались и не выдерживали никакой конкуренции с царскими рублями. Это обстоятельство способствовало проникновению в наличный оборот огромного количества фальшивых денег.

Сначала внимание фальшивомонетчиков было сосредоточено на купонах ценных бумаг и «керенках», немного позже излюбленной целью подделки стали сибирские

денежные знаки. Подделка сибирских денег географически была всесторонней: их изготавливали в Сибири, на Дальнем Востоке, в полосе отчуждения КВЖД и Японии, а также в РСФСР для снабжения советского подполья. Активизация поступления в обращение фальшивых сибирских денег произошла осенью 1919 г., когда у правительства Колчака в условиях военных неудач не было возможности пресечь действия фальшивомонетчиков. В итоге, постоянный финансовый дисбаланс не позволил омскому правительству унифицировать денежный рынок, а рост эмиссии при низком качестве денег сводил на нет борьбу с фальшивомонетничеством.

Член правительства А.В. Колчака Г.К. Гинс в книге «Сибирь, союзники и Колчак», изданной в Харбине в 1921 г., писал: «... сведения из советской России свидетельствуют о том, что там печатают керенки в невероятных количествах и везде, где только можно. В обозах красных захватывают печатные станки, изготавливающие керенки для нужд фронта. Население измеряет керенки аршинами и заворачивает в них колбасу...» [3].

В этих условиях колчаковцы решились на изъятие «керенок» из обращения с 15 мая 1919 г. Целью изъятия «керенок» было сокращение размеров инфляции и установление единого эмиссионного центра в Омске. Правительство обещало до 1 января 1920 г. выплатить половину изымаемых денег, а вторую половину объявило беспроцентным двадцатилетним государственным займом. В отчете Минфина утверждалось, что эта мера дала возможность до известной степени привести в порядок рынок. Но мероприятия по изъятию «керенок» были поспешны и непродуманны.

Изъятие проходило исключительно в короткие сроки, в связи с чем большая часть населения, особенно крестьяне, не имели возможности вовремя поменять свои деньги. Население понесло значительные убытки, что, безусловно, роняло престиж омской власти. Вследствие этого произошло еще большее падение покупательской способности рубля с понижением курсовой стоимости и увеличением обменного лажа. Выросли оппозиционные настроения.

Правительство как можно скорее намеривалось получить денежные знаки, отпечатанные по контракту фирмой «American Bank Note Company». А.В. Колчак и Минфин уделяли большое внимание этим денежным знакам для унификации денежного обращения и повышения доверия народа к правительству и его денежной единице. Летом 1919 г. в обращение были выпущены денежные знаки, наконец-то поступившие из США, номиналом 50 коп., а в конце 1919 г. – облигации (200 руб.) и купоны (4 руб. 50 коп.) Внутреннего выигрышного 4 1/2-% займа 1917 г. (по нарицательной стоимости). Эти денежные знаки также относятся к сибирской эмиссии. Обладая наилучшим внешним исполнением и качеством бумаги, американские денежные знаки выгодно отличались от всех видов платёжных средств, выпускавшихся антибольшевистскими властями на востоке России в 1918 – 1920 гг. Кредитные же билеты из-за различных проволочек со стороны союзников в обращение не попали.

К осени 1919 г. Минфин правительства Колчака опубликовал итоговые данные по выпуску казначейских знаков. Выяснилось, что до 1 сентября 1919 г. было выпущено казначейских знаков номиналом 10, 5 и 1 рубль на сумму 113 981 000 руб. Выпуск казначейских знаков ослабил «разменный голод», но не смог ликвидировать дефицит денежных знаков малых номиналов. В октябре 1919 г. был произведен дополнительный выпуск этих же номиналов на сумму 100 млн. руб.

Но и этот выпуск оказался недостаточным для нормализации положения на товарно-денежном рынке. Правительством Колчака перед самым его падением были введены в обращение два новых знака, в конце 1919 г. – 3 и 300 руб. Можно утверждать, что новые казначейские знаки печатались с использованием ранее созданных клише, предназначенных для казначейских знаков, поскольку они внешне схожи с ними [4]. Это, прежде всего, относится к названию денежных знаков. На них было напечатано: «Казначейский знак Временного Сибирского правительства», хотя это правительство уже как год не существовало. На казначейском знаке в 300 руб. проставлен год выпуска «1918», как и на знаках первой серии.

Меньшее сходство имел казначейский знак в 3 руб., хотя его лицевая сторона содержит многие орнаментальные элементы, такие же, как и знаки предыдущих серий. Обратная сторона этого знака орнаментирована по-иному. Главное – на ней отсутствует старинный герб Сибири, а вместо него выполнен рисунок овальной розетки с цифрой номинала. Очевидно, исключая сибирский герб, правительство А.В. Колчака показывало, что его власть распространяется не только на территории Сибири, но и на другие российские регионы.

Основной особенностью оформления двух казначейских знаков правительства, возглавляемого адмиралом, является введение в рисунок лицевой стороны нового герба в виде двуглавого орла с монархическими атрибутами: в одной его лапе – держава, в другой – меч. На груди орла изображен Георгий Победоносец. Над орлом помещены Георгиевский крест и девиз: «Симъ победиши» [5]. Все эти атрибуты явственно выражали идеологию Верховного правителя.

Неувязка, которая произошла с кредитными билетами, заказанными в свое время в США, побудила Минфин к самостоятельному печатанию денежных знаков. Разработка рисунка для новых денег была поручена художнику-скульптору И.Д. Шадрю [6]. Краски, бумага и станки для печатания денег были закуплены в США. Выпустить в обращение новые кредитные билеты омское правительство не успело, а вот пробные знаки изготовило.

Особенный интерес представляет знак 1000 руб. Для оформления его лицевой стороны был использован несколько измененный рисунок Российской государственной печати конца XVII в. В правой лапе орла вместо скипетра помещен «пламенеющий меч» архистратига Михаила. Вместо «державного яблока» в левой – «червлениое сердце, показывающее верность, в середине которого крест, изъясляющий истинное усердие к божьему закону, основанию всей добродетели...» [7].

В целом этот вариант герба иллюстрировал слова императора Александра I из манифеста времен Отечественной войны: «С крестом в сердце и с оружием в руках никакие человеческие силы не одолеют нас». Корона над гербовым орлом была заменена на «всевидящее око», на груди помещен сибирский герб, а на крыльях — гербы городов, которые Колчак считал своей опорой: Оренбург, Уфа, Челябинск, Омск, Екатеринбург и Пермь. Окружал герб венки из 27 гербов областей и губерний великой России.

Появление в годы Гражданской войны местных денежных знаков явилось вполне объективным следствием финансовой политики предшествующих лет, затяжной империалистической войны, параличом власти, революционными движениями, разрывом связей между центром и отдельными регионами и доказало тесную взаимозависимость между экономическим и политическим балансом в государстве. А.В. Колчаку не удалось преодолеть сепаратистские настроения, имея у себя в тылу политическую оппозицию, крестьянские восстания и партизанское движение, не был решен вопрос о легитимности омского правительства, и, как следствие, не признание его официально международным сообществом. При этом правительство Колчака проделало огромную работу по нормализации и унификации денежного обращения, восстановлению кредитно-финансовой и банковской системы, организации бюджетного планирования и попытке наполнения его доходной части, выстраиванию государственного аппарата, подготовке кадров. Была организована работа по подготовке к выпуску в обращение кредитных билетов нового образца со сложной технической печатью.

При изучении мероприятий по организации денежного обращения правительством Колчака четко вырисовывается то, что в условиях Гражданской войны экономические мероприятия любого правительства, какими бы идеалами оно ни вдохновлялось, были обречены на провал. Всякие нарушения равновесия в области финансов чреваты малоприятными последствиями, основное бремя которых несёт на себе население страны.

1. Алямкин А.В., Баранов А.Г. История денежного обращения в 1914 – 1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург, 2005. С. 197.
2. Петин Д.И. Денежно-эмиссионная политика Советской власти и антибольшевистских режимов в Сибири (октябрь 1917 – ноябрь 1920 г.). Барнаул. 2011. С. 16.
3. Николаев Р.В. Адмирал Колчак и «керенки». Миниатюра. М., 1991. С. 11.
4. Николаев Р.В. Как Сибирь деньгами прирастала // Водяной знак. 2011. №3. С. 96.
5. Шиканова И.С. Денежная реформа Колчака // Денежные реформы в России. История и современность. Сборник статей. М., 2004. С. 130.
6. Шиканова И.С. Указ. соч. С. 154.
7. Винклер П.П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. СПб., 1900. С. 18.

Н.В. ГАЛКИН

г. Кемерово, Государственный архив Кемеровской области

СУДЬБА РУССКОГО ИНЖЕНЕРА

Речь пойдет о ныне забытом замечательном русском инженере Иване Ивановиче Лоханском, одном из основоположников отечественной коксохимии в Сибири, человеке самых разносторонних интересов. (В советское время он был автором первых советских учебников по коксохимии, первых советских коксовых печей. К сожалению, после 1937 г. о нем фактически ничего не известно). Выпускник одного из Санкт-Петербургских вузов, И.И. Лоханский в предреволюционные годы успел поработать на строительстве некоторых коксовых заводов на Украине (откуда, вероятно, и был родом).

В конце 1916 г. акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей (Копикуз) пригласило этого молодого, но перспективного специалиста в качестве главного инженера на строительство первого за Уралом коксохимического завода, которое начиналось в районе старинного сибирского села и волостного центра Щеглово, очень скоро превратившегося в город Щегловск (современное название – Кемерово).

В первых числах марта 1917 г. до Щеглово дошла весть о свержении Николая II. Революция! С началом российской революции на стройке и в селе наступила, можно сказать, новая жизнь. Съезды, шествия, демонстрации, митинги следовали один за другим. Именно тогда, на наш взгляд, Щеглово стало превращаться в Щегловск. Образно выражаясь, у колыбели нашего города стояли две няньки – революция и начало крупного промышленного строительства. Революционный порыв самых разных слоев населения и связанные с этим надежды на лучшее будущее сыграли здесь едва ли не решающую роль. (Намечавшийся классовый разлом был еще впереди). Энергичный и общительный человек, инженер Лоханский оказался в самой гуще событий. Весной 1917 г. его даже ввели в городской комитет общественной безопасности (каково название!), одновременно открылись самые широкие возможности для приложения немалых творческих способностей нашего героя. (Необходимо заметить, что И.И. Лоханский был страстным любителем театра, и везде, где бы он ни жил, создавал самодеятельные театральные труппы).

Вот уникальные по своей значимости исторические сцены, по сути дела, совершенно неизвестные страницы из культурной и общественной жизни раннего Щегловска образца 1917 – 1918 гг., записанные советским писателем Никитиным именно по рассказам инженера Лоханского. Кстати, несколько слов об этом писателе. М.А. Никитин (1902 – 1973) – советский писатель-документалист, ныне совершенно забытый. В 1935 – 1936 гг. неоднократно приезжал в Кемерово, где тогда проживал И.И. Лоханский, с целью сбора материалов по истории строительства Кемеровского коксохимического завода. Встречался с ветеранами завода (в т.ч. и с Лоханским), записывал их воспоминания. Плодом усилий Никитина явилась «Кузбасская хроника» –

строго документальное повествование, с подлинными датами и персонажами, где Лоханский выведен под именем инженера Лохвицкого. Книга увидела свет уже в послевоенное время, и ныне столь же надежно забыта, как и ее автор. Итак, слово «Кузбасской хронике»:

«Было это в мае 1917 г. В Щегловске только что прошла первомайская демонстрация, в ней приняли участие и военнопленные. Их было свыше 600 человек. Живя в охраняемых бараках, они до сих пор представляли особый мирок, и выход их на демонстрацию как бы означал выход в большой мир.

Лоханскому нужно было строить рабочий поселок, и он решил набирать строителей в лагере военнопленных. Как и следовало ожидать, в лагере удалось найти не только слесарей и плотников, но даже музыкантов, в которых так нуждался любительский театральный кружок. Лоханский объединил пленных музыкантов в самодеятельный оркестр, а из заводских любителей образовал театральную труппу.

Случилось так, что большинство артистов одновременно вошло в состав пожарной дружины. Учения пожарной дружины неизменно привлекали публику. Так же охотно посещала публика и любительские спектакли добровольных пожарников. Остряки утверждали, что дружинники исполняют роли в театре, как пожарники, а пожары тушат, как артисты. Это не мешало, однако, острякам с боем занимать места в здании конторы, когда там ставились спектакли.

В день Первого мая в городе было устроено народное гулянье. В те времена увеселительных заведений в городе не было, и горожане собрались на большой площадке, где молодежь, как могла, показывала свою удаль: бегуны, до пояса натянув мешки, развлекали публику нелепыми прыжками, другие удалцы, стоя на бревнах, сбивали друг друга ударами бычьих пузырей, надутых воздухом. Наиболее искусные, держа в ложке куриное яйцо, бежали наперегонки, стараясь первыми прийти к финишу. Крик, шум, смех не умолкали до вечера» [1].

И далее: «Летом этого же года из Томска был привезен киноаппарат. Кинематограф быстро завоевал популярность: небольшое здание конторы ломилось от публики в те вечера, когда оно превращалось в кинозал. Щегловским девушкам особенно нравились картины с участием Мозжухина и Лисенко. Рояля в городе не было, на сеансах играл граммофон, под его хриплые звуки Мозжухин трагически вращал глазами, а Лисенко заламывала руки. Граммофон играл невпопад, но зрители были терпеливы, и о новой картине в городе говорили неделями. Среди щегловских девушек счастливицами считались те, у кого были открытки с портретами Мозжухина» [2].

Замечательные зарисовки давно ушедшей эпохи, не правда ли? Получается, на заре своей «туманной юности» наш город жил достаточно интенсивной культурной жизнью. И не мудрено. В силу ряда исторических причин в Щегловске с самого его основания было довольно много интеллигенции, и не только технической. Увы, очень скоро ураган Гражданской войны превратил этот мир в мираж.

Говоря о щегловской жизни того времени, нельзя не упомянуть о создании культурно-просветительного общества летом 1917 г. Кипучая деятельность этого славного общества была очень красочно описана в заметке, опубликованной в томской губернской газете «Красное знамя» 10 мая 1918 г. «Не имея ни копейки в своем распоряжении, – сообщала газета, – просветительное общество начало свою деятельность, устроив спортивное гуляние под названием «Пожарный праздник» в имеющемся при заводе саду. А «Пожарным праздником» это гулянье называлось потому, что пожарная добровольная дружина Кемеровского химзавода демонстрировала свои упражнения. Этот «Пожарный праздник» дал просветительному обществу около 300 руб. чистого сбора, таким образом был положен краеугольный камень наличного капитала общества для его дальнейшей деятельности. На «Пожарном празднике» играл оркестр военнопленных на инструментах собственной работы. После же гулянья просветительное общество имело уже возможность приобрести за свой счет необходимые музыкальные инструменты, в чём оказало также денежную поддержку и управление Кузнецкого каменноугольного и металлургического общества, которому принадлежал химический завод. Таким образом, просветительное общество обзаводится своим оркестром. В дальнейшем работа просветительного общества начнет разрастаться и расширяться, привлекая к себе внимание более широких слоев рабочего класса. Начинают ставиться спектакли, для каковой цели приспособляется один из классов школы, где воздвигается миниатюрная, но технически оборудованная сцена. В устройстве сцены и ее оборудования принимают участие все члены просветительного общества своим трудом: плотники, маляры, слесари, электрики в свободное от заводских работ время – все вносят свою лепту, посвящая этому делу весь свой досуг. С помощью постановок спектаклей инвентарь просветительного общества и его наличный капитал в настоящее время достигают уже нескольких тысяч рублей. Общество имеет много декораций, большую театральную библиотеку, кинематографический аппарат, оркестр и прочее. В спектаклях, устраиваемых просветительным обществом, главным образом, принимают участие рабочие под режиссерством инженера И.И. Лоханского. Были поставлены пьесы: «Огарки» Белой, «От нее все качества» Томского, «Гибель надежды» Хиерманса, «Графиня Эльвира», «Ямщики» и другие и даже оперетты «Веселая вдова», «Волшебная флейта» (неужто Моцарт? – Н. Г.) и «Чары весны». Было устроено несколько концертов, в которых принимал участие собственный хор просветительного общества под управлением В.П. Катукова. Спектакли ставятся весьма тщательно и не уступят в своей постановке многим провинциальным «заправским» театрам, но, к сожалению, вследствие тесноты помещения, спектакли приходится ставить по два, три раза подряд, и то едва удастся удовлетворить всех желающих попасть на спектакль, так как в зале вмещается не более 200 зрителей. По мысли председателя просветительного общества инженера В.В. Ревердатто, предпо-

лагается строить большую аудиторию на 500-600 человек как для спектаклей, так и для намеченных лекций и технических курсов, которые предполагается устроить для рабочих в самом недалеком будущем. Много труда и любви к делу положено нынешними руководителями просветительного общества инженерами Лоханским и Ревердатто для поднятия культурного уровня населения заводского поселка, для отвлечения его от пьянства, картежной игры и разврата, за что можно им сказать большое спасибо от «широкой души», как говорят украинцы, и пожелать им в будущем успеха в их беззаветной работе на пользу рабочего люда» [3].

Интересно отметить, что эта давняя и практически забытая газетная публикация через много лет оказалась перепечатанной в книге «Кемеровский коксохим» (1974 г.) с указанием, что культурно-просветительное общество было создано-де в конце 1917 г. Во втором издании книги, увидевшем свет в 1984 г., авторы внесли скромное, но весьма актуальное по тем временам «уточнение»: общество, дескать, было создано «по инициативе партячейки» [4] химзавода (?). А между тем, сама эта ячейка, возникшая незадолго до просветительного общества, состояла из двух десятков малограмотных или вовсе неграмотных (не в укор им будет сказано) рабочих, ни на йоту не разбиравшихся в вопросах искусства. Так кто же и когда создал в Щегловске культурно-просветительное общество? Точный и недвусмысленный ответ находим во втором (1962 г.) издании книги краеведа И.А. Балибалова, посвященной истории Кемерово. В разделе «Хронологическая справка» он, в частности, писал: «1917 год. Август. На химзаводе организовано культурно-просветительное общество по инициативе инженера И.И. Лоханского. Создан симфонический оркестр» [5]. (Кстати, по не вполне понятным причинам эти строки из всех последующих изданий книги Балибалова исчезли).

Память о выдающемся вкладе И. И. Лоханского в дело культурного просвещения и развития молодого города сохранялась и в 1920-е гг. Заслуженный артист РСФСР П.Г. Князев, основываясь, правда, на материалах газеты «Кузбасс» второй половины 1920-х гг. (в это время Лоханского уже давно не было в городе), с большой теплотой писал в своих воспоминаниях о «любительском драматическом кружке /химзавода/, в котором тов. Лоханский не только ставил пьесы, но и сам прекрасно выступал в центральных ролях. Добрым словом, – отмечал Князев, – вспоминают рабочие тов. Лоханского и за создание симфонического оркестра» [6].

Однако вернемся к событиям 1918 г. В конце мая, как известно, белочехи подняли вооруженный мятеж, и в первых числах июня советская власть в Кузбассе повсеместно пала. Новую власть Щегловск встречал перезвоном церковных колоколов. Начиналась междоусобная Гражданская война в открытой форме. Как воспринял Лоханский очередной переворот, как он вообще относился к красным и белым, доподлинно не известно. Из повести Никитина можно понять, что инженер пытался остаться над схваткой, надеясь как-нибудь в стороне пережить страшное время. Возможно, так оно и было; и

всё же нашему герою пришлось заступаться за некоторых квалифицированных заводских рабочих, которые были арестованы, потому что ранее состояли в Красной гвардии. Как вспоминал впоследствии рабочий химзавода, старый большевик Ф.Н. Степачев, этих рабочих «выручил главный инженер завода Лоханский /.../ Руководство завода выдало /соответствующее/ письменное поручительство» [7], и писал его, как это отражено и в «Кузбасской хронике», именно инженер Лоханский.

В колчаковский период Иван Иванович Лоханский по-прежнему занимался общественной деятельностью. Известно, что он входил в состав Щегловской городской Думы. Не оставлял и творческих увлечений: любительский театр под его руководством жил и давал представления. И всё-таки сведений об этом периоде жизни нашего героя крайне мало. Одно не вызывает сомнений: он пользовался авторитетом в городе, в том числе – и это немаловажно – у простых рабочих.

В подтверждение последнего тезиса хотелось бы рассказать об одном любопытном эпизоде завершающего этапа Гражданской войны на территории Кузбасса, связанном с именем И.И. Лоханского. Декабрь 1919 г. выдался для Западной Сибири морозным, снежным и... кровавым. Молох военных действий катился по городам и весям. Под натиском красных белые стремительно отступали. Через Щегловск отходила, как известно, Третья колчаковская армия. Вместе с отступавшими частями заблаговременно ушел и весь Щегловский гарнизон, а также городская, заводская и рудничная администрации, большинство богатых и состоятельных горожан. И не потому, что где-то наступала Красная Армия, а из-за приближения роговцев. Дело в том, что до горожан дошли леденящие душу слухи о том, что натворило это крупное партизанское соединение, пришедшее, кстати сказать, с Алтая, в захваченном ими накануне Кузнецке. Город был разграблен, множество горожан перебито. Роговщина, если кто не знает, это своеобразная сибирская махновщина. (Недаром лидеры движения, Рогов и Новоселов, впоследствии вступили в вооруженный конфликт с советской властью и были уничтожены).

Так вот, многотысячный партизанский отряд Рогова вошел в Щегловск практически без боя в середине декабря, похозяйничал здесь около суток, пока не был выбит отступающими частями колчаковской армии. И за столь короткий срок роговцы успели и пограбить (правда, не в таких масштабах, как в Кузнецке – времени было в обрез), и порубить «в капусту» («изящное» выражение этой братии, экономившей патроны) несколько десятков человек «богатеньких» из тех, кто по тем или иным причинам не успел или не захотел уйти с белыми. В числе последних оказался И.И. Лоханский.

Что же с ним произошло? Вот выдержки из мемуаров современников и участников тех кровавых событий. Как вспоминал бывший красногвардеец и подпольщик И.Г. Ковалев, «администрация химзавода бежала в тайгу, только один главный инженер, химик Иван Иванович Лоханский отстал и лежал в снегу. Его партизаны вытащили со снега и привели в штаб Рогова-

Новоселова. Я и Поляков Сергей видели, когда его вели. Мы пошли в штаб и лично доложили Рогову о Лоханском И.И., что он безвредный человек для рабочих, за ним ничего плохого нет, кроме хорошего, и что он будет очень полезный строитель-химик. Рогов с нами согласился, дал команду Лоханского И.И. из-под стражи освободить» [8].

А вот как описан этот эпизод в воспоминаниях А.Д. Вдовина: «Из химзаводской конторы они вывели инженера Лоханского, который остался на работе, отказался эвакуироваться с химзаводской администрацией. Роговцы над Лоханским хотели учинить расправу, но из прилегающих барачных корпусов высыпали химзаводские рабочие и заступились в защиту инженера. Лоханский был отпущен, а конники ускакали по направлению на Щегловск» [9].

Таким образом, герой нашего повествования был спасен щегловскими рабочими. В свое время он много сделал для простого рабочего люда, иным даже спас жизнь в период колчаковщины, и теперь рабочие отплатили ему тем же. Добро отозвалось добром. Согласитесь, на фоне ожесточенной Гражданской войны случай достаточно уникальный. Таков был тернистый жизненный путь удивительного человека, талантливого русского инженера И.И. Лоханского, оказавшегося в горниле революции и Гражданской войны, бушевавших на территории Кузбасса. После вторичного прихода большевиков он еще многое успел сделать для России, теперь уже советской, но, право, это уже совсем другая история.

1. Никитин М. Сибирские повести. М., 1968. С. 270 – 271.
2. Там же. С. 271.
3. Цит. по: Дыдевич В., Щербаков М. Кемеровский коксохим. Кемерово, 1974. С. 23 – 24.
4. См.: Дыдевич В., Лебедев С., Щербаков М. Кемеровский коксохимический. Кемерово, 1984. С. 21.
5. Балибалов И. Кемерово. Кемерово, 1962. С. 289.
6. Государственный архив Кемеровской области. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 393. Л. 1 об.
7. Там же. Д. 58. Л. 18.
8. Там же. Д. 73. Л. 18.
9. Там же. Д. 378. Л. 2, 2 об.

Ю.Н. ЕФРЕМОВА

г. Омск, Центр изучения истории Гражданской войны
(Исторический архив Омской области)

ЛЕОПОЛЬД ЗЕМАНЕК (1892 – 1950): ОТ ВОЕННОПЛЕННОГО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО СОВЕТСКОГО ПАРТИЙНОГО ДЕЯТЕЛЯ

*Автор выражает благодарность Антону Олеговичу Земанеку
за сбор материалов в архивах России и Чехии.*

Политические события начала XX в. отразились на жизнях и судьбах всего человечества. Происходила смена власти и курса той политики, которая не устраивала некоторые слои населения. В частности, главная движущая сила революции – рабочий класс – постепенно поднялась на уровень управления, перевернув всю систему предыдущих ценностей. Именно из рабочего сословия происходили все деятели партийной системы.

В последнее время наблюдается выраженный интерес к участникам Гражданской войны. Это проявляется даже на примере возросшего числа генеалогических запросов в архивы страны, касающихся биографии и судьбы участников боевых действий как на стороне белого движения, так и на стороне большевиков. Потомки все чаще ищут сведения о боевом пути своих предков в государственных архивах. А иногда находят в семейных архивах поистине уникальные сведения. История нашей страны и некоторых соседствующих стран после 1920 г. стала писаться только «красными чернилами». Сложилась идеология советского государства, где участники белого движения были объявлены врагами народа. Бывшие колчаковцы были вынуждены скрывать свою позицию в период Гражданской войны на протяжении всей жизни. В связи с этим, потомки белых офицеров практически не имеют в семейных архивах даже доли того, что имеют потомки тех, кто пошел в ногу с революцией.

В семейном архиве Олега Владимировича Земанека хранятся уникальные документы первой половины XX в. о жизни его деда – Леопольда Вильгельмовича Земанека, чешского военнопленного, а затем красного партизана и партийного деятеля. Часть этих документов сохранилась в семье ввиду бережного отношения, а часть была получена благодаря усилиям правнука Леопольда – Антона Олеговича Земанека из архивов Чехии и России. Подобные документы помогают персонафицировать историю, изучив ее ход посредством рассмотрения судьбы одного человека.

Одним из таких уникальных документов является автобиография Леопольда Земанека, написанная им в 1929 г. для оформления на курсы «красных директоров» в городе Свердловске. Здесь ведется повествование от самого рождения в Вене до работы в должности заведующего отделением «Госшвеймашины» в городе Тюмени. Подробности жизненного пути довольно трагичны, как и у большинства участников Гражданской войны. Но нужно учесть, в какое трудное время для всех граждан СССР, в какой период советской власти писалась эта автобио-

ография, чтобы иметь представление о том, что большинство таких документов было политизировано и абсолютной правдой по большей части считаться не может. Партийные идеи всегда становились главенствующей линией в повествовании подобных документов, таким образом, превращая настоящего семьянина в политического фанатика. Постараемся при анализе источника информации с большой осторожностью воспринимать приведенные в тексте цитаты политического толка Л.В. Земанека.

В 1892 г. в Австрии в семье старшего монтера электростанции Вильгельма Иосифовича Земанека и его жены Кристины Карловны, рабочей текстильной фабрики, родился сын Леопольд. Вскоре вместе с сестрой Марией и братом Яном они остались сиротами и подрабатывали мытьем полов и посуды до определения в приют Чехословакии. «Жизнь цветущего детства до высшей степени адская», – вспоминает Леопольд Земанек в автобиографии [1]. Несмотря на то, что Леопольд хотел после приюта стать художником или архитектором, в 1906 г. его отправили работать учеником маляра «ввиду отрицательного поведения по приютскому воспитанию». Художественное образование удалось получить брату Яну, это станет его призванием по жизни. А Леопольд переехал в Вену к родным, где выучился на обувного мастера. Ему по жизни пришлось сменить несколько профессий и должностей, но обучение на обувного мастера даст в дальнейшем Леопольду большие возможности в трудоустройстве. До начала первой мировой войны он успел проявить себя на машиностроительном заводе, в ресторане, а также в отеле и на обувном заводе. Как отмечает в своей автобиографии Леопольд Земанек, его фабричная деятельность была связана с организацией социал-демократов централистов. Политические идеи этой организации были наиболее близки Леопольду, но жизнь не всегда давала шанс говорить об этом вслух, особенно во времена диктатуры.

Военная служба Л. В. Земанека началась в ноябре 1913 г., в чине старшего унтер-офицера в 54 полку австро-венгерской армии, в городе Оломоуц. С началом первой мировой войны 15 июля 1914 г. полк был направлен на фронт. Через три месяца, 28 октября, Леопольд Земанек был пленен в Польше и направлен поездом в Новосибирск. Военнопленных использовали в качестве рабочей силы, часто опраивали в деревни в помощь крестьянам. Больше года Леопольд трудился на сельскохозяйственных работах, а затем был переведен в Тюмень, где работал конюхом в типографии «Альтшуллер и Лурие».

Русская армия в 1916 г. решила использовать пленных чехов в качестве добровольцев на фронте. 15 мая 1916 г. Леопольд был отправлен в рядах «чехбригады» в Киев. Здесь он проявил себя уже в новом амплуа: служил переводчиком при штабах генералов А.А. Брусилова и П.А. Лечицкого. При допросе военнопленных в Праге Леопольд Вильгельмович повстречался с членом социал-демократической партии, профессором философии Харватом. Так, между делом, Земанек знакомился с политическими мыслями централистов. «В период Временного правительства всех нас чехов направили к своей части чешской бригады в Житомир. Накануне Октября ротой был выделен в делегаты к Президенту

Чешской республики Массарику в Киев для передачи ему от полка продовольствия, где с ним лично встретились в отеле «Франц» на улице Крещатике» [2].

Будучи в Киеве, Л.В. Земанек случайно зашел в редакцию газеты «Чехослован», где встретился с бывшим редактором чешской газеты «Свобода» Гулой, участниками социал-демократической организации централистов и вторично с Харватом, который уже был членом Парламента Чехии за левое течение социал-демократов. Как отмечает сам Леопольд, это были «товарищи, от которых в конечном итоге получил полные разъяснения о создавшихся событиях после Февраля, о приезде Ленина в Россию и кто вообще есть «Ленин», какое значение в современной эпохе иметь будет «Октябрь». В самые октябрьские дни я был в редакции «Чехослован», с товарищем Гулой, с которым ходил по улицам Киева и прислушивался к его разъяснениям о создавшихся событиях на улицах во время вытеснения большевиками из Киева гайдамаков и всей украинской Народной Рады. Получив политические разъяснения, и, полный чувств к большевикам, я простился с Гулой и Харватом, у которых весь период находился, дал обещание при возврате к полку все разъяснить, что видел на глазах в Киеве» [3]. Судя по автобиографии, Земанек стал агитатором большевистских идей.

Земанек вернулся в свою роту, которая находилась в Житомире. И ротный командир, прапорщик Бернардин, тут же заметил пробольшевистский настрой вернувшегося из Киева Леопольда, эта ситуация подорвала доверие к нему со стороны руководства полка. При повторном посещении с полком Киева, увидев, что редакции «Чехослована» уже не существует, Леопольд Вильгельмович принимает судьбоносное решение: покинуть расположение полка и вернуться в Тюмень. Что заставило чешского военнопленного вернуться в Тюмень? Об этом он умалчивает в своей автобиографии. В анкете НКВД в 1937 г. он укажет: «В 1917 г. я был делегирован в Киев в редакцию газеты «Чехослован», где я примкнул к людям, поддерживающим Октябрьскую революцию, получив от них задание, я вернулся на фронт для агитации, но заниматься агитацией мне не пришлось, так как рота меня приняла как агитатора большевистских идей, и решили меня арестовать. Я скрывался, отступая до Киева вместе с одной из большевистских артиллерийских батарей. В Киеве в конце 1917 г. я сел на поезд и уехал в Тюмень» [4].

Но политическая причина не могла стать главной в принятии решения вернуться в Тюмень. Главная причина была более романтична: девушка, которую искренне любил Леопольд, ждала его в этом сибирском городе. В начале 1918 г. Земанек прибывает в Тюмень. В июле он женится на Бутаковой Анастасии Ивановне, той самой девушке, ради которой вернулся в Сибирь. Женившись, Леопольд мечтает о детях и карьере, чтобы в будущем дать им хорошее образование. После беседы с тюменским комиссаром Пермяковым о проезде чехословацких войск через Сибирь Земанеку было дано распоряжение на созыв собрания военнопленных. Чехи, поляки, мадьяры, немцы слушали на собрании доклад Пермякова о значении Октябрьской революции, в конце собрания было решено создать Бюро Интернационалистов и провести выборы. Так, Земанек

впервые был избран членом политической организации. А спустя несколько месяцев, 7 ноября 1918 г., Леопольд Вильгельмович в Тюмени получил партийный билет РКП (б).

Военно-политическая ситуация в 1918 г. в Сибири была нестабильная и складывалась не в пользу большевиков. В августе 1918 г. квартира Земанека была окружена местными военнопленными чехами, стоявшими на стороне контрреволюции, иными словами, «белочехами». Леопольд Вильгельмович был арестован и отправлен в Омскую тюрьму, по воспоминаниям самого арестованного – в одиночный карцер. Когда Леопольда вели в тюрьму под конвоем в районе железнодорожного вокзала, он встретил в рядах чехословаков своих дядей Августа и Освальда [5].

Воля случая позволила Земанеку бежать обратно в Тюмень во время паники при взрыве перед управлением Омской железной дороги. Но попытка побега оказалась неудачной, поскольку данные на всех арестованных были распространены. Беглеца настигли вблизи деревни Плехановой и вернули в Омскую тюрьму. Вероятно, побегов было больше, поскольку в личном деле Л.В. Земанека за 1922 г. указано четыре побега из тюрьмы [6]. В тюрьме Земанек познакомился со своим соотечественником доктором Ружичкой, а также Карлом Рихтером, руководившим движением просоветски настроенных военнопленных в Омске. А во время прогулок он успевал вести разговор с тюменскими товарищами Соколовым и Быковым, такими же сторонниками советской власти. В тюрьме Леопольд перенес брюшной тиф, но эта опасная болезнь не стала исключением для того, чтобы в 1919 г. предстать перед военно-полевым судом. Приговором Земанек был осужден на «1,5 года тюрьмы со строгим наблюдением и использованием на казенные работы жел. дор. станции Омска и 5 лет лишения политических прав в Чехии, что записано в личной карте» [7].

Во время работы на железной дороге Леопольд Вильгельмович старался выкроить время, чтобы найти новое полезное знакомство, дабы пристроить свою жену Анастасию на квартиру в Омске. Она приехала узнать о его судьбе и по возможности быть рядом. Работники депо пожалели девушку и устроили ее на временное проживание в Омске. Омская железная дорога еще с начала XX в. была оплотом политической оппозиции. Поэтому белогвардейцы не могли полностью очистить Омскую железную дорогу от советских идей, исключив все провокации. Работники депо помогли Земанеку и его жене скрываться около трех месяцев в подпольном доме вплоть до отступления белых армий из Омска. А 14 ноября 1919 г., когда Красная Армия вступила в Омск, Земанек был принят на учет как большевик и с женой выехал в Тюмень. В Тюмени их ждало разочарование: родители Анастасии Ивановны и ее брат умерли, другие члены семьи были больны тифом. К сожалению, тиф был еще одним оружием Гражданской войны, которое убивало даже в тылу, не разбираясь, кто на чьей стороне. Леопольд Вильгельмович снова заболел тифом в конце января 1920 г., благодаря стараниям беременной жены он смог поправиться. Но родившийся первенец, сын Борис, умер через 4 месяца.

Городским комитетом РКП (б) Леопольд Вильгельмович был назначен в Тюмени инструктором и организатором детских домов, его жена Анастасия

Ивановна была устроена в один из детдомов воспитателем. Семья Земанеков очень любила детей, поэтому занималась воспитанием обездоленных ребят с особой чуткостью и вниманием, что впоследствии отразилось и на воспитании собственного сына.

Заявив о себе как об ответственном человеке, Земанек был вызван в Москву на марксистские курсы, после окончания которых его отправили в Чехию для подпольной работы. Но в родном городке своего отца Вильгельма – Простееве – ему трудно было вести агитрабату в пользу большевиков среди своих родственников, которые всячески помогали молодой семье, хотя документально создавал ее видимость. После рождения сына Владимира 1 сентября 1921 г. Леопольд Вильгельмович устраивается на завод швейной промышленности, параллельно пишет статьи и дискусирует в пражской центральной газете «Коммунист».

Вскоре семья решает возвратиться в СССР, «в отечество советов для получения теоретических знаний» [8]. Так объясняет свой отъезд Леопольд в своей автобиографии, но истинной причиной было бедственное материальное положение Земанеков. Анастасия Ивановна не могла привыкнуть к стране чужого менталитета и постоянно скучала по родным краям. Любовь к своей жене и малолетнему сыну побудили Леопольда Вильгельмовича получить право на выезд из Чехии, а затем в ЦК РКП (б) в Москве попросить вернуться на родину жены.

Это было уже третье возвращение Земанека в Тюмень. В 1923 – 1926 гг. Леопольд Земанек постоянно менял работу, иногда даже оставаясь безработным. В 1928 – 1929 гг. являлся руководителем политической школы в Тюмени. В 1929 г. семья Земанеков выезжает в Свердловск, куда Леопольд Вильгельмович был отправлен Горкомом партии на курсы «красных директоров». Через год умирает жена Анастасия Ивановна. Смерть любимого человека очень тяжело переживает Леопольд Вильгельмович, но не падает духом, поскольку понимает, что должен вырастить из сына Владимира сильного мужчину, дать ему образование и достойное существование. Забегая вперед, можно сказать, что у Леопольда получилось это сделать: Владимир прошел Великую Отечественную войну от рядового бойца до начальника разведки полка, закончил с отличием политехнический институт, а в дальнейшем стал заместителем министра Совета Министров, главным специалистом по металлургической промышленности УССР.

Период после 1929 г. мы можем проследить на основании второй автобиографии, написанной спустя 20 лет, в 1949 г., хранящейся в семейном архиве Земанеков [9]. Так, в 1936 г. Леопольд Земанек женится второй раз – на А.Л. Чащиной. Через два года в семье рождается сын Валерий. В это же время Л.В. Земанека арестовывает IV отдел УГБ НКВД по обвинению в шпионской деятельности в пользу Германии. Земанека лишили членства в партии и до завершения следствия оставили в Нижне-Туринской тюрьме. Дело против Леопольда было сфабриковано, как и большинство прошедших сталинские репрессии, Земанек испытал на себе пытки и унижения, но, несмотря

ни на что, оставался оптимистом, мысль о семье и детях давала силу духа. Спустя год дело было прекращено, арестованный освобожден из-под стражи. В этом же 1939 г. у Леопольда рождается третий ребенок – дочь Карина. Но восстановленный в правах Земанек подвергается травле и гонениям со стороны однопартийцев, что сказывается на его здоровье, и он принимает решение выйти из партии. До 1944 г. Леопольд Вильгельмович работал в «Свердлкожобувьтресте», в дальнейшем был переведен заведующим мастерской и инструктором «Облпромобувьсобза». Одновременно выполняет поручение по созданию колодочных мастерских в лагерях НКВД для военнопленных в Свердловской области. Так, Земанек «наладил систематический выпуск колодок для обувных фабрик Свердловска, снабжавших фронт обувью» [10].

В 1946 г. от туберкулеза умирает вторая супруга Леопольда. Здоровье Леопольда с каждым днем ухудшается, что вскоре приводит к инвалидности. Леопольд Вильгельмович Земанек умер в 1950 г. в Свердловске. Имена Леопольда и его первой жены Анастасии Ивановны выгравированы на Мемориале революционерам и участникам Гражданской войны, который был открыт в городе Свердловске в 1987 г. на Ивановском кладбище.

Семейные архивы, дополняя сведения государственных архивов, или, в редких случаях, наоборот, остаются основными источниками информации в исследовании родословной и изучении биографии наших предков. Порой семейные легенды остаются неподтвержденными документально, но и документ не всегда вносит ясность в изучение вопроса истории своего рода. Именно синтез нескольких источников позволяет подойти ближе к верному пути изучения генеалогии. Так, на примере Леопольда Земанека мы проследили жизненный путь человека, рано оставшегося сиротой, прошедшего первую мировую войну, плен, Гражданскую войну, тюрьмы, эмиграцию, жившего в постоянных разъездах и порой не имевшего заработка. Именно благодаря синтезу источников мы смогли отделить политизированность автобиографии от реальной жизненной ситуации. Это пример одной судьбы из миллионов тех, чьи судьбы еще предстоит разгадать.

1. Государственный архив административных органов Свердловской области (далее – ГААОСО). Ф. 3-1. Оп. 2. Д. 495. Л. 14. Автобиография Л. В. Земанека // Личный архив О.В. Земанека
2. Там же. Л. 15.
3. Там же. Л. 17.
4. Там же. Л. 18.
5. ГААОСО. Ф. 3-1. Оп. 2. Д. 495. Л. 17об.
6. ГАСПИТО. Ф. П-7. Оп. 3. Д. 15. Л. 5 об.
7. ГААОСО. Ф. 3-1. Оп. 2. Д. 495. Л. 17. Автобиография Л. В. Земанека // Личный архив О.В. Земанека.
8. Там же. Л. 18.
9. Автобиография Л. В. Земанека. Машинопись. Свердловск, 1949. Л. 1-5. // Личный архив О.В. Земанека.
10. Там же. Л. 5.

Д.Р. ЗАЙНУТДИНОВ

г. Казань, Институт социальных и гуманитарных знаний

ПАТРИОТИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ БЕЛОЙ РОССИИ А.В. КОЛЧАКА

«Любовь к родине, преданность своему Отечеству, своему народу» [1] – такое определение патриотизму дано в «Большом толковом словаре русского языка». Яркое проявление патриотизма мы можем увидеть в период социальных потрясений, когда самоотверженность представляется огромным духовным подвигом лишь истинного патриота. Но как относиться к проявлению патриотизма и как его распознать в период внутренней – Гражданской войны? Правомерен ли он? Возможно ли руководствоваться патриотическим сознанием, спасая нравственно истощенный народ от него же самого, а также не допустить полного краха государственности?

Государственно-правовая идеология белой России, неуклонно следуя к установлению либерально-демократического режима в стране, прежде всего, опиралась на духовно-нравственные и морально-этические нормы, лежащие в основе российского патриотизма. Своеобразное ядро борцов за будущую государственность «Великой России» состояло из политических деятелей, правоведов, юристов, не отрекшихся от идеи о воплощении в жизнь демократического государства, институты которого, прежде всего, были ориентированы на установление прав и свобод личности. Создание подлинного демократического государства, независимо от будущей формы правления, будь то монархия или республика, можно было осуществить только путем постепенных политических, социальных и экономических реформ, не затрагивая саму культурно-традиционную и самобытную систему российского общества. И это прекрасно осознавали как лидеры белого движения, так и его идеологи. Именно в этом аспекте истинным патриотом следует считать человека, желающего не только сохранить характерные особенности, традиции и культуру народа, но и дать качественную эволюцию его сознания и бытия.

Дело становления государственности, реформирования правовой системы, укрепления либерально-демократической идеологии и в то же время сохранения национально-культурных и традиционных начал прочно связывалось с патриотизмом многих белых лидеров. Безупречный пример жертвенности всем ради Отечества можно увидеть в пламенном патриоте Александре Васильевиче Колчаке. Государственный путь А.В. Колчака, без сомнения, требуется оценить как деятельность по возрождению патриотического сознания в российском народе.

Довольно часто в историографии отмечают своеобразную политическую наивность и доверчивость А.В. Колчака, его нейтральность и безразличие к идеологическим течениям. Так, например, военный министр Российского правительства А.П. Будберг неоднократно отмечал: «Жалко смотреть на несчастного адмирала, помыкаемого разными советчиками и докладчиками;

он жадно ищет лучшего решения, но своего у него нет, и он болтается по воле тех, кто сумел приобрести его доверие...» [2]. Справедливы ли суждения А.П. Будберга?

Анализируя период пребывания А.В. Колчака в статусе «Верховного правителя России», можно обрисовать его сложившуюся идеологическую позицию. Воспитание в духе жертвенной любви к Родине, несомненно, наложило отпечаток на все идейные воззрения А.В. Колчака, в том числе и на государственно-правовые. И именно здесь патриотизм выступил базисом идейных стремлений в деле государственного возрождения России на началах либеральной демократии, впоследствии утвержденной в качестве государственно-правовой идеологии на белом Востоке России в период конституционной (ограниченной) диктатуры Верховного правителя. Частично идеологическую позицию А.В. Колчака определяет произнесенная им в интервью фраза, раскрывающая намеченный политико-правовой курс: «...твердо укрепился на той мысли, что государства наших дней могут жить и развиваться только на прочном демократическом основании» [3].

В период правления А.В. Колчака произошло своеобразное воскрешение патриотического сознания и патриотизма как нравственного долга и политического принципа. Во многом это осуществилось благодаря отстранению от власти социалистов с пропагандируемой ими идеологией демократического социализма и переходу к либеральной демократии. Как государственно-правовая идеология, либеральная демократия, слившись с элементом патриотизма, придала идее «борьбы за Отечество» (против большевизма) огромную объединяющую силу, способствующую сплочению белого лагеря на принципах единоначалия власти в лице Верховного правителя и Совета Министров (в совокупности Российского правительства). При этом сама либерально-демократическая идеология периода колчаковской России, включив во внутреннюю структуру патриотизм, также трансформировалась, приобретая свою особенность, которую следует искать в ее идейной платформе. В отличие от западного варианта либеральной демократии, строящейся изначально на экономических ценностях, в России в качестве основ были выбраны ценности культурно-национальные. Здесь отметим, что любая идеология, строящаяся на культурно-национальных ценностях, неизбежно сталкивается с элементом патриотизма, приобретает силу духовного подъема народа, привносит огромный творческий потенциал в политическую и общественную жизнь. Другими словами, происходит рождение патриотического сознания в конкретной отдельно взятой личности, под которым, согласно профессору А.Н. Вырщикову и доценту М.Б. Кусмарцеву, следует понимать «сложное целостное образование, сочетающее в себе совокупность знаний о собственных генетических корнях, осмысление окружающей социальной действительности, тенденций и перспектив ее развития, установку готовности к созидательной деятельности и защите Отечества как преобладающего мотива жизнедеятельности в контексте перспектив собственного существования» [4].

В этом ракурсе, главным образом среди белой интеллигенции, на Востоке России произошло осмысленное понимание неразделимости дела по возрождению государственности, формированию правосознания и воспитанию духовно-нравственных и морально-этических основ в народе. Вследствие данного явления на белом Востоке России возник качественно новый фронт идейной борьбы против большевиков, приобретший духовно-освободительный характер. Не отрицаемо, что под лозунгами патриотизма также велось и физическое уничтожение – естественное состояние войны. Однако данные действия были направлены на пресечение распространения идей большевизма, разлагающих общество, и ни в коей мере не преследовали цель полного искоренения их носителей или классовых групп. Здесь можно сказать словами И.А. Ильина: «...физическое пресечение и понуждение могут быть прямой религиозной и патриотической обязанностью человека; и тогда он не вправе от них уклониться» [5].

Нельзя утверждать, что патриотическое сознание в период колчаковской России достигло апогея развития. Это далеко не так. Однако в его становлении был выбран верный путь, направленный на воспитание чувства любви к Отечеству, к своему народу, оберегание его культуры и традиций, стремление к улучшению его благосостояния.

В период правления А.В. Колчака патриотическое сознание испытало сильнейший подъем, а во властных структурах появились люди, которых непременно следует озаглаживать как истинных патриотов [6]. Они являлись не только государственными деятелями и белыми идеологами, в широком спектре ведомые либерально-демократическими доктринами, но и обладателями истинного патриотического сознания, направлявшего его созидательную энергию в русло государственно-правовой жизни. Подтвердить высокий уровень патриотического сознания государственных деятелей колчаковской России можно простым способом – оценкой их действий после краха белого режима на Востоке в начале 1920 г. Так, например, перед лицом большевистского трибунала бывший министр труда Л.И. Шумиловский, не отрекаясь от своих дел, идей, помыслов, твердо заявлял: «Я, граждане судьи, знал, на что я иду. Знал, что встречу с риском непонимания и неправильного толкования, а может быть, и обидного объяснения тех мотивов, которые заставили меня войти в правительство и оставаться там долго. [...] И трудно вам вникнуть иногда во всех деталях и эти мотивы полностью и с правильностью установить. Я признаю эту трудность, и поэтому я заранее склоняю голову перед ожидающим меня приговором, не прося прощения и не допуская ненужного и легкомысленного бравирования» [7]. Впоследствии Л.И. Шумиловский был расстрелян. Именно самоотверженное служение своему Отечеству и народу есть высшая форма развития патриотического сознания, к сожалению, достигаемая не всеми и не каждым.

Посредством установления либерально-демократических прав и свобод, их гарантии и защиты, белые правящие круги пытались не только сохранить разваливающееся государство, но и вновь восстановить в обновленном виде

устой патриотического сознания в народе, поколебавшиеся в кризисный 1917 г. Так, первый, по сути, учредительный документ, оглашавший политико-правовой курс новой власти в лице Верховного правителя России, прозвучал как патриотическое воззвание к народу: «Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам» [8]. А.В. Колчак как носитель истинного патриотического сознания также принес и свою собственную жертву. Исследователь белого движения, в том числе государственной деятельности А.В. Колчака, доктор исторических наук, профессор И.Ф. Плотников особо выделяет: «Надо постоянно иметь в виду, что Колчак был патриотом России до мозга костей, интервенция ему претила, он воспринимал ее как неизбежное зло и вел переговоры с представителями союзных держав лишь с целью получения какой-то реальной помощи для Белого движения» [9].

Как было отмечено выше, либеральная демократия, возведенная в ранг государственно-правовой идеологии, столкнувшись с патриотическим сознанием белых лидеров и государственных деятелей колчаковской России, трансформировалась, поднявшись на качественно более высокий уровень. Однако необразованность большей части населения, нарастание нигилизма и снижение уровня правосознания, социальное расслоение, в особенности в материально-экономическом плане, общественные потрясения, выраженные в войне и чрезвычайных положениях, сильное давление разнополярных идейных течений, чрезмерная политизированность общества, присутствие в народе коммунистической иллюзии «идеального государства» и другое – выступили значимой группой факторов, ослабивших силу либерально-демократической идеологии, не давая ей возможности способствовать восстановлению патриотического сознания во всем народе.

Таким образом, либерально-демократическая идеология колчаковской России, прочно связанная с патриотизмом, не смогла оказать максимального воздействия на народные массы и вызвать в них повсеместный порыв духовно-освободительной борьбы против главного идейного врага – большевизма. Причину этого можно истолковать следующими положениями: невосприятие либеральной демократии как государственно-правовой идеологии, ее доктрин как наиболее реальных для жизненного воплощения, в отличие от утопических идей коммунизма; непонимание платформы культурно-национальных ценностей, где каждая отдельно взятая нация неповторима, а человек является личностью, в противовес обобщенному интернационализму и безликому коллективизму; нежелание проявления жертвенности ради всего народа, в противоположность выборной социалистической жертвенности ради определенных классовых групп. Возрождение патриотического сознания в российском народе, белые режимы и, в частности, колчаковский, видели не средствами его принудительного воспитания, а осмыслением природы и сущности патриотизма.

И как отмечал И.А. Ильин: «Прежде всего, обретение родины должно быть пережито каждым из людей самостоятельно и самобытно. Никто не может предписать другому человеку его родину – ни воспитатели, ни друзья, ни общественное мнение, ни государственная власть, ибо любить, и радоваться, и творить по предписанию вообще невозможно».

Возвращаясь к А.В. Колчаку, непременно подчеркнем, что сложно найти пример столь яркой личности, всецело посвятившей свои жизненные пути-периоды – рвоенный, научно-исследовательский и государственный – служению России. Безусловно, путь государственного деятеля в статусе Верховного правителя для А.В. Колчака был наиболее сложным периодом. В становлении либерально-демократического режима, вне зависимости от формы правления и государственного устройства, А.В. Колчак видел возрождение России и ее будущее величие. Это дает право говорить, что ведомый патриотическим сознанием, благополучие народа и Отечества, его интересы он ставил выше личных пристрастий, проявляя высочайшую самоотверженность.

Патриотизм не есть то негативное явление, которым его представляли и продолжают представлять его антагонисты (космополиты, интернационалисты и прочие), часто сравнивая с крайним национализмом и силой слепой агрессии. Истинный патриотизм есть явление кристально чистое. В аспекте всего сказанного, необычной, но весьма актуальной выступает трактовка патриотизма российским философом, экономистом, правоведом, историком и теоретиком постклассического анархизма А.А. Боровым: «Патриотизм может и должен быть утверждаем – вне борьбы, вне взаимоистреблений, вне милитаризма. Все эти явления не сопутствуют патриотизму, но, наоборот, отрицают его» [11].

1. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб, 2000. С. 787.
2. Будберг А.П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары., М., АСТ, 2001. С. 108.
3. Правительственный вестник (Омск). 1918. 30 ноября.
4. Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Служение Отечеству как смысл российского патриотизма. Волгоград, 2005. С. 51.
5. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. М., 2005. С. 289.
6. П.В. Вологодский (председатель Совета Министров до 22 ноября 1919 г.), В.Н. Пепеляев (председатель Совета Министров после 22 ноября 1919 г.), Г.К. Гинс (управляющий делами Верховного правителя), С.С. Старынкевич (министр юстиции), Л.И. Шумиловский (министр труда) и мн. др.
7. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. / Россия. XX век. Документы / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; отв. ред. В.И. Шишкин. М., 2003. С. 410.
8. Зензинов В. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. Париж, 1919. С. 11.
9. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2003. С. 107.
10. Ильин И.А. Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. М., 2011. С. 178.
11. Боровой А.А. Анархизм. М., 2009. С.148.

О.И. ИВАНОВА

г. Хабаровск, управление по делам архивов
Правительства Хабаровского края

ЛИЧНЫЙ ФОНД БЫВШЕЙ ХАРБИНКИ ДЗЕМЕШКЕВИЧ ЛЮДМИЛЫ КОНСТАНТИНОВНЫ – ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ХАРБИНСКОЙ РОССИИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Взаимообогащающее общение Государственного архива Хабаровского края с Людмилой Константиновной Дземешкевич продолжалось более десяти лет. Начало ему положила одна из передач «Радио России», в результате прослушивания которой архивисты узнали о Людмиле Константиновне Дземешкевич и ее общественной деятельности. Интерес хабаровских архивистов к личности Л.К. Дземешкевич был обусловлен, прежде всего, тем обстоятельством, что Людмила Константиновна – бывшая харбинка, а на хранении в госархиве края находятся харбинские фонды – один из наиболее используемых документальных комплексов.

Его появление в госархиве края – отдельный, достаточно освещенный сюжет [1], который обойти невозможно, т.к. инициатором и вдохновителем этого большого дела являлся хабаровский архивист – руководитель архивной службы Хабаровского края – Вера Ивановна Чернышева.

В результате значительной подготовительной работы и последовавшей за ней командировкой в 1945 г. сразу после окончания на Дальнем Востоке второй мировой войны бригадой архивистов с территории Северной Маньчжурии был вывезен комплекс документов российской эмиграции в Китае, получивший впоследствии обобщающее название «харбинские фонды».

В данном сообщении приведем лишь два красноречивых факта, между которыми временное расстояние составляет 66 лет:

– общий вес документов, книг, журналов, газет, привезенных из Китая, составил около трех тонн [2];

– 20 декабря 2011 г. на здании Государственного архива Хабаровского края торжественно открыта мемориальная доска, посвященная заслуженному работнику культуры РСФСР, историку-архивисту Вере Ивановне Чернышевой (1911 – 1987). Это знак памяти и благодарности архивистов своему коллеге за самоотверженный труд, в т.ч. и привезенные харбинские фонды, установленный в год 100-летия со дня ее рождения [3].

Рассекречивание (перевод с секретного на общее хранение) харбинских фондов в государственном архиве Хабаровского края было проведено в начале 90-х гг. прошлого века. Именно с этого времени у архивистов и исследователей появилась возможность в полной мере оценить информационную весомость этого документального комплекса [4].

Однако вернемся к основной линии повествования. В результате активной переписки (от архива ее вела заместитель директора Лидия Александровна Варакина) [5] с 2001 г. в адрес архива поступили сначала книги Людмилы

Константиновны («Харбинцы», «Харбинские были», «Дон Кихот Харбинский») и книги ее мужа, Павла Фаддеевича [6]. В следующем году в архив были пересланы и документы домашнего музея «Русский Харбин». Эти поступления положили начало личному фонду Л.К. Дземешкевич, передача документов госархиву продолжалась и в последующие годы.

Обратимся к основным моментам ее биографии: Дземешкевич (Хлюстова) Людмила Константиновна родилась 4 июля 1932 г. в Харбине, став представителем третьего поколения рода Громцевых, проживавших в Китае. Дед по материнской линии, полковник Иван Федорович Громцев, был послан в 1913 г. на охрану КВЖД, позже работал начальником хозяйственной части Заамурского округа дороги; мама, Татьяна Ивановна Громцева, также работала на КВЖД [7].

Достаточно благополучная жизнь семьи кардинально изменилась из-за произошедшей в России революции 1917 г.: денежное жалование деду Ивану Федоровичу больше не поступало. Следующим ударом стала потеря отца – Хлюстова Константина Павловича [8].

Мама Людмилы Константиновны, получив советское гражданство в 1925 г., продолжала жить в Китае. После прихода в 1945 г. советских войск семья переехала в г. Дальний. Здесь, закончив 10 классов советской школы (с учителями из СССР), Людмила успешно проходит межгородской конкурс и получает право на обучение в Пекинском институте русского языка. Учебу она совмещала с преподаванием русского языка китайцам [9].

В 1954 г. Генеральное консульство СССР обнародовало разрешение советского правительства на возвращение русских на Родину, что впоследствии коренным образом изменило судьбы многих людей. Возвращение шло под лозунгом освоения целинных земель. Выехав в этом году в Советский Союз, в 1955 г. Людмила Константиновна переезжает в Омск, где уже проживал ее будущий муж – харбинец Павел Фаддеевич Дземешкевич. Он работал главным инженером конструкторско-технологического бюро Омского облпромсовета, позже закончил Сибирский автодорожный институт.

Девяностые годы, грянувшая перестройка, как пишет Л.К. Дземешкевич, «возбудили новый подъем», реализовавшийся во множество дел, организаторами и исполнителями которых стали супруги Дземешкевич. Это и преподавание этики и психологии в учебных заведениях г. Омска, и организация (вплоть до финансирования собственными средствами) школы дворянского воспитания, и восстановление Омского дворянского собрания, костяк которого составили бывшие харбинцы.

Стараниями Людмилы Константиновны, которая постоянно выступала на радио, с публикациями в газетах и журналах, в т.ч. зарубежных, деятельность Омского дворянского собрания получила широкий общественный резонанс.

В эти же годы в стране состоялись первые съезды харбинцев (в 1993 г. – в Москве, Петербурге, Новосибирске, в 1994 г. – в Омске). В 1998 г. прошли международные научные конференции, посвященные 100-летию Харбина и КВЖД, в Москве и Хабаровске.

Встречи с харбинцами, масса писем с их воспоминаниями, фотографиями, документами дали импульс к написанию Людмилой Константиновной книг, которые имеют документальную основу.

Кроме того, понимая историческую значимость присланных и переданных ей документов, она приняла мудрое решение, посчитав правильным присоединить их к документам дедов и отцов, отложившихся в харбинских фондах госархива Хабаровского края.

Благодаря этому решению, харбинская Россия госархива информационно дополнилась подлинными документами, письмами и воспоминаниями бывших харбинцев, дайренцев, тянцзынцев, присланными из Австралии, Австрии, Америки, различных российских городов. В переданных материалах содержатся также документы потомков эмигрантов, ученых, журналистов, писателей, т.е. людей, личным и профессиональным интересом которых является жизнь эмиграции, судьбы россиян, по различным причинам оказавшихся вдали от Родины.

Описание переданных документов было проведено в госархиве края в 2003 – 2004 гг., в личном фонде Л.К. Дземешкевич в настоящее время три описи: документов на бумажной основе, фото- и фонодокументов, включающих 537 дел. Документы внутри фонда дополняют друг друга, и исследователям, которые займутся их изучением, необходимо знать, что поиск будет закончен лишь в случае изучения документов в полном объеме.

Для примера: в описи № 1 дел на бумажной основе имеются письма и документы, присланные Людмиле Константиновне Серебровой Татьяной Алексеевной, дочерью харбинской поэтессы Лидии Хаиндровой. Восхищает щедрость, с которой дочь делится фактическими сведениями из жизни своей матери, передает подлинные письма Валерия Перелешина, а также копии его писем и писем Арсения Несмелого, Ларисы Андерсен и др. [10], что возможно лишь при полном доверии к человеку, которому передаются документы.

В то же время в опись № 2 фотодокументов включены фотографии семьи Хаиндровых, по которым можно проследить жизнь трех поколений, начиная от родоначальника, харбинского старожила Ивлиана Хаиндрова, до его внуков [11].

Из-за ограниченных рамок сообщения мною приводятся лишь отдельные внутри-фондовые связи документов. При изучении документов фонда Л.К. Дземешкевич необходимым будет также обращение исследователей к документам харбинских фондов, в т.ч. к фонду «Главное бюро российских эмигрантов» (БРЭМ) [12].

В названном фонде, помимо документов об истории создания Бюро, его разносторонней деятельности за весь период с декабря 1934 до конца 1945 г., содержатся около 60 тыс. личных дел российских эмигрантов с собственноручно заполненными анкетами. Помимо фото, анкеты содержат чрезвычайно интересные данные, включая, кроме общепринятых для анкет, и сведения о подданстве, наличии имущества, политических убеждениях и т.д.

Именно в личных делах фонда «Главное бюро российских эмигрантов» были найдены сведения о родственниках супругов Дземешкевич [13].

База данных «БРЭМ», представляющая собой электронный алфавитный каталог русских эмигрантов с поисковыми данными личных дел, выложена на сайте «Архивы Хабаровского края» в разделе «Базы данных госархива Хабаровского края».

Можно смело утверждать, что документы фонда Л.К. Дземешкевич «цементируют» связь времен, связывая воедино события прошлого и настоящего времени; позволяют раскрыть не известные ранее стороны жизни российской эмиграции; проследить, как складывались человеческие судьбы на чужбине и при возвращении на Родину.

Пожалуй, из 95 фондов личного происхождения (10757 ед.хр.), состоящих на учете в госархиве края по состоянию на 1 января 2012 г., личный фонд Л.К. Дземешкевич наиболее тесно связан с содержанием документов харбинских фондов. Названный фонд содержит также богатый фактический материал о направлениях работы современных объединений харбинцев, их связях внутри страны и за ее пределами.

В качестве примера назовем темы некоторых аудиозаписей фонда. О крестном ходе на место установки и освящения Креста на Ильинской горке во время пребывания Августейшей семьи в г. Омске, о встрече Августейшей семьи с жителями г. Омска; о встрече, посвященной 40-летию возвращения харбинцев в Советский Союз, о праздновании двухлетней годовщины Омского дворянского собрания и т.д. [14]

Вместе с тем, разнообразие и разноплановость документов, уникальность многих из них характеризуют фондообразователя как личность, глубоко заинтересованную в сохранении личных и доверенных ей документов – свидетелей жизни россиян в Китае.

Людмила Константиновна не прерывала связи с хабаровскими архивистами и после передачи документов накануне отъезда из Омска в Севастополь: в 2011 и 2012 гг. она прислала в архив две посылки документов с вложением предметов музейного характера, в частности, веера из слоновой кости, принадлежавшего ранее Лидии Хаиндровой. Думается, в ходе описания этих поступлений архивистов ждет немало открытий.

Последняя из присланных Л.К. Дземешкевич посылок содержала ее дневниковые записи о жизни Севастополя, несколько экземпляров книги «Севастополь глазами русских» с дарственными надписями архивистам. Книга является осмыслением взаимоотношений России и Украины на основе ее собственных жизненных наблюдений за политическими взаимоотношениями государств, обыденной жизнью горожан.

К сожалению, 28 апреля 2012 г. после тяжелой скоротечной болезни Людмила Константиновна ушла из жизни, она похоронена в г. Севастополе [15]. В настоящее время продолжается переписка по электронной почте с мужем и сыном Людмилы Константиновны. Письмом от 15 августа прошлого года Павел Фаддеевич уведомлял о том, что оставшиеся документы, дневники, письма Людмилы Константиновны будут пересланы в архив в октябре.

В заключение необходимо отметить, что в период работы над данным сообщением, при изучении «Омского архивного вестника» № 18 за 2011 г. были найдены сведения о том, что в Историческом архиве Омской области на хранении находится личный фонд предводителя Омского дворянского собрания Павла Фаддеевича Дземешкевича [16]. Данный факт позволяет сделать вывод об общем вкладе семьи Дземешкевич в сохранение истории и пополнение архивных фондов.

1. Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 64. Л. 5-13, 15, 16.
2. Там же, Д. 111. Л. 5.
3. Подробнее см. информацию на сайте «Архивы Хабаровского края», раздел «Новости» от 20.12.2011.
4. Бендик Н.Н. Рассекреченные документы госархива Хабаровского края // Отечественные архивы. 1995. № 1. С. 97; Варакина Л.А. Из истории русской культуры в Харбине в 20 – 30-е годы XX в. (По документам госархива Хабаровского края) // Отечественные архивы. 1999. № 4. С 30 – 35.
5. ГАХК. Ф. Р-2076. Оп. 1. Д. 64. Л. 1-37.
6. В своих книгах «Опыт возрождения храмоздательства» и «Таврия – колыбель православия» П.Ф. Дземешкевич обобщил опыт храмостроительства. Книги являются практическими пособиями для строителей и служителей церкви, перед которыми стоит задача восстановления или строительства храма.
7. ГАХК. Ф. Р-2076. Оп. 1. Д. 19, Л. 2-3.
8. Там же. Подробнее о судьбе отца см. письмо Л.К. Дземешкевич от 11.12.2003.
9. Там же. Л. 9.
10. ГАХК. Ф. Р-2076. Оп. 1. Д. 27.
11. Там же. Оп. 2. Д. 318-330.
12. ГАХК Ф.Р-830.
13. ГАХК Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 12918, 12919.
14. Там же. Оп. 3.
15. Весть о кончине Л.К. Дземешкевич получена автором доклада 10 мая 2012 г. по электронной почте.
16. Плинтю Е.В. Память семьи в личных и семейных архивах // Архивный вестник. 2011. № 18. С. 177 – 178.

Е.И. КАРТАШЕВА

г. Казань, Национальный музей Республики Татарстан

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ РЕСУРС ИСТОРИЧЕСКИХ И БИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО КАЗАНСКИМ СТРАНИЦАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (АРХИВНЫЕ И МУЗЕЙНЫЕ СОБРАНИЯ СИБИРИ)

Исследовательская работа по обозначенной теме была проведена в рамках историко-документальной экспедиции по проекту Национального музея РТ и Музея Е.А. Боратынского «Белый путь, или Русская Одиссея», которая состоялась в январе-феврале 2012 г. (в течение месяца). Одно из ведущих направлений деятельности по проекту – выявление и введение в социокультурный и научно-информационный оборот новых источников по истории белого движения и русской эмиграции «первой волны», а именно тех материалов, которые связаны с участием жителей Казани и Казанского края (как военных, так и гражданских лиц – беженцев) в событиях Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке.

Во время экспедиции трое ее участников посетили архивы: Государственный архив Курганской области (ГАКО), Исторический архив Омской области (ГИАОО) и его структурное подразделение – Центр изучения истории Гражданской войны, Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), Государственный архив Красноярского края (ГАКК), Государственный архив Забайкальского края, (ГАЗК), Государственный архив Иркутской области (ГАИО).

Источниковедческое исследование являлось пилотным, так как работа в архивах и музейных фондах была краткой по времени. В процессе подготовки экспедиции проводилось изучение информационных электронных ресурсов, размещенных на сайтах архивов и музеев, были разосланы предварительные письма-запросы, привлекались научные публикации (монографии, статьи) для выявления их источниковой основы.

Исследование осуществлялось в хронологических рамках 1918 – 1922 гг., были поставлены задачи:

- определение общего состава источников по целевой проблематике (работа с описями архивных и музейных фондов);
- выявление и фиксация конкретных материалов (в документальных источниках и периодике);
- выявление документов, связанных с О.А. Ильиной-Боратынской, поэтессой и писательницей русской эмиграции «первой волны». Именно на основе содержания автобиографического романа О.А. Ильиной-Боратынской «Белый путь. Русская Одиссея 1919 – 1923» (издан в США в 1984 г.) был построен маршрут экспедиции.

В процессе работы были выявлены комплексы документов по следующим тематическим блокам:

1. Материалы по беженцам Гражданской войны (учет, регистрация, социальное обеспечению, оказание медицинской помощи и пр.).

2. Материалы по воинским частям и соединениям (формирование которых было связано с Казанью и в которых сражались казанцы).

3. Материалы по начальному периоду эмиграции (в Харбин).

Рассмотрим каждую из групп материалов более подробно.

Материалы по беженцам включают в себя:

1. Документы центральных учреждений периодов Временного Сибирского и Временного Всероссийского и Российского правительств А.В. Колчака (1918 – начало 1920 г).

Это репрезентативный комплекс материалов, содержащий директивные и делопроизводственные документы: приказы, протоколы, отчеты и ведомости уполномоченных по участкам, переселенческим пунктам, сведения по движению беженцев, деловую переписку, документы по личному составу):

– Материалы Министерства внутренних дел и, в первую очередь, канцелярии Главноуполномоченного по оказанию помощи беженцам (ГАКО, ГАНО, в наибольшем объеме – ГАЗК).

Среди уполномоченных (по участкам) и других служащих были представители Казанской и Вятской губерний – А.С. Депрейс, Б.И. Абдрин, А.Т. Орлов, В.М. Кунавин, И.И. Сатрапинский, А.И. Геркен и др.

– Материалы переселенческого управления, канцелярии Главноуполномоченного по санитарно-эвакуационной части Министерства земледелия (ГАИО).

2. Документы учреждений городов, уездов, губерний (1918 – 1919 гг.; период восстановления советской власти – 1920 – 1922 гг.):

– материалы учреждений местного управления: в фондах городских управ Кургана (ГАКО), Новониколаевска (ныне Новосибирск, ГАНО); губернских, областных и уездных учреждений (ГАКО, ГАКК, ГАЗК), исполкомов городских, губернских и уездных советов (ГАНО, ГАКК, ГАИО).

– документы специализированных комиссий и комитетов: комиссий по реквизиции и распределению квартир (ГАКО), чрезвычайных комиссий по борьбе с тифом (ГАНО, ГАИО), комиссий по пленным и беженцам и по реэвакуации (ГАНО, ГАИО), эвакуационных пунктов (ГАКК), продовольственных комитетов (ГАКК, ГАИО) и др.

В этом корпусе источников – материалы по административно-хозяйственной деятельности, именные списки беженцев и пленных, сведения о больных тифом, регистрационные документы, продовольственные карточки, переписка.

В именных ведомостях и списках беженцев (и в ряде других документов) были выявлены сведения об уроженцах и жителях городов Казани, Свяжска, Чистополя, Тетюш, Мензелинска, Елабуги; сел различных уездов (ГАКО, ГАЗК, в наибольшем объеме – ГАНО).

В «Именной описи по Центральному району регистрации беженцев, служащих в учреждениях гражданского ведомства и вообще граждан» (г. Новониколаевск, конец 1919 – начало 1920 г.) встретилась запись

об известном казанском церковном деятеле протоиерее А.П. Яблокове: «Яблоков Андрей Поликарпович, 65 лет, священник. Казань. Эвакуирован в американский госпиталь в Иркутск. Не служит. Воронцовская, 48 (адрес в Новониколаевске). Направляется в Омск» [1].

Выявляются материалы по трудоустройству и деятельности казанских беженцев. В ГАИО, в фонде Иркутского университета, находятся документы, относящиеся к ученым Казанского университета, в том числе отдельное дело «Переписка об организации 5 курса медицинского факультета и содействии группы профессоров и преподавателей Казанского университета в организации факультета» [2]. В массовом исходе из Казани в сентябре 1918 г., перед взятием города Красной Армией, было очень много представителей учебных заведений, особенно университета, в Сибири они активно участвовали в деятельности местных образовательных учреждений [3].

В отношении материалов по воинским частям и соединениям белой армии бытует мнение, что в региональных архивах они практически отсутствуют, так как были изъяты и переданы в несколько центральных хранилищ. Безусловно, основной массив сохранившихся материалов находится именно там (Российский государственный военный архив, Государственный архив Российской Федерации). Однако и в региональных архивах можно обнаружить интересные документы и даже комплексы источников по исследуемой проблематике. Данные материалы отложились в фондах упомянутых выше управленческих учреждений городов, губерний и областей, военных округов, городских гарнизонов, управлений комендантов (ГАКО, ГАНУ, ГАЗК; 1918 – 1920 гг.). Это документы по «повседневной жизни» воинских частей – расквартированию, социально-бытовому и материально-техническому обеспечению. Среди них – материалы по пребыванию в Кургане Волжского корпуса генерала В.О. Каппеля (ГАКО), документы, относящиеся к воинским частям, которые в конце 1918 – начале 1919 г. находились на переформировании в Новониколаевске (ГАНУ): Казанская северная группа, 10-я Казанская стрелковая дивизия, Казанская конная батарея, Казанская отдельная инженерная рота, 2-й лазарет стрелкового дивизиона отряда полковника Степанова Народной армии, 40-й Верхнеуслонский стрелковый полк, 4-й стрелковый полк Казанской дивизии, Чистопольская батарея.

Сведения по военнопленным-казанцам содержатся в документах советских учреждений (ГАКК – о пленных 1 Волжского армейского корпуса, ветеринарного лазарета 2-й армии, Казанского драгунского полка и др.).

Материалы, связанные с завершающим периодом Гражданской войны на Восточном фронте и начальным периодом эмиграции (в Харбин), были выявлены в ГАЗК – документы министерств и учреждений Забайкальской области, Дальневосточной республики, Читы.

В архивах и музеях удалось поработать с газетами, которые издавались в Сибири и Забайкалье в 1918 – 1923 гг., в т.ч. «Курганская свободная мысль», «Земля и труд» (Курган); «Правительственный вестник», «Русская армия», «Заря», «Наша Заря» (Омск), «Дальневосточный телеграф» (Чита) и др.

Периодика стала настоящим кладом информации по рассматриваемой теме – как по количеству сведений, так и по разнообразию и насыщенности содержания. В тематике публикаций выделяются статистические, описательные и аналитические материалы:

- по беженцам, в том числе из Поволжья и непосредственно из Казани;
- по эвакуированным учреждениям Казанской губернии и сопредельных территорий, которые ныне входят в состав Татарстана (Елабужский, Мензелинский уезды);
- по культурной и общественной жизни беженцев;
- по воинским частям и соединениям, конкретным персоналиям военных;
- по событиям в Казани и Казанском крае (на красной территории).

В газете «Курганская свободная мысль» (ГАНО) было обнаружено стихотворение О.А. Ильиной-Боратынской «Облака». Эта публикация ранее известна не была.

Редактором газеты «Русская армия» был казанец Юрий Сергеевич Геркен, родственник Боратынских. Он сам публиковался в издаваемой газете, в т.ч. со статьями, посвященными положению в оставленной Казани, – «Немножко о Казани», в двух номерах газеты, 3 и 4 июня 1919 г. (по материалам советской газеты «Знамя революции» и по свидетельствам очевидцев событий); «Вести из Казани», от 15 июня 1919 г. и др.

Также в течение экспедиции осуществлялась работа в музеях (Курганский областной краеведческий музей, Омский государственный историко-краеведческий музей, Новосибирский государственный краеведческий музей, Ачинский краеведческий музей, Красноярский краевой краеведческий музей, Литературный музей г. Красноярска, Забайкальский краевой краеведческий музей, Иркутский областной краеведческий музей), но в них основное внимание участников экспедиции было направлено на отражение темы Гражданской войны в экспозициях. Тем не менее, удалось в какой-то мере познакомиться и с музейными коллекциями.

В целом, очевидно, что теме Гражданской войны в музеях не уделяется должного внимания (хотя в регионах, где эти события разворачивались в течение длительного времени, мы предполагали увидеть иную картину), в экспозициях (в большинстве случаев) преобладают материалы по Красной Армии и партизанскому движению. В фондовых коллекциях музейные источники по белому движению и беженцам малочисленны, однако и среди них есть материалы, связанные с нашим регионом (даже при поверхностном ознакомлении).

В фондах Омского государственного краеведческого музея находится значительный личный архив и коллекция П.Л. Драверта – ученого, литератора, который покинул Казань в 1918 г. и затем остался в Сибири (есть его личный фонд и в ГИАОО). Интересная находка ожидала нас в Ачинском краеведческом музее – воспоминания детства Надежды Кутьяновой, жизнь которой была связана с Мензелинском (ныне районный центр Татарстана). В 1918 – 1919 гг. она оказалась в потоке беженцев, прошла путь от Уфы до Ачинска.

Своеобразным и очень перспективным историко-архивным комплексом является Центр изучения истории Гражданской войны, открытый в Омске в здании личной резиденции А.В. Колчака в январе 2012 г. Здесь представлена экспозиция, показывающая биографию Верховного правителя и историю Гражданской войны на Восточном фронте. Один из залов предназначен для исследователей, оборудован электронным терминалом и персональными компьютерами. Здесь можно ознакомиться с базами данных и сайтом «Белый Омск» ГИАОО, копиями ряда документов из Государственного архива Российской Федерации и региональных архивов. Планируется целенаправленное пополнение и развитие электронных ресурсов Центра.

Итак, во время экспедиции «Белый путь, или Русская Одиссея» были выявлены как типологические источники по теме проекта, так и материалы, относящиеся непосредственно к О.А. Ильиной-Боратынской и ее родственникам, к другим уроженцам Казани и Казанского края. Произведена фотофиксация ряда документов и материалов периодики, сделаны выписки, составлены рабочие описи. Систематизированная опись и анализ источников будут представлены в научном отчете экспедиции.

Следует отметить высокую результативность комплексного исследования ряда региональных архивов. В данном случае это имеет особое значение в связи с тем, что воинские части, гражданские учреждения, беженцы находились в движении с запада на восток (в ходе отступления белой армии), и документы фиксируют этот процесс. Характерный факт – разрозненные материалы, относящиеся к канцелярии Главноуполномоченного МВД по оказанию помощи беженцам, встречались в различных архивах, а наиболее целостный комплекс документов находится в Чите (ГАЗК), куда успело эвакуироваться во время отступления белой армии в конце 1919 г. это учреждение, там же и было расформировано.

Экспедиция показала необходимость изучения источников, сосредоточенных в восточных региональных архивах (как, конечно же, и в центральных) в контексте казанских страниц истории Гражданской войны, чтобы реконструировать – насколько возможно – общие процессы и биографические сюжеты, связанные с беженцами, боевой путь воинских частей и конкретных военных, ушедших из Казани, других городов и сел региона в сентябре 1918 г. Казанцы были представлены в белом движении и на других фронтах Гражданской войны, но восточное направление волей исторических судеб оказалось магистральным.

1. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1960. Оп. 1. Д. 2. Л. 71об.-72.
2. Государственный архив Иркутской области. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 73.
3. Малышева С.Ю. «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Гасырлар авазы – Эхо веков (Казань). 2003. № 1-2. С. 87 – 92.

Л.В. КОЗЛОВА

г. Исилькуль, архивный сектор Администрации
Исилькульского муниципального района Омской области

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА МОЕЙ МАЛОЙ РОДИНЕ

Поселок Исиль-Куль (таково было его написание в начале XX в.) образовался в период строительства Транссиба и носит казахское название. «В те времена из всей царской России, из Латвии, с Волги собрались в уезде переселенцы, потянулись на вольные хлеба в Сибирь. При станции осели пензяки (чуть не 800 душ, выросло село Городище). Полтавчане, черниговцы с хохлами из Полесья, те возле самой «железки» деревню Березовку основали. Да только не всякому удалось подняться,» – писал в своем документальном очерке в районной газете «Знамя» в 1972 г. О. Громов – детский врач местной больницы [1]. Громов провел очень большую краеведческую работу по розыску документов, собрал сведения об установлении советской власти и периоде Гражданской войны на территории Исилькульской волости.

«В июне 1918 г. в доме Субачей было тихо. Мать с сестрой Шурой ушла в комендатуру, а Петя сидел на лавочке возле калитки. На душе было пасмурно. Отца вместе со всеми совдеповцами белые схватили и посадили в отдельный вагон в тупике. Охраняли строго, на свидание не пускали. Сегодня мать отправилась просить уездного пристава Шведова передать мужу посылку, но ее не приняли. Многих петькиных знакомых забрали белые. По ночам из подвала большого дома купца Некрасова доносились выстрелы и стоны. Там свирепствовала «особая тройка». По вечерам в березовой роще и у дороги на грязновских хуторах шли расстрелы. А в питомнике казнили сразу десятками, и пятна крови цвели среди подснежников. На второй день после захвата станции на поляне против депо беляки перебили из пулеметов 30 австрийцев и венгров, выступавших за советскую власть. Среди них оказался и отец петинового приятеля Кольки – Родион Иванов. Рабочие депо узнали о том, что арестованных поведут завтра в питомник на расстрел, и разработали план побега. Как только арестованных построят, из депо выедет паровоз и пустит пар, под прикрытием пара они должны были разбежаться. Об этом Петьке сказал рабочий депо – латыш Гунар. Утром, как и передал Гунар, арестованных вдоль железной дороги повели к питомнику, среди них был отец Пети – Сафрон Субач. В это время послышался скрежет колес паровоза, как только он поравнялся с арестованными, их окутал густой пар. Субач в белой пелене пара отскочил в сторону, наткнувшись на конвоира с винтовкой, выхватил ее и ударил прикладом в лицо. Тот, вскрикнув, разжал пальцы. Сафрон с винтовкой бросился к насыпи. От насыпи к поезду уже бежали казаки. Субач вскинул винтовку и выстрелил в хорунжего дважды, но, не дождавшись, когда тот упадет, бросился бегом к питомнику. От насыпи раздались выстрелы, Сафрон почувствовал острую боль в плече, упал, выронив винтовку и, уже лежа на траве, увидел, как в сторону Булаево удаляется закопченная «кукушка» Гунара. Он не помнил, как добрался

до густых кустов, где его и подобрала наутро добрая женщина, перевязала, как могла, а в полдень вошла в хату Субачей и рассказала о случившемся. Как стемнело, Васька с сестрой пробрались к отцу, принесли еду и рассказали о том, что все остальные совдеповцы погибли у полотна железной дороги. Плача, Петька рассказал отцу, что в Ломова стреляли дважды.

Как стемнело, Петя с Гунаром переложили Сафрона в повозку пожилого молчаливого казаха Жумана, укрыли мохнатой шубой. Субач попрощался с ними, и двуколка покатила по узкой дорожке. Спрятали и выходили его казахи в степи на пастбище. Во время своего пребывания в степи Субач был свидетелем события, когда отряд белых прибыл к казахам и расположился на краю аула. Их приветствовали несколько родовитых, богатых казахов. Прибыли Шведов, несколько русских офицеров и чешский поручик. Сели за стол, очень сосредоточенно и долго ели, затем Даркембай, откинувшись, спросил у Шведова:

– Слышал я, Шведов, что ты недавно был у самого большого начальника, Колчака. Как здоровье Верховного правителя?

– Спасибо, мирза, адмирал здоров божьими молитвами.

– А правда ли, что тыксыр Деникин подходит к Москве и бьет красных?

Шведов сказал: – Еще как, скоро уже конец Советам!

– А что ждет нас, уважаемый, помнит ли правитель о наших князьях?

– Конечно, Даркембай-ага. И мы очень ценим вашу помощь.

– Казах всегда был за белого царя. Наши все готовы помогать доблестным воинам правителя Колчака, если так нужно, мы дадим еще два косяка, а Советам наш род помогать не будет никогда. А в это время Жуман вез Субача из забитого белыми аула к верному человеку в Благовещенку» [2].

Из очерка Громова: «Едва рассвело, на станцию вылетел всадник. Над ним билось на ветру красное знамя, это был знаменосец передового эскадрона Пятой армии Тухачевского, которой предстояло через неделю освободить от Колчака Омск. Откуда-то прогремел одиночный выстрел, и кавалерист упал. К нему подбежали несколько человек, один из них подхватил древко алого знамени.

– Хлопцы, это же дядя Сафрон! – закричал Колька Иванов и бросился к Субачу с товарищами, а тот склонился над умирающим красноармейцем. А навстречу ему из переулка взмыленные кони уже выносили всадников. В Исилькуль вернулась Красная Армия. Из донесения начдива Ф.И. Блажевича командарму М.Н. Тухачевскому: «После горячих боев 6 ноября 27 стрелковая дивизия заняла линию Б. Ганькино, Н. Рязкина-Шелегина. В ночь с 8 на 9 ноября 1919 г. части 3-й бригады после ночного боя заняли станцию Исиль-Куль, захватив 300 пленных, а также станицу Лосево и Первотаровское» [3].

Расстрел совдеповцев И.С. Петрищев – местный краевед, рабкор газеты «Знамя» – описывает так: «...тогда из «смертного вагона» была выброшена записка, написанная на клочке бумаги рукой А.М. Ломова, рокового содержания: «...по слухам, повезут нас в Петропавловск, а может быть, ближе... Узнавайте о судьбе нашей... 10 июня 1918 г.» [4].

Эти же события – из письма комсомолки 20-х годов Клавдии Федоровны Колесниковой (Улановой), которая в детстве проживала в поселке Исилькуль. В письме она пишет: «42 года я не была в Исилькуле. Куда бы ни забросила судьба человека, он не в силах забыть тех мест, где родился». У Клавдии Федоровны состоялась встреча с пионерами, которым она рассказала о событиях того времени: «Летом 1918 г. мы с ребятами у западного переезда южнее железнодорожной линии наткнулись на двух конных белогвардейцев. Они сопровождали человек восемь арестованных. Тогда было строго – после 9 часов вечера никто не имел права выходить на улицу, чтобы не попадаться военным на глаза, мы притаились за насыпью. А немного погодя услышали выстрелы и догадались, что произошло. Убедившись в том, что солдаты ушли, вскочили на насыпь и побежали к месту происшествия. Наши сердца сжались от увиденного. В неглубокой яме, очевидно вырытой самими обреченными, валялись наспех присыпанные трупы. Из ямы торчали руки, ноги, а рядом изрубленные куски тел и части снесенных голов. Это были демобилизованные матросы-красногвардейцы, ехавшие домой. Белый террор запугивал людей, озлобляя их. Насильно мобилизованных в армию Колчака теперь не так просто было заставить подчиняться воинским строгостям и ходить на молебн. В пустом зернохранилище располагалась часть, и я слышала, как рассуждали солдаты, понося царя и Колчака. Колчаковская армия распадалась, бойцы стали дезертировать, вслед за ними бежали богатеи. Сбежали исилькульские богатеи – держатели магазинов: Бурцевы, Петровские, Рудаковы, чувствуя свою вину в том, что выдавали колчаковцам активистов-совдеповцев» [5].

«Наступил 1920 г. Весной состоялось первое организационное собрание молодежи в поселке Исилькуль,» – писал Г. Милютин, первый секретарь райкома ВЛКСМ, в опубликованной нашей газетой «Знамя» в 1970 г. статье «Собрание послужило созданию комсомольской организации». «Всю осень 1920 г. по железной дороге ездил «деревянный броневик», сопровождая собранный у населения хлеб для голодающего центра. До центра России эти эшелоны с хлебом все равно не доходили, их отбивали озлобленные кулацкие банды, возглавляемые недобитыми колчаковскими офицерами. Банды разбирали рельсы, пуская под откос эшелоны с хлебом. Чоновцы восстанавливали пути, отбивали банды», – писал Громов. Казахская беднота помогала совдеповцам бороться с бандами.

«Морозным январским вечером 1921 г. у большого деревянного дома остановились сани. С них слез невысокий коренастый человек в белом полушубке с тяжелой кобурой набоку. Бросил взгляд на прибитую дощечку: «Исилькульский уком ВКП(б)». В длинном коридоре остановил высокого парня, спросил, как пройти к товарищу секретарю.

– Если так, то здравствуйте! – протянул он вместо ответа руку.

– Николай Петрунчик, а вы откуда?

Человек в полушубке молча достал мандат. Петрунчик пробежал короткие строки мандата: «Михаил Никитич Олефир, направляется Губкомом политорганизатором в Исилькульский уезд для усиления хлебазаготовок. Всем партийным и советским органам тов. Олиферу надлежит оказывать всяческое содействие». Внизу подпись: Е. Ярославский. И печать – «РСФСР. Омский Губком». После сходки, на которой Олефир рассказал осторожно о политике, о голоде в Поволжье, начал говорить о продразверстке. Мужики все говорили: «Да откуда взяться зерну, нет лишнего». На следующий день поехали по селам и близлежащим хуторам. Мужики-средняки встречали с холодком продотрядников. У одного на хуторе Дьячкова нашли под стогом сена, а раз нашли у него, надо выдать остальных. К вечеру насобирали обоз зерна, «полтыщи пудов прислали Дьячковы», – сообщил Олефир.

В феврале, измотанные бессонными ночами, собрались у Петрунчика, он познакомил с приезжим – уполномоченным губчека товарищем Синицыным. Синицын говорил не громким, но твердым голосом: «Товарищи, дело серьезное, органы ВЧК установили, что эсеры подготовили в губернии восстание. На днях они выступили в Ишиме. Кулацкие элементы перебили немало местных активистов, членов партии и советских работников. Мятеж организован подпольным союзом «Возрождение России», а руководит им бывший генерал и несколько полковников. Их всего около двух тысяч, но они ведут пропаганду среди крестьян губернии, упор делают на местные перегибы связанных с продразверсткой. Они стремятся поднять местное казачество и кулаков, перерезать железную дорогу и прорваться в богатые южные районы, отсечь нас от хлеба. Губком объявил временно военное положение, в уездах срочно организуются оперативные штабы и, кроме регулярных частей, создаются отряды ЧОНа – частей особого назначения». Петрунчик сказал: «Нам надо срочно создать штаб, прошу выдвигать». Так родился Исилькульский военно-оперативный штаб, руководителем которого стал Олефир, его заместителями – Петрунчик и Шулега. Вошли в него Синицын с Литинским. В два дня был создан ЧОН, куда вошли несколько десятков исилькульских коммунистов и комсомольцев, которыми после ухода Петрунчика в уездный комитет руководили Василий Скобелев и Петр Субач, сын бежавшего из-под расстрела Сафрона Субача. Раздобыли полсотни винтовок, пулемет, 300 пар валенок, 200 полушубков. Только с продуктами было похуже.

Отряд ЧОНа встал на казарменное положение. Исилькуль стал готовиться к подходу мятежных банд. На границе с Называевским уездом уже появились казачьи разъезды. Мятежные банды приближались. Перед ЧОНовцами встали две задачи: первая – охрана Исилькуля и прилегающих дорог, вторая – пропаганда среди крестьян, объяснять, что продразверстка – дело временное и проводится для того, чтобы не вымерло голодающее население Поволжья и Питера. В это время в станицах Первотаровской, Лосевской и Николаевской зашевелились богатые кулаки, стали вооружать сотни. На хуторе Евсюково трех батраков зарубили шашками за то, что они собрались вступить в коммуну.

В это время атаман Кудымов поднял в Лебяжьей крепости сотню и выступил в станицу Лосевскую. ЧОНовцев подняли в ружье, спустя полчаса они уже скакали на борьбу с повстанцами. Логово остатков колчаковского войска было в Кромах. Решили ждать повстанцев около Балтики, так как они должны были прихватить с собой своих латышских друзей-кулаков, а потом через лес в Лосево двинуть. Притаились, пропустили первую пятерку, и как только щелкнул наган Олефира, застрочил пулемет спереди и сзади колонны, а по бокам в упор бьют винтовки. Человек сорок положили, в том числе полковника Мазурова, остальные разбежались» [6], – писал Громов в своем очерке. Колесникова вспоминает: «Спустя три года ранним мартовским днем церковный набат разбудил исилькульцев на рассвете в честь встречи ишимских повстанцев, пришедших в Исилькуль разгромить Советы. Но совдеповцев оповестили об этом заранее, и они уехали на паровозе на соседнюю станцию, а подоспевшие войска Красной Армии заставили замолчать вражеские пулеметы».

В 1921 г. у деревни Ильинки нынешнего Казанского района Тюменской области попал в засаду кулацких банд отряд Исилькульских ЧОНовцев под командованием райпродкома Максима Минина. Из всего отряда осталась в живых одна комсомолка [7]. Бывшая питерская рабочая А. Гусар делится воспоминаниями о событиях тех лет, которые были опубликованы в 1970 г. в районной газете «Знамя»: «Революция совершилась, но вначале белочехи учинили расправу над большевиками, совдеповцами, потом грабили и убивали тех, кто шел за революционерами. Бабка Омельчиха, соседка моя, говорила: «Бог знает, кто из них красные, кто белые, все с оружием». А я ей объясняла: «Белые – это кто за царя, а красные – кто с Лениным, а Ленин за народ» [8].

До декабря 1922 г. лежал тяжелый кровавый путь для народа на маленькой станции Исиль-куль, через войну, революцию, через разруху и голод. Сложат свои головы за власть Советов и русский Иваныч, и латыш Гунар, и украинский хлопец Василь, но те, кто дойдет до победы, узнают о создании СССР. Среди делегатов Сибирского края будет их, исилькульский –

крестьянин Украинской волости Александр Морозов, поедет на первый съезд Советов. В статье, написанной в 1975 г., Пахоменко Люда, ученица средней школы №2, очень верно подметила: «Мы ходим на могилу Ломова, которая расположена на месте расстрела его и его товарищей, вблизи железнодорожной насыпи, относим цветы. Пусть проходят поезда, и пусть видят пассажиры, что здесь похоронены герои, что они не забыты, эти смелые и бесстрашные люди» [9]. Гражданская война богата своими героями. Героями-исилькульцами являются С. Субач, А. Ломов, Р. Иванов, М. Захаров, 10 красногвардейцев, похороненных в братской могиле, названной «Жертвам гражданской войны», и многие другие.

1. Громов О. Рассказы о моем городе // Знамя (Исилькуль) 1972. № 62.
2. Там же. № 62, 65, 67.
3. Там же.
4. Исилькульский муниципальный архив (далее – ИМА). Ф. 33. Оп. 1. Д. 11.
5. ИМА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 2-4.
6. Громов О. Рассказы о моем городе // Знамя (Исилькуль) 1972. № 68-72.
7. Там же. № 77
8. ИМА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11.
9. Там же.

В.Г. КОКОУЛИН

г. Новосибирск, филиал Военного учебно-научного центра сухопутных войск
«Общевойсковая академия Вооружённых Сил Российской Федерации»

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ БЕЛОГО ОМСКА

После объявления свободы торговли летом 1918 г. на омских базарах появились в изобилии продукты, которые стали привозить крестьяне окрестных деревень. Но с осени этого же года начался неконтролируемый рост цен, который продолжался весь 1919 г. Пуд муки, стоивший в сентябре 1918 г. 10 руб., в середине октября продавался по 15–16 руб., в январе 1919 г. – уже по 26–32 руб., в начале февраля – по 40–42 руб., а в начале апреля – 60 руб. Хлеб в булочных также подорожал за несколько дней января с 80 коп. до 1 руб. за фунт, сайки – с 75 до 90 коп. Дорожали и остальные продукты. В итоге стоимость месячной потребительской корзины, составлявшая в ноябре 1918 г. 140 руб. 30 коп., в декабре уже была 169 руб. 98 коп., в январе 1919 г. – 178 руб. 18 коп. Цены продолжали расти летом и осенью 1919 г. Так, сливочное масло за сентябрь подорожало с 8 руб. 50 коп. до 20 руб. за фунт. Повысились цены и на промышленные товары: простые ботинки, стоившие в середине февраля 100–150 руб., летом продавались по 300–400 руб. [1].

С трудом и по высоким ценам можно было достать топливо. В январе 1919 г. закончились дрова на городских складах, а подвоз угля с уральских копей прекратился, в результате стали закрываться предприятия в городе [2]. Вслед за предприятиями стали закрываться бани. В феврале из-за отсутствия топлива закрылись центральные бани В.В. Коробейникова, через месяц бани открылись, но цена за мытьё в общем номере поднялась до 5 руб., а в номерах – до 8–14 руб. [3].

За годы Гражданской войны через Омск прошли потоки беженцев сначала из европейской России, потом с Урала. Некий Камский в своих заметках описывал Омск в феврале 1919 г.: «Через Омск, наводнив его, двигались беженцы. По линии железной дороги один за другим, сплошной лентой, шли поезда на восток, по дорогам тянулись обозы, гружёные скарбом. В этом новом переселении народов участвовали сотни тысяч, и все на вопрос, куда они едут, кратко отвечали: “Во Владивосток”. Переселялся пермский Урал. Бывшие недолго в руках белых, не зная, что представлял собой Дальний Восток, мечтаая о каком-то безмятежном житье там, люди стремились уйти от тревожных политических бурь – к хлебу, уйти возможно дальше, хоть “на край света”, лишь бы не слышать о фронтах, не испытывать лишений, связанных с обстановкой войны. В Сибири присоединялись к беженцам почти исключительно буржуа, которые понемногу начали отправляться в Шанхай и к Семёнову» [4]. Только за июль 1919 г. через станцию Куломзино прошло до 100 тыс. беженцев. Корреспондент томской газеты писал об июльских днях в Омске: «После падения Перми, Уфы и других мелких прифронтовых населённых пунктов Омск, как и в прошлом году, стал наполняться беженцами <...> Теперь почти на каждом шагу в Омске можно встретить беженцев с котомками и узелками в руках и реже

всего на подводах <...> Откровенно говоря, все эти беженцы едва ли отдадут себе отчёт в том, что их заставляет наводнять именно Омск. Ведь беженцам должно быть хорошо известно, что Омск жил и сейчас живёт при условиях исключительного уплотнения <...> За совершенным отсутствием квартир, комнат и даже углов, беженцы вынуждены жить по-цыгански – табором по берегам Оми и Иртыша и в лесных рощах <...> Громадный контингент беженцев не может приложить в Омске своего труда» [5].

Создание правительственных учреждений и наплыв беженцев в Омск привели к квартирному кризису. Хорошо известно, что члены Директории, переехавшей из Уфы в Омск осенью 1918 г., были вынуждены жить в вагонах на станции, поскольку в городе невозможно было найти квартиру. Корреспондент томской газеты в июле 1919 г. описывал жилищный кризис в Омске: «Жилищный кризис в Омске достиг апогея. Люди живут на сеновалах, в конюшнях, в кладовках. В пяти минутах ходьбы от здания управления Омской железной дороги, почти в центре города, люди вырыли ямы, накрыли их чем попало и живут. Вражда между домохозяевами и квартирантами растёт, никто не удовлетворён установленными городской Думой нормами оплаты квартир; сами бесквартирные обыватели бешено набивают цены, предлагая “до 2 500 руб. тому, кто укажет квартиру в две комнаты...”». В иных случаях домовладелец, чтобы избавиться от ненавистного квартиранта, продаёт дом на слом <...> не отдаёт зимние рамы, не ремонтирует квартиру и т.д. Одним словом, создаётся жуткое положение, которое может быть охарактеризовано: на ножах...» [6].

Другим последствием наплыва беженцев стала безработица. По данным беженских комитетов, в Омске и его пределах насчитывается 890 безработных, как мужчин, так и женщин. Безработные разных профессий – учителя, журналисты, чиновники, агрономы, врачи, присяжные поверенные и т.д. Нужда среди них была столь велика, что они соглашались и на подённые работы. В марте 1919 г. омская газета отмечала, что ввиду полной экономической разрухи и упадка в торгово-промышленных делах в Омске с каждым днём растёт безработица, количество чернорабочих и подёнщиков без работы достигло 2 500 чел. Безработные уже не рассчитывали и на навигацию, которая должна дать им заработок [7].

Масштабно стала развиваться эпидемия тифа, о которой говорила статистика заболеваемости. Если с 15 по 22 ноября 1918 г. было зафиксировано 290 случаев заболевания сыпным тифом, с 23 по 30 ноября – уже 400, а с 1 по 7 декабря – 707 случаев. С 1 по 31 марта 1919 г. заболели тифом 3 337 чел. [8].

Приметой повседневной жизни белого Омска стали помпезные военные парады и религиозно-патриотические крестные ходы и панихиды. Парады проходили в честь войск, отправлявшихся на фронт, в честь прибытия союзных войск, различных годовщин и т.п. Один из таких парадов описал французский генерал М. Жанен в дневнике за 7 июня 1919 г.: «Богослужение в соборе, затем парад на площади. Матковский показывает войска, в которых пятый не имеет ружья. Обучение элементарное. Все поражены малым ростом и молодостью солдат.

По желанию Колчака, войска дефилируют с чрезвычайной быстротой, так сказать, по французскому способу. Это празднество устроено в ознаменование годовщины освобождения Омска. После полудня состоялось собрание в Думе, на котором выразили благодарность 6-му чехословацкому полку, сыгравшему в освобождении Омска главную роль» [9]. Панихиды проходили по погибшим за время Гражданской войны – генералу Л.Г. Корнилову, генерал-майору А.Н. Гришину-Алмазову, царской семье и т.п.

В репертуаре театров преобладали лёгкие развлекательные программы с эротическим уклоном – разнообразные комедии типа «Грешница», «Распродажа жизни», «Старички и девчонки», «Сильва, дитя шантана», «Рабыни веселья», «Сюрприз под кроватью», «И сердцем, как куклой, играя, он сердце, как куклу, разбил». Кроме того, горожане могли посмотреть «Чорта», «Сатану против неба», «Стеньку Разина», боевик «По диким степям Забайкалья». Серьёзных произведений в репертуаре театров не было совсем [10].

Летом 1919 г. высокопоставленные чиновники и их жёны выезжали на пикники в загородные рощи. Однако чаще всего такие пикники превращались в обычные попойки, доходящие до оргий. В самом городе после 12 часов ночи пьяная публика в приличной одежде разбредалась, а чаще разъезжалась на извозчиках и казённых автомобилях, по домам [11].

Трудности повседневной жизни и разнообразные развлечения привели к тому, что горожане перестали интересоваться делами фронта и состоянием армии. В феврале в омской газете были опубликованы призывы журналиста А. Сазонова. В первом под названием «Опомнитесь!» требовалось: «Здесь в тылу: театры, концерты, балы, кинематографы, кафе, шантаны переполнены публикой, идёт прожигание жизни, деньги тратятся без счёта, оргия в полном разгаре. Там на фронте самоотверженная молодая Сибирская армия бьётся за воссоздание истерзанной родины, шаг за шагом, в глубоком снегу, без тёплого белья, чая, сахара и даже табака <...> Граждане, мы до сих пор думали только о своих удовольствиях, давайте же подумаем хоть немножко и о других. Приближается пасха, собирайте всё, что можно для отправки на фронт <...> Помните, что из крох составляются горы» [12].

В следующем призыве «Пир во время чумы» автор возмущался: «По всему городу расклеены афиши, гласящие, что 28 февраля в залах гарнизонного собрания – бал-маскарад, на котором будут присуждены три премии: две за костюмы и одна – за самую красивую ножку <...> За право быть экспертом по части красивых ножек надо заплатить всего только 50 руб. Под этой соблазнительной афишей стоит подпись: “Общество взаимопомощи петроградцам” <...> не проще ли любителям красивых женских ножек просто внести “Обществу взаимопомощи петроградцам” по 100 руб. <...> Рассуждая по-человечески, казалось, так и следовало поступить, но по больной психологии выходит иначе. Годы войны, годы большевизма притупили стыдливость, превратили человека в смакующего эгоиста, который думает только о своих личных правах, о своём удовольствии, забывая об обязанностях и долге» [13].

Интерес к событиям на фронте и энергию горожане начали проявлять лишь тогда, когда фронт стал приближаться к Омску. Корреспондент омской газеты В. Иванов в статье «Эвакуация» писал: «Не знаю, чем это объяснить, но в людях при эвакуации развивается и энергия, и предприимчивость. Клянусь Зевсом, если большинство всех наших учреждений работали бы так же энергично, как эвакуируются, то мы бы уже подходили к Москве и слышали бы уже знаменитый гул сорока сороковых, так воспетых омскими поэтами. Ведь, например, разве в силах человеческих было так быстро доставить в Омск валенки, как быстро они умчались из Омска на восток. Эвакуация! По Любинскому льётся лента экипажей и повозок. Вот летит огромный грузовик, пыхтит своими шестью – десятью силами и мчит блестящее пианино, уютные козетки; торчат нелепо своими задранными ногами стулья, и рядом с шофёром мило белеет меховая шапочка с вьющимся чёрным эспри» [14].

Колчаковский режим потерпел поражение не в последнюю очередь потому, что он не мог удовлетворить нужды и интересы простых обывателей, поэтому можно согласиться с генералом А.П. Будбергом, который в дневнике за 26 – 31 октября 1919 г. записал: «Омский переворот дал Сибири власть дряблую и бессильную, вылившуюся в узкие омские формы и непопулярную, неспособную дать населению закон, порядок и заметное улучшение тяжёлых условий его жизни. Такой власти оказалось не по плечу подняться на высоту предъявляемой ей жизнью задачи и сделать что-либо прочное и действенное в воссоздании разрушенной государственности в улучшенных, разумных и обновлённых формах человеческого, общественного и государственного сожительства» [15].

1. Заря (Омск). 1919. 6 февр., 21 марта; Наша заря (Омск). 1919. 26 янв.; Сибирская речь (Омск). 1919. 2(20) апр., 12 июля (29 июня), 26 сент.; Голос Сибири (Томск). 1919. 18 февр.
2. Заря (Омск). 1919. 25 янв.
3. Заря (Омск). 13 февр., Сибирская речь (Омск). 1919. 28 (15) февр.
4. Камский. Сибирское действо. Гос. изд-во, 1922. С. 29.
5. Сибирская жизнь (Томск). 1919. 20 июля.
6. Там же. 23 июля.
7. Сибирская речь (Омск). 1919. 8 (21) янв., 15 (2) марта.
8. Правительственный вестник (Омск). 1918. 21 дек.; 1919. 29 апр.
9. Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника. Сибирские огни (Новосибирск). 1927. № 4. С. 122.
10. Заря (Омск). 1919. 3 янв., 13 февр., 1 июня; Сибирская речь (Омск). 1919. 19 (6) февр.
11. Наша заря (Омск). 1919. 7, 21 июня.
12. Заря (Омск). 1919. 22 февр.
13. Там же. 27 февр.
14. Сибирская речь (Омск). 1919. 7 нояб.
15. Будберг А. Дневник белогвардейца // Дневник белогвардейца: Сборник. Новосибирск, 1991. С. 319.

И.В. КОЛОМБЕТ

г. Исилькуль, архивный сектор Администрации
Исилькульского муниципального района Омской области

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСИЛЬКУЛЬСКОМ РАЙОНЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Гражданская война продолжает оставаться одной из важнейших и загадочных страниц отечественной истории. Она оставила неизгладимый след в политической, экономической и духовной сферах жизни общества. Гражданская война и революция являются апогеем недовольства народных масс против существующего строя. Война охватила всю страну, и наш Исилькульский район Омской области не стал исключением.

В середине 1916 г. в Исилькуле стали появляться листовки с призывами оказать сопротивление богачам, бросать работу, требовать повышения оплаты труда, уменьшения рабочего дня. «Ломовые извозчики, рабочие мастерских, боен, мельниц прекращали работы, и хозяева, боясь срыва выполнения договоров по поставкам, шли на удовлетворение требований. Батраки и рабочие крупных помещиков, таких как Даниленко, Грязнов, Гак, Функ, в разгар уборки хлебов потребовали улучшения питания, всех условий, повышения зарплаты. Требования рабочих незамедлительно были выполнены» [1]. Существующая власть стремилась «навести порядок» в Исилькуле и его окрестностях, в деревни выезжали наряды полицейских и казаков для сбора недоимок. Все подозреваемые в активном участии в забастовках, не исключая подростков 16-ти лет и стариков старше 55 лет, отправлялись на фронт в маршевые части.

Отголоски революционных событий в столицах в сибирскую глубинку приходили с опозданием и не вызвали бурных митингов, самым волнующим вопросом оставался вопрос, скоро ли кончится война. По воспоминаниям Клавдии Федоровны Колесниковой (Улановой), сохранившимся в фонде Исилькульской газеты «Знамя», впервые в Исилькуле открыто вышли на демонстрацию после февральских событий 1917 г. Примерно в то же время был избран и первый Совет, в который вошли преимущественно зажиточные люди, такие как купец Васильев [2].

В фонде газеты «Знамя» в обзорах и очерках по истории района сохранилась статья слесаря локомотивного депо В. Токаря о жизненном пути своего коллеги Захарова Анатолия, в которой описываются воспоминания матери Захарова, тогда, в 1975 г., 80-летней женщины, о периоде Гражданской войны в Омской области: «Жили мы в Омске. Муж мой Иван Яковлевич работал в депо нарядчиком. Царь войну с германцами надумал, налогами задавил простой люд. Смута в народе большая, в городе и на железной дороге забастовки. Лютует казачья. Аресты, тюрьмы, расстрелы. Так до 1917 г. В феврале прилетела невероятная весть: царь отрекся от престола. Боже мой, что было! Революция, митинги, речи, призывы. Свобода – равенство! Война до победного конца! Бабым-то умом своим уяснила одно – нет царя, ну и поделом ему. Может, теперь-то жизнь полегчает,

но все оставалось по-прежнему. Были богатые, были бедные, голодные, и все так же эшелонами отправляли на фронт новобранцев. Осенью снова весть: в Петрограде революция. У власти партия большевиков с Лениным. Пошла я в депо, ничего понять не могу, обычно суровые лица деповских светились радостными улыбками, все были вооружены, а над депо реял в воздухе красный флаг. В Омске установилась советская власть» [3]

Сын члена Исылкульского Совета рабочих депутатов Родиона Иванова Николай Иванов вспоминает: «В конце февраля 1917 г. в городе исчезли полицейские, а на вокзале жандармы. На улице творилось до этого невиданное. На базарной площади собрались толпы народа. Толпы ликовали, кричали «Ура!», из всех разговоров я понял – царя нет» [4].

В ноябре 1917 г. в Исылкуле был создан Совет рабочих депутатов, в который вошли М. Захаров, Р. Иванов, А. Ломов, С. Субач и др. Первым председателем Совдепа стал М. Захаров, комиссаром – А. Ломов [5]. Был проведен ряд мер по конфискации земельных угодий и передаче их беднякам, улучшению положения беженцев, были увеличены пособия солдаткам, деньги взимались с крупных землевладельцев и торговцев. Важнейшей работой Совета стало обеспечение бесперебойной работы железной дороги и пропуск хлебных эшелонов в голодающие Москву и Петроград. Были резервированы хлебные запасы на мельницах Регера и Горелкина, в нескольких купеческих складах. Совдепом был создан отряд Красной гвардии, в который вошли в основном венгры, всего отряд насчитывал 26 чел. [6] Отряд нес охранную функцию, охраняли железную дорогу, товарную станцию Депо и водокачку в селе Городище. На основании постановления Омского Совета об организации сельской милиции и о расформировании сельской полиции, [7] в поселке была создана милиция. Одной из мер борьбы с голодом была отправка семей рабочих из голодающих центров в Сибирь. Много семей эвакуированных прибыло на станцию Исылкуль. Для них изыскивались свободные земельные участки, и оказывалась материальная помощь из складов переселенческого управления. Тогда же возникли хутора Новая-Москва, Ново-Петроград, Балтика и другие [8].

Деятельность первого Совета была непродолжительной, 28 мая 1918 г. вспыхнул белочешский мятеж. Начались бои под Марьяновкой. Чешский эшелон с этой станции был переведен в Исылкуль. Оккупанты захватили власть в свои руки, начались аресты членов Совета. Вот как вспоминает арест своего отца Родиона Иванова Н. Иванов: «4 июня (ст. ст.) вечером часов в одиннадцать к нам постучались, и я услышал разговор с Санькой (Александр Иванович Кудрин) – моим другом. Санька со слезами в голосе говорил: «Пусть дядя Родион сейчас же куда-нибудь уезжает, его сегодня ночью арестуют». Отец, несмотря на просьбу матери и ее сообщение о том, что готовится арест, как видно, не придавал тому значения, никуда не ушел. Утром 5 июня в 4 часа пришли Булгаков Иван, Бурцев Федор и два человека, забрали отца и увели» [9]. Арестованных членов Совета отвели в стоящие в тупике между станцией и депо вагоны. В отряд, который занимался арестами большевиков, входили

Иван Булгаков, Федор Рудаков, Федор Бурцев, Алексей Кудрин, Левандовский, в качестве наблюдателей выступали два чехословацких офицера. По воспоминаниям Н. Иванова, было два вагона с арестованными, в третьем располагалась охрана. Приближаться к вагонам не разрешалось, родственники арестованных допускались только к вагону охраны, где начальник караула принимал передачи. Было объявлено, что арестованные должны питаться своими продуктами. К вечеру вагоны были заполнены до отказа, арестованных везли из близлежащих сел и деревень, вагоны не могли вместить всех привезенных, и они были размещены в товарных вагонах, наспех переоборудованных в теплушки [10]. «Утром в 3 часа 5 июня 1918 г.(ст. ст.) мой отец Р.В. Иванов и 19 красногвардейцев-мадьяр были отведены за насыпь недостроенной ветки железной дороги в навозную свалку и расстреляны» [11].

«Весной я с ребяташками пошла на «назмы». Так называлось когда-то в Исилькуле свалка с востока от станции. «Стойте!» – раздался чей-то истерический вопль – «смотрите, дядя Иванов!». Ошеломленные, мы остановились. Перед нами лежали окровавленные, сваленные в кучу трупы. На всю жизнь в моих глазах осталось изуродованное штыками тело Родиона Иванова,» – вспоминает К.Ф. Колесникова [12].

Остальные члены Совдепа, в т.ч. А. Ломов, были расстреляны 8 июня 1918 г. на юго-западной окраине Исилькуля в нескольких десятках метров севернее железнодорожного полотна. Расстрела удалось избежать только С. Субачу, получив тяжелое ранение, он был спрятан жителями деревни Благовещенка [13]. И. Алексеенко, житель деревни Благовещенка, вспоминает, как жителями деревни был обнаружен С. Субач: «В этот день хлеб должны были молотить у П.С. Иванькова, собралось нас человек двадцать. Мне было дано задание отбрасывать ненужную солому. Захватываю я волокушей солому и все норовлю повыше поднять. Вдруг услышал что-то вроде стоны человека. Прислушался. На второй раз явственно услышал тяжелый вздох и невнятное бормотание. Гляжу, а из края вчерашнего вороха высовывается кудлатая голова, а потом и весь человек в одном белье. Грудь и спина его были в крови. Окружив раненого плотным кольцом, мы затихли. «Я Субач, ... сегодня на рассвете был расстрелян... помогите, братушки, ... и воды попить» [14].

Оставшиеся на свободе большевики ушли в подполье и продолжали агитацию, создавались партизанские отряды. Один из таких отрядов действовал в деревнях Лукерьино – Исилькульского района; Бычках, Дурбете, Нахимовке, Земляном – Называевского района. Руководили отрядами братья Николай и Константин Левые [15]. В Кромах и Добринке Исилькульского района особую активность проявлял матрос-большевик С.В. Харитонов. Позже он был схвачен и расстрелян [16]. В первый период Гражданской войны значительная часть сибирских крестьян, в том числе и Исилькульского района, занимала выжидательную позицию. Заметный поворот в их настроении начался с осени 1918 г., когда была объявлена мобилизация в белую армию, началось взыскание недоимок и долгов по старым ссудам, в свое время отмененных советской

властью. С этого времени участились крестьянские восстания. В Лесном районе, за Лебяжьей и Камышловой, стали сосредотачиваться дезертиры. Карательные отряды колчаковцев вылавливали дезертиров и их пособников и устраивали массовые расстрелы.

С лета 1919 г. стали появляться слухи о поражениях колчаковской армии на Урале. На станции Исилькуль появилась новая волна беженцев. В октябре 1919 г. Колчак объявил мобилизацию в армию мужчин 1898 – 1899 гг. рождения, массовым явлением стало уклонение от призыва [17]. Насильно мобилизованные нередко дезертировали. Из воспоминаний К.Ф. Колесниковой: «Недалеко от нашего дома в пустом зернохранилище размещалась одна из частей, и я слышала, как рассуждали солдаты, особенно поносил непристойностями царя и Колчака солдат по фамилии Пушкин. Случалось, построят для проверки солдат, а двух-трех уже нет» [18]. Режим Колчака в Исилькульском районе не получил поддержки народных масс.

Гражданская война развернулась почти на всей территории страны, а потери воюющих сторон, в конце концов, складывались в общие жертвы нашего народа. В Исилькуле о периоде Гражданской войны напоминают 2 памятника «Жертвам гражданской войны» (другое его название «Братская могила 10 красногвардейцев») и могила первого председателя Исилькульского Совдепа А.М. Ломова.

1. Исилькульский краеведческий музей (далее – ИКМ). Воспоминания Н. Иванова, 1971. С. 14.
2. Исилькульский муниципальный архив (далее – ИМА). Ф. 4., Оп. 1, Д. 52. Л. 2.
3. ИМА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 78. Л. 97-98.
4. ИКМ. Воспоминания Н. Иванова, 1971. С. 24.
5. Колесников А.Д., Машкарин М.И., Полканов В.Д., Огородникова Л.И., Хроменкова Н.И. Исилькуль на Транссибирской магистрали. Омск., 1995. С. 64.
6. ИКМ. Воспоминания Н. Иванова, 1971. С. 31.
7. Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти. Омск, 1985. С. 35.
8. Кирсанов М. Шел год восемнадцатый // Знамя (Исилькуль). 1967. № 64. С. 2.
9. ИКМ. Воспоминания Н. Иванова, 1971. С. 41.
10. ИКМ. Воспоминания Н. Иванова, 1971. С. 42.
11. Там же. С. 49.
12. ИМА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.
13. Петрищев И. Имя твое не забыто, комиссар // Знамя (Исилькуль). 1967. № 41. С. 2.
14. ИМА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 44. Л. 12.
15. Колесников А. Годы революционные // Знамя (Исилькуль). 1995. № 17. С. 1.
16. Колесников А.Д., Машкарин М.И., Полканов В.Д., Огородникова Л.И., Хроменкова Н.И. Исилькуль на Транссибирской магистрали. Омск, 1995. С. 64.
17. Симонов Д.Г. О военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии в 1919 г. // http://zaimka.ru/02_2002/simonov_kolchakrear.
18. ИМА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 52. Л. 4.

Л.А. КРИВЧЕНКО

г. Хабаровск, Государственный архив Хабаровского края

ИЗ ИСТОРИИ ЖИЗНИ ЭМИГРАНТА А.П. ВЕЛЕЖЕВА И ЕГО СЕМЬИ (ПО ДОКУМЕНТАМ БРЭМ, ЭМИГРАНТСКИМ ПЕЧАТНЫМ ИСТОЧНИКАМ И ПИСЬМАМ РОДСТВЕННИКОВ)

С 90-х гг. XX в. в России устойчиво сохраняется интерес к культурному наследию российской эмиграции. Печально, что осталось не так много документальных свидетельств истории эмиграции, воссоздающих картину жизнедеятельности как общества, так и отдельных личностей. Коллекция документов БРЭМ («Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи»), которая хранится в Государственном архиве Хабаровского края, была вывезена из Харбина в Хабаровск группой архивистов, командированных в Маньчжурию осенью 1945 г. для сбора исторических архивных материалов [1]. Архивистами были обнаружены документы, отложившиеся за годы проживания русских в Маньчжурии. Стараниями архивистов удалось собрать и вывезти около трех тонн документов, книг, газет и журналов. Они доступны для изучения и исследования жизни эмигрантов любому гражданину.

Оказавшись оторванными от привычных условий бытия, эмигранты старались сохранить традиции русского уклада жизни и не растерять связи между собой. В Харбине существовало множество обществ, кружков, союзов и объединений, созданных по профессиональным, творческим, национальным и просто жизненным интересам. Очень большую роль в объединении, продолжении русских традиций, формировании общественного мнения играли средства массовой информации. Особой популярностью пользовались газеты «Гун-Бао», «Русское слово», «Голос эмигрантов», журнал «Луч Азии» [2], которые ныне хранятся в научно-справочной библиотеке Государственного архива Хабаровского края. Одним из представителей российской эмигрантской печати в Маньчжурии был редактор вышеперечисленных изданий журналист Анатолий Прохорович Вележев.

Из его эмигрантского личного дела, хранящегося в архивном фонде БРЭМ Государственного архива Хабаровского края: «Вележев А.П. (псевдоним А.Волин) родился в г. Бирюч Воронежской губернии 8 июля 1887 года. Получил очень приличное образование, окончив Воронежскую духовную семинарию, затем юридический факультет Варшавского университета. После окончания университета состоял помощником присяжного поверенного при Воронежском окружном суде» [3]. Когда началась первая мировая война, Анатолий Прохорович пошел добровольцем на военную службу. Однако он был откомандирован в Московское Алексеевское военное училище, окончив которое, остался в качестве помощника курсового офицера. Назревшие революционные события, а затем и Гражданская война безжалостно раскидали соотечественников по разные

стороны баррикады. Не желая оставаться в стороне, Анатолий Прохорович участвовал в Гражданской войне в рядах белой армии с августа 1918 г. вплоть до ее окончания. Он был зачислен в штаб 1-го Средне-Сибирского корпуса, во время отступления в Читу был назначен адъютантом штаба отдельного отряда Пепеляева, последний чин – штабс-капитан. В 1920 г. в бою у г. Сретенска получил ранение в ногу [4].

После ранения Анатолий Вележев некоторое время занимался частными уроками в городах Новониколаевске, Владивостоке, в ноябре 1922 г. с общей беженской волной прибыл в Харбин, где долечивал раны еще три года. В этот сложный период, чтобы создать своей семье хотя бы самые скромные условия существования, Анатолий Прохорович занимался всем: частными уроками, коммерцией, частной юридической практикой. Тут-то и пригодился его, пусть небольшой, опыт в написании статей, редактировании и издательском деле. Ведь журналистской деятельностью Анатолий Прохорович начал заниматься еще в мирное время, успешно совмещая службу в судебном ведомстве с пробой пера, а продолжил во время Гражданской войны, редактируя войсковой журнал «Сибирский стрелок».

Его разносторонние интересы – превосходное знание литературы, искусства (занимался живописью), юридическое образование, хорошее знание иностранных языков (английский и французский) – во многом способствовали освоению журналистской профессии. На страницах эмигрантских газет и журналов печатались статьи Вележева по вопросам культуры, международной жизни, истории и военным событиям.

С 1922 г. начался новый – харбинский – период его жизни, длившийся почти 24 года. В Харбине, имевшем статус центра европейской цивилизации в Китае, после окончания Гражданской войны обрели приют более 40000 выходцев из России. Здесь Анатолий Прохорович познакомился с большим числом единомышленников и нашел широкое поле для деятельности. Он с головой окунулся в любимую журналистику и вновь занялся издательским делом.

По-разному относились русские эмигранты к новой жизни своей Родины. Одни сочувствовали, радовались успехам, другие не прощали промахов. Но все они пристально следили за всем происходящим в России. Эмигрантская пресса отражала этот интерес на страницах своих печатных изданий. И А.П. Вележев, как журналист, не мог оставаться равнодушным, глубоко все переживая. Вот лишь несколько его размышлений о судьбе россиян из статьи «Путь русской эмиграции»: «В эмиграцию ушли не князья и бояре, а представители всех сословий и классов России, вплоть до людей мозольного труда – рабочих, крестьян, казаков. Вместе с ними пределы России покинула и ее элита, представители духовной аристократии, ученые – люди, которые могли бы составить украшение самой культурной страны. В этом море зарубежной России почти потонули политики-профессионалы, на совести большинства из которых лежит ответственность

за крушение Российского Императорского самодержавия. На первых порах своего пребывания в странах рассеяния русские люди оказались в ужасных условиях. Незнакомые с местными обычаями и всем жизненным укладом своей новой Родины, они оказались вынужденными отстаивать свое место под солнцем: работать и бороться буквально за каждый кусок хлеба. Эмигранты, попавшие в Маньчжурию, были счастливее своих европейских и американских собратьев. Здесь на первых порах их встретила все та же Россия, но только без большевиков. Здесь их охватил все тот же, веками сложившийся русский быт» [5].

Харбин стал для многих эмигрантов городом, где была сформирована их идейная позиция в отношении современного политического положения в России. И, конечно же, будучи по убеждениям монархистами, эмигранты помнили и чтити царя-батюшку. Среди публикаций Анатолия Прохоровича, напечатанных в «Голосе эмигрантов», много материалов было посвящено царской семье, испытаниям, выпавшим на долю членов семьи с переменой власти (статья «Царь мученик» из газеты «Голос эмигрантов») [6]. Живя в чужой, хоть и гостеприимно встретившей эмигрантов стране, никогда не следовало забывать о том, кто ты, откуда родом. Поэтому приоритетное направление в публикациях А.П. Вележева занимало освещение русских традиций и церковных христианских праздников. В каждой его статье чувствовалась тоска по Родине и боль ее утраты. А.П. Вележев писал о величии русского языка и его значении для сохранения культурных традиций. В связи с этим он вспоминал отзывы Ломоносова, Пушкина, Гоголя, приводил высказывания зарубежных ученых о значении русского языка. Анализируя советские публикации, автор сетовал: «При просмотре советских газет и журналов, произведений литературных заранее знаешь, в какую форму облечет пишущий свои мысли. Создается умственный трафарет, который неизбежно влечет и языковой шаблон, вынужденную необходимость людей отстаивать свои мысли в заранее приготовленные и одобренные начальством формы. А ведь язык жив до тех пор, пока будет жива сама мысль. Живая, свободная мысль в сталинской деспотии изъята из обращения. Ибо говорить и писать можно только в пределах тех установок, которые даны сверху. Оттого скучен, постыл и убог советский казенный язык. И все это происходит в России, на Родине нашего талантливого народа, создавшего такой великолепный язык» [7].

Много внимания уделено было партийным лидерам советской России, анализу успехов и провалов государственных реформ, первым пятилеткам, коллективизации, их проблемам и решениям [8]. Как бывший офицер, Анатолий Прохорович не мог пройти и мимо факта расстрела Тухачевского и его сподвижников – репрессий против советской военной элиты: «Ни одно событие в жизни советского союза [9] не произвело такого впечатления, как эта молниеносная казнь тех, чьи имена овеяны романтикой первых годов революции и той напряженной и кровавой борьбы, из которой они,

пусть на время, вышли победителями. Самая кровопролитная война не могла нанести нашей армии таких потерь, какие она получила в 1937 году в результате одного росчерка сталинского пера» [10].

Кроме журналистских статей на заданные темы, А.П. Вележев был известен и как писатель, его беллетристика печаталась в одном ряду с произведениями мэтра эмигрантской литературы Арсения Несмелова, поэта Валерия Перелешина – «зубров» эмигрантской культуры. В научно-справочной библиотеке Государственного архива Хабаровского края хранится журнал «Луч Азии» за декабрь 1939 г., в котором напечатан автобиографический рассказ А.П. Вележева «Три рождества», где он отразил свои впечатления о событиях Гражданской войны [11]. В начале своего рассказа он описывает эпизоды из военной жизни, происходившие в 1918 г., когда исход Гражданской войны еще не был известен, а цель вернуть все на круги своя побуждала к действиям молодых офицеров: «...И хоть приходилось нам делать сорокаверстные переходы, и шинельки у нас были на рыбьем меху, и животы, случалось, подводило от голода, но были тогда молоды, сильны духом и телом, верили в успех нашего дела, и крепко сидела в нашем сердце надежда. Оттого так легко, бездумно и весело шли мы тогда вперед». Однако позже события развернулись по-другому, и описание последующих эпизодов в рассказе не столь воодушевленное, а скорее – крик осиротевшей души: «Это время – конец девятнадцатого и начало двадцатого года – все мы будем помнить до самой смерти. Страшные, незабываемые дни! На пространстве тысячи верст, среди ледяного безмолвия сибирской пустыни разыгрывались трагедии, которых человеческое воображение не могло и представить. Матери теряли своих детей, на глазах жен расстреливали их мужей, родные и близкие расставались на полчаса, чтобы больше уже никогда не встретиться. И чем дальше уходили мы на восток, тем безнадежней рвались нити, связывающие нас с Россией».

Будучи в разное время секретарем и редактором газет «Русский голос», «Русское слово» (1931 – 1934 гг.), «Гун-Бао» (с 1934 г.), «Голос эмигрантов» (с 1938 г.), «Заря» (с 1937 г.), «Боевой друг» (с 1942 г.), журнала «Луч Азии» (с 1935 г.), «Русский настольный календарь» (с 1936 г.), [12] Анатолий Прохорович старался, прежде всего, оставаться глубоко порядочным человеком, хотя многие его соотечественники утрачивали эту традиционную российскую черту, он же, как бывший русский офицер, мог всегда сказать: «Честь имею». Из характеристики из личного дела А.П. Вележева: «Вележев – незаурядный человек как журналист. Культурный, выдержанный и умный. Усидчив и трудолюбив. Убеждений правых [13]. В моральном отношении заслуживает полного уважения. Отзывы сослуживцев о нем наилучшие» [14]. «Соприкасавшиеся в деловом отношении с ним лица рисуют Вележева как отличного работника, прекрасно развитого человека, а также и порядочного... всякое дело, за которое он берется, выполняется им всегда аккуратно и с хорошим умением... человек левого уклона [15].» Далеко не многие могли быть удостоены в эмигрантских кругах таких отзывов.

В личных делах эмигрантов архивного фонда БРЭМ одинаково положительные характеристики и отзывы соплеменников – большая редкость. Судьба не баловала Вележева, часто его семья испытывала нужду, поэтому он старался закрепиться в БРЭМ, зная, что это помогло бы решить материальные проблемы. С 1933 г. А.П. Вележев состоял в Объединении Российских журналистов в Маньчжурии, курируемых БРЭМ. В приложенных к его личному делу документах имеется приказ БРЭМ от 9 марта 1937 г. о допуске к исполнению обязанностей вновь избранного Правления Объединения российских журналистов, где А.П. Вележев значился как казначей [16]. В числе немногих эмигрантов, будучи редактором газеты «Голос эмигрантов» (еженедельный орган БРЭМ), Анатолий Прохорович был награжден медалью «За усердие» на национальной ленте, как отмечено в приказе БРЭМ от 26 декабря 1942 г., « в воздаяние за безупречную службу на благо Российской эмиграции» [17].

На протяжении нескольких лет А.П. Вележев вместе с другими представителями прессы посещал Японию с пропагандистскими целями. Свои впечатления о посещении Японии он печатал на страницах газеты «Голос эмигрантов», знакомя читателей с обычаями, традиционным укладом жизни и церемониями японцев, достопримечательностями этой удивительной древней страны, ее храмами, историческими и архитектурными памятниками, трудами историков и литераторов Японии, ее политикой на Дальнем Востоке. В марте 1945 г. А.П. Вележев был назначен Приказом БРЭМ на должность начальника подотдела пропаганды Бюро [18]. С приходом советских войск в Маньчжурию все эмигрантские издания были закрыты. Арестам подверглись почти все харбинские журналисты, издатели и деятели культуры, в той или иной мере соприкасавшиеся с японскими властями. Не избежал такой же участи и А.П. Вележев, он был арестован и осужден за активную пропагандистскую деятельность в эмигрантских средствах массовой информации.

В фонде БРЭМ хранятся также личные дела членов семьи А.П. Вележева – его жены Ольги Евгеньевны [19] и сыновей – Анатолия и Евгения [20]. Об Ольге Евгеньевне известно, что она родом из г. Задонска Воронежской губернии. Из переписки с его внучкой Ольгой Евгеньевной Исмаиловой в 2010 г.: «В девичестве Ольга Евгеньевна – Панфилова. Панфиловы были в родственных отношениях с Тургеневым, мама Ольги Евгеньевны в девичестве носила фамилию Лутовинаова, а родственник ее отца – русский адмирал Александр Иванович Панфилов, участник Крымской войны». О.Е. Вележева (Панфилова) в 1909 г. окончила Петроградский институт Св. Елены и работала в земской школе Бирючинского уезда Воронежской губернии, затем в Новониколаевске, в Маньчжурию прибыла со старшим сыном вслед за мужем в августе 1925 г., нелегально перейдя границу [21].

Старший сын А.П. Вележева – Анатолий – родился в 1920 г. в Новониколаевске, окончил 1-е Реальное училище и Северо-Маньчжурский университет, изучал английский, маньчжурский и японский языки, работал

в прояпонской организации Кио-Ва-Кай [22] (Общество мирного сотрудничества народов Маньчжурской империи). Анатолий был осужден в 1947 г. на 20 лет исправительных лагерей как агент японской военной миссии [23]. А.А. Вележев был в лагерях до 1955 г. Из переписки с О.Е. Исмаиловой в 2010 г.: «Дядя после досрочного освобождения из лагеря женился и переехал в Хабаровск, долго работал в институте Дальгипроэкт. Дожил до 80 лет и в 2000 г. похоронен в Хабаровске. Человек еще той закваски! Любил охоту, рыбалку, прекрасно рисовал, особенно любил изображать природу, много читал, был разносторонне интересен».

Из личного дела младшего сына известно немного: Евгений родился в Харбине в 1929 г., в 1944 г. учился в Харбинской духовной семинарии [24]. Из письма Е.А. Вележева своему другу детства А.Б. Скворцову в 2010 г.: «В 1945 г. мы с матерью осиротели. Об учебе думать не приходилось, пошел работать: служил охранником на железной дороге, работал на фанерном заводе. Потом был Южный Китай. В 1950 г. закончил театральную студию в Харбине, приобрел профессию актера, но на зарплату актера не проживешь. Получил приглашение Уханьского университета провинции Хубей (Китай) на должность преподавателя русского языка, где и проработал до отъезда в СССР. В 1955 г. предложили выехать на целину, чем мы с мамой и воспользовались, чтоб возвратиться на Родину. С апреля 1955 г. началось мое освоение Сибири. Поменял много профессий: от плотника до заместителя начальника морского порта на Сахалине. В 1960-х гг. работал переводчиком японского языка в поселке Маго. Долго жил в Комсомольске-на-Амуре, а в 2007 г. переехал в Подмоскowie. Из выдающихся событий жизни – это кругосветное путешествие на корабле. Имею дочь и сына». Из переписки с его дочерью О.Е. Исмаиловой стало известно о кончине Евгения Анатольевича в марте 2012 г.

Тяжело сложились судьбы этих связанных кровными узами людей, попавших под жернова репрессий, но сохранивших в душах любовь к отчужденному дому. Сегодня можно рассуждать о слабости и силе духа, о правоте или подлости, можно выставлять самые смелые оценки людям, судить об истории с холодной рассудочностью стороннего наблюдателя. Предоставим все это времени, оно рассудит. История – это память, а память и совесть тесно связаны. И чтобы отдать дань памяти согражданам, возвратившимся и прошедшим трудный путь адаптации в такой близкой, но иной Отчизне, нам придется не раз возвращаться в далекое время, а по совести – быть бережнее к людям, потерявшим родных и оторванным от Родины волею обстоятельств.

1. Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 1. Историческая справка.
2. Соловьева Н.А. Печатные издания харбинской россики. Хабаровск, 2003. С. 5.
3. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 7400. Л. 1-1об.
4. Там же. Л. 5б.
5. Голос эмигрантов. 1939. 1 января.
6. Там же. 12 марта.

7. Голос эмигрантов. 1939. 18 июня.
8. Там же. 1939. 14 июня.
9. Орфография документа сохранена.
10. Голос эмигрантов. 1939. 11 июня.
11. Луч Азии. 1939. Декабрь.
12. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 7400. Л. 3-7об.
13. Там же. Л. 11.
14. Там же.
15. Там же. Л. 19.
16. Там же. Л. 15.
17. Там же. Л. 45.
18. Там же. Л. 57.
19. Там же. Д. 7401.
20. Там же. Д. 7399.
21. Там же. Д. 7401. Л. 1-1об.
22. Там же. Д. 7399. Л. 1-1об.
23. База данных о жертвах политического террора в СССР / Книга Памяти Свердловской области. М., 2004.
24. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 7399. Л. 4-4об.

А.М. ЛОСУНОВ

г. Омск , Сибирский казачий юридический колледж

Е.А. ЛЕОНТЬЕВ –

ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН КОЛЧАКОВСКОЙ АРМИИ

Судьба свела меня с Евгением Александровичем Леонтьевым в начале 90-х гг. XX в. Я уже тогда собирал материалы о белом Омске и адмирале А.В. Колчаке. Однажды мой знакомый Ю.Б. Поташев обратился ко мне с просьбой помочь ему ответить на вопросы одного из русских эмигрантов, разыскивавшего в Омске свою двоюродную сестру, о которой ничего не знал 72 года. Его просьбу Юрий Борисович вместе с Андреем Николаевичем Кравцовым выполнили. По чудесному стечению обстоятельств Зинаида Александровна Елистратова оказалась жива. А вот ответить на вопросы, касающиеся сохранности тех или иных зданий дореволюционной постройки в нашем городе, Ю.Б. Поташев не смог, поэтому и попросил меня помочь ему в этом. Вопросы были приблизительно следующего характера: «Сохранилось ли здание 2-й гимназии, где я учился?» или «Какое сейчас носит название бывшая улица Главноуправленческая?».

Я дал на них развернутые ответы на отдельном листе, а вскоре получил из Сан-Франциско персонально адресованное мне письмо. Так у нас завязалась переписка. В ходе неё я узнал, что Евгений Александрович Леонтьев родился 9 декабря 1901 г. в семье военного. Его отец Александр Леонтьев и три дяди по материнской линии закончили Сибирский кадетский корпус в конце XIX в. Один из них, Александр Иванович Александров, закончил корпус в 1894 г. Будучи поручиком, служил в 11-м пехотном Семипалатинском полку. Погиб в русско-японскую войну. Был занесен на 5-ю траурную доску, висевшую в домовый Николаевской церкви Сибирского кадетского корпуса [1]. Другой из дядьев, Сергей Иванович Александров, в чине капитана нес службу в 11-й стрелковой Сибирской артиллерийской бригаде. Умер в 1913 г. Был похоронен в нашем городе на Казачьем кладбище. Его могила находилась слева возле кладбищенской Всехсвятской церкви. Его сын эмигрировал и проживал в Бразилии, где и скончался в 1988 г. Третий дядя, Иван Иванович Александров, в 1919 г. находясь в чине полковника, состоял помощником коменданта г. Омска. По собственному признанию Е.А. Леонтьева, он относил себя больше к «породе» Александровых, нежели Леонтьевых, поскольку последних, за исключением своего отца, практически не знал, хотя и смутно припоминал ещё «одну бабушку Леонтьеву, крестную, которую видел один раз» [2].

Родители Евгения Александровича расстались в 1905 г. «[...] Мама мне писала раньше, что японская война погубила нашу жизнь, – вспоминал в одном из своих писем к двоюродной сестре Е.А. Леонтьев. – Что случилось с папой? Почему он не вернулся с Д[альнего] В[остока]? Она писала, что папа очень меня любил, и просила, чтобы я сохранил о нем хорошие воспоми-

нания [...]. Раз в Шанхае я встретил у знакомого одного бывшего офицера и в разговоре узнал, что мой отец окончил корпус в 1896 г. Он сразу ответил, что знал отца и что он был смертельно ранен под Иркутском в 1919 г. Это было в 1923 г. Я написал маме. Она просила узнать подробности смерти отца, но я больше этого человека не встречал и скоро уехал с корпусом в Югославию[...]» [3].

Переписку с матерью Евгений Александрович вел из-за рубежа вплоть до 1941 г. Его родительница проживала тогда в Омске, в доме под №31 на улице Фрунзе. Она умерла в конце войны и была похоронена на Шепелевском кладбище. Несмотря на то, что Евгений Александрович прожил в нашем городе семь с небольшим лет, Омск крепко запечатлелся в его детской и юношеской памяти. «Омская тема» звучала практически в каждом из его писем: «[...] У меня много открыток с видом Омска. Есть и каф[едра]льный собор, и здание на той же площади Первой мужской гимназии. Там потом была школа курсантов. Вот и театр остался, и первая женская гимназия сразу за театром, если идти к мосту. [...] Омск в те времена, до войны, был военным городом. Много войск – пехота. 43-й Сиб[ирский] стр[елковый] полк и часть 44-го. (Во время Гражданской войны в 1921 – 1922 гг. я служил в бригаде, где в одном полку было знамя 44-го полка). В Омске было много учебных заведений: 2 мужских гимназии, 4 женских, Кадетский корпус, коммерческое училище, реальное училище, сельскохозяйственное училище, институт учительский, семинария, епархиальное училище, техническое училище, землемерное училище, ветеринарное уч[илище] и еще что-нибудь, что я забыл. Жителей до войны было около 100 тыс. После революции было раз в 5 больше[...]» [4]. Или «[...] Омск вспоминается часто: от театра путешествую мимо женской гимназии (где учились моя мать, тетя и двоюродная сестра, которую теперь нашел). Продолжаю путешествовать: слева была часовня, затем вниз по лестнице на Любинский проспект. Слева и справа магазины Ганшина и Шанина. Затем мост через Омку. Внизу бывал каток зимой. Перед мостом – снова часовня. Дальше Дворцовая и Атаманская улицы. Дворец генерал-губернатора, Кадетский корпус и в конце Атаманской 2-я гимназия, где я учился. Этот путь я проделывал каждый день, иногда на велосипеде [...]» [5].

Наступил 1918 г. После падения 7 июня советской власти в Омске в здании Кадетского корпуса начал формироваться отряд есаула И.Н. Красильникова. Евгений Александрович вместе с пятью своими одноклассниками записался добровольцем в отряд. Самого «царя Берендея» (так подчиненные между собой, за глаза, называли Красильникова) в то время в Омске не было. Он находился вместе с основным отрядом на Востоке, на Ленском прииске, а затем в Бодайбо. Омским формированием добровольцев командовал поручик Попов. Вскоре это наспех сформированное подразделение было отправлено на западный фронт: к Красноуфимску, к Ялуторовску и Егоршину. С наступлением осени и нового учебного года всех «школяров»

отправили учиться. Учеба продолжалась до 1 марта 1919 г., а уже на следующий день Е.А. Леонтьев вместе со своими юными однополчанами-красильниковцами кадетом 5-го класса Малиновским, реалистом Петровым и юнкером из сибирских казаков Усовым записались во 2-ю конную батарею 1-й кавалерийской дивизии, которая формировалась в Омске. К Пасхе 1919 г. дивизия была отправлена на фронт. В конце августа 1919 г. Евгений Александрович, уже успев получить одну бомбардирскую нашивку, был отправлен в Омск для поступления в 1-е Артиллерийское училище. Данное учебное заведение было открыто в Омске в начале лета 1919 г. Его расквартировали в помещении 1-й роты Сибирского кадетского корпуса [6].

1 сентября 1919 г. Е.А. Леонтьев вместе с Артиллерийским училищем покинул Омск. Началась эвакуация на Дальний Восток. После окончания училища, в начале 1920 г., Е.Леонтьев был произведен в подпоручики [7] и вплоть до конца 1922 г. находился в армии. В 1921 г. Леонтьев получил чин поручика артиллерии. Участвовал в Хабаровском походе, затем эмигрировал в Китай. В апреле 1923 г. Евгений Александрович «уволился» из китайского лагеря в Гирене и уехал в Шанхай. В этот город были эвакуированы Сибирский и Хабаровский кадетские корпуса. Не окончив гимназии, но желая иметь аттестат о среднем образовании, поручик Леонтьев экстернатом сдаёт экзамены в Сибирский кадетский корпус. Вместе с этим учебным заведением он уезжает в Сербию. Здесь Евгений Александрович поступает на технический факультет Белградского университета, который оканчивает в 1937 г. Получив специальность инженера-механика, он трудился в Германии. После окончания второй мировой войны уехал в Аргентину, где прожил 12 лет. Затем перебрался в США, где жил в Сан-Франциско более 30 лет. Все время нахождения в эмиграции Е.А. Леонтьев состоял в военных организациях. В последние годы являлся бессменным секретарем Общества русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско.

Эта организация была создана представителями русской военной эмиграции 16 мая 1924 г. Её первым председателем на протяжении 21 года являлся генерал-лейтенант Генерального штаба барон А.П. Будберг. В марте 1925 г. была открыта библиотека. В настоящее время в ней насчитывается более 7000 томов. Начало ей было положено ещё первым председателем Общества. Генерал А.П. Будберг подарил Обществу большую часть книг из своей личной библиотеки. В последующие годы книжное собрание пополнялось не только путем дарения членами организации, но и также приобретением Обществом части изданий на собственные средства. С 1926 г. стал выходить журнал Общества «Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны». За эти годы в журнале было помещено много статей, освещающих театры сражений первой мировой войны, а также воспоминания о Гражданской войне. После развала СССР с начала 90-х гг. XX в. на страницах «Вестника» стали публиковаться и материалы историков из России. Формат и внешний вид издания остались прежними. Кстати, инициатором дальнейшего изучения

истории первой мировой войны, белого движения, публикации неизвестных рукописей, тесного сотрудничества с историками из России выступил многолетний секретарь Общества Ветеранов, редактор «Вестника» и герой данной публикации поручик Евгений Александрович Леонтьев.

В 1934 г. Общество купило здание, которое занимает и по сей день. В течение последующих лет руками членов Общества делались пристройки, производился ремонт, устраивались музей и библиотека. Из неприглядного подвала была создана столовая. С покупкой собственного дома у Общества появилась возможность для создания собственного музея. Сначала экспонаты кочевали по дому, не будучи сосредоточены в одном помещении. Большое количество предметов просто хранилось в коробках. Но в 1955 г. все экспонаты музея были тщательнейшим образом разобраны, распределены, пронумерованы и в логическом порядке помещены в витрины. Тогда же состоялось торжественное освящение и открытие музея [8].

В стенах этого здания сама собой возникла обстановка прежней России со всеми символами и эмблемами, которые сопутствовали членам Общества с ранних дней в России. Стены были украшены национальными флагами, портретами императоров, бюстами полководцев. Здесь всюду бурлила жизнь бывших русских воинов. Но называть себя «бывшими» они не хотели. Бывшие солдаты и офицеры считали себя на службе России. Каждое заседание правления, каждое общее собрание и каждое угощение в столовой встречали и проводжали молитвой. На праздник Общества все его члены становились в строй в главном зале, куда выносили флаги и где священник совершал молебен или панихиду. Слова «Отдадим все силы на служение России» стали девизом Общества. Этой организацией проводились различные вечера (русских романсов, настроений, цыганских песен и романсов, оперетты), блины (сбор в пользу инвалидов), киносеансы, доклады с цветными диапозитивами, концерты в пользу инвалидов, праздники артиллеристов, масленица, взаимные пасхальные поздравления, дамские чашки чая, лотереи дамского комитета, благотворительные концерты бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища, встречи Нового года, юбилейные праздники Общества, детская елка и другие мероприятия. Помимо развлечения и удовольствия, все перечисленные выше мероприятия давали Обществу некоторое финансовое подспорье, на которое, в свою очередь, оно не только жило, но даже занималось для нуждающихся русских организаций и лиц благотворительностью. До 1946 г. в Общество Русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско входили военные, попавшие в США в основном с Дальнего Востока. Это были бойцы из армий А.В. Колчака и В.О. Каппеля, казаки атамана Г.М. Семенова, воткинцы и ижевцы. После второй мировой войны в Сан-Франциско стали приезжать русские из Европы. Они пополнили ряды Общества Ветеранов. Воинское братство – это сильное чувство для русского человека, тем более находящегося в эмиграции, поэтому работа Общества продолжалась с усиленным подъемом [9].

Несмотря на мои многочисленные приглашения посетить Омск, Евгений Александрович каждый раз отказывался, мотивируя это своим возрастом, состоянием здоровья и дальностью пути. Практически в каждом из его писем звучало сожаление по этому поводу, и высказывалась мысль: «Эх, если бы я был помоложе!».

Е.А. Леонтьев не только вёл обширную переписку с нами, жителями постсоветской России, но и весьма радушно принимал у себя гостей из нашего Отечества. Вот что вспоминает краевед из Казани Равиль Ибрагимов: «[...]Это было в начале 80-х гг. XX в. Я указал дорогу туристке из ФРГ. Выяснилось, что она русская, во время войны её маленькой девочкой угнали с Украины на работы в Третий рейх. Разговорились. Ирина попросила помочь найти могилу её отца, репрессированного в 1938 г. Я порылся в архивах, написал ряд запросов и могилу нашёл. Ирина была мне очень благодарна и при встрече сказала: «Вижу, вы собираете материалы, связанные с Колчаком. Я сделаю вам подарок, свяжу с человеком, который воевал в его армии. Он живёт в Америке». Так я стал переписываться с Евгением Александровичем Леонтьевым, который родился в 1901 г. в Омске и был поручиком в армии Колчака. В 1997 г. Леонтьев пригласил меня к себе в гости в Сан-Франциско. Евгений Александрович работал в редакции антибольшевистской газеты «Русская жизнь». Когда мы с ним встретились, был секретарем Общества ветеранов мировой войны. Я жил у него более 12 дней. Встречался с представителями и первой, и второй волны эмиграции из России. Леонтьев познакомил меня с Митрополитом Русской православной церкви в США, его святейшеством Митрополитом Родзянко. Наша беседа проходила более 3 часов в храме Христа Спасителя. Он был построен эмигрантами после разрушения аналогичного храма в Москве в 1934 г. В свои 96 лет Леонтьев сам водил машину, сохранил отличную память. В эмиграции он успел пожить в Сербии и Аргентине, но обосновался в Америке, работал инженером. Он интересовался всем, что касалось темы Гражданской войны в России [...]» [10].

О своих встречах и знакомствах Евгений Александрович, отвечая на мои вопросы, вспоминал следующее: «[...]Омск был сдан 14 ноября 1919 г. Близко адмирала Колчака я не видел. Вообще же видел его. Ген[ерала] Катанаева также видел. Иванов[-] Ринов оставил скверную память он перешёл к большевикам. Был Командующим войсками в Омске в 1918 г. Я проходил в составе отряда Красильникова перед ним на параде. В прошлом он (Иванов-Ринов) был полицмейстером в Семиречье. Анненкова также видел, лихой офицер. Сформировал несколько полков. Воевал на Семиреченском фронте. Был выдан своим же казаком и погиб. [...] Выдан был в Китае, а где его казнили, не помню. [...] Полк[овника] Катанаева я встречал в Шанхае в 1923 – 1924 гг. Грешным делом пили и водку. В ноябре [19]24-го я уехал с Кад[етским] корпусом в Сербию и с А. Катанаевым уже не виделся[...]. У меня был большой приятель Алексей Фролов. Сибирский

казак. Кончил в 1922 г. Омский корпус на Русском острове. Работали с ним в Сербии на военном заводе, сначала рабочими, а кончив Университет – инженерами. К нему приезжала в Германию сестра из Омска. Он умер в Германии. [...] Тех, кто ближе знал Адмирала [Колчака], уже нет на свете... Здесь есть два-три бывших кадета Омского корпуса. Они на пару лет моложе меня[...] Мне через два месяца 90 лет. Женат вторым браком. Детей нет. Есть кот Серко. Лучший кот в США. Говорит только по-русски. За годы эмиграции [...] России не забыл. Говорю только по-русски. Других языков выучить не «сподобился», хотя проработал инженером больше 40 лет [...]»[11].

Евгения Александровича Леонтьева не стало 30 апреля 2001 г. Он скончался после непродолжительной болезни в Сан-Франциско в возрасте 99 лет. В некрологе говорилось, что усопший был старейшим членом Кадетского Объединения, кадетом Омского кадетского корпуса, долголетним активным членом Общества Ветеранов Великой войны, поручиком и последним офицером белой борьбы в Сибири и на Дальнем Востоке. Кадеты и члены Общества Ветеранов Великой войны выражали глубокое и искреннее соболезнование вдове почившего Александре Ивановне и всем родственникам покойного. Отпевание состоялось 3 мая в храме Христа Спасителя в Сан-Франциско, а свой вечный земной покой последний ветеран колчаковской армии обрёл на кадетском участке сербского кладбища.

1. Личный архив автора. Письмо Е.А. Леонтьева к А.М. Лосунову от 14 октября 1991 г. Подлинник.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус. Шанхай, 1940. С. 216.
7. Личный архив автора. Письмо Е.А. Леонтьева к С.П. Хрусталеву от 23 октября 1992 г. Рукописная копия.
8. Забелин С.Н. Музей Общества Ветеранов // Кадетская переключка (Нью-Йорк). 1996. № 59.
9. История и Книга Памяти Общества Русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско. URL: <http://www.domrv.org/author-r.html>.
10. Позднякова М. Клад адмирала Колчака-3 // Аргументы и Факты в Беларуси (Минск). 2010. 22 окт.; Агеева Л. Современный кладоискатель Равиль Ибрагимов // Казанские истории (Казань). 2012. 5 мая.
11. Личный архив автора. Письмо Е.А. Леонтьева к А.М. Лосунову от 14 октября 1991 г. Машинопись. Подлинник; Письмо Е.А. Леонтьева к А.М. Лосунову от 3 августа 1993 г. Подлинник.

О.В. МОИСЕЕВА

Москва, Московский государственный гуманитарный университет
имени М.А. Шолохова

А.В. КОЛЧАК – УЧЕНЫЙ, АДМИРАЛ, ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ РОССИИ

*«кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»
(Евангелие Мк.34:8)*

«Крест большой золотой с белою с обе стороны финифтью» [1]. Так гласит статут ордена Св. Георгия, коим был награжден «За разгром армий противника русскими армиями» Верховный правитель и Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими Вооруженными силами России адмирал А.В. Колчак 15 апреля 1919 г. Византийский богослов Феофилакт Болгарский в толковании Евангелия пишет: «кто хочет идти за Мною – возьми крест свой», тем самым говоря: «никого не принуждаю» [2]. 19 апреля 1919 г. Колчак, утверждая постановление своим приказом, обратился к войскам: «Принимая эту высокую воинскую награду, я уверен, что доблестная возрожденная Русская армия не ослабеет в своем порыве и до конца доведет дело освобождения России от врагов и поможет ей снова стать могучей и сильной в среде великих держав мира». «Принимая», Он взял свой крест! Он думал о России! И взял на себя Крест, тогда еще Православной могучей державы! «Белый» крест, который нес до конца. Так кто же был человек, который отдал жизнь за Православную Россию?! О котором долгое время не разрешалось говорить, писать и даже думать; достижения которого перед Родиной были перечеркнуты! Имя которого было забыто и даже стерто с лица Земли! Именно так! В 1937 г. необитаемый остров в Таймырском заливе Карского моря, названный в честь Колчака, был переименован в остров Расторгуева! Лишь постановлением Правительства РФ от 15 июля 2005 г. № 433 «О переименовании географического объекта в Карском море» переименован «в остров Колчака в целях возвращения этому географическому объекту первоначального наименования». Ему вернули Имя на карте России, ему вернули Имя в истории. Снят фильм, выходят в свет исторические труды, в школьных учебниках появились строки с именем Колчака.

«Родился я на Обуховском заводе в 1874 г.», – записано 20 января 1920 г. в Протоколе № 1 «опроса задержанного в связи с переворотом 4 – 5 января 1920 г. адмирала Колчака» [3]. Был крещен в Троицкой церкви «Кулич и Пасха» 15 декабря 1874 г. Отец его – Василий Иванович Колчак был героем обороны Севастополя в годы Крымской войны. Мать – Ольга Ильинична Колчак (Посохова) – дворянка. 22 марта 1888 г. подполковник В.И. Колчак подал прошение в канцелярию Морского училища, «желая определить на воспитание в младший подготовительный класс Морского Училища сына Александра». Так, осенью 1888 г. Колчак, будучи 14 лет от роду, надел свою первую флотскую форму. Колчак окончил корпус в 1894 г., фельдфебелем, вторым по выпуску, с премией имени адмирала Рикорда [4].

В годы своей юности Колчак увлекался точными науками и ремеслами, изучал слесарное дело. Весной 1894 г., успешно окончив Морской корпус, Колчак ушел в море на крейсере «Рюрик». В это время Колчак начал заниматься гидрологией и океанографией. Вышли в свет его научные публикации, после которых адмирал С.О. Макаров пригласил его в плавание на первом ледоколе «Ермак». К огромному сожалению Колчака, этого сделать не удастся. Но в 1899 г. Академия наук приглашает его в первую в его жизни полярную экспедицию на шхуне «Заря» под командованием барона Э.В. Толля для поисков Земли Санникова. Плавание продолжалось более двух лет. Было сделано много открытий, часть которых, такие как очертания Таймыра, замеры высот самого большого острова архипелага Котельный – личные заслуги Колчака. А затем он лично возглавил предприятие спасательной экспедиции пропавшего во льдах Толля. Убедившись, увы, в гибели Толля, без потерь вернулся обратно. Один из островов архипелага той экспедиции получил имя Софьи Омировой – невесты Колчака. К тому времени он уже несколько лет был помолвлен с нею. Их познакомили родители Колчака. В 1904 г. ему – 29 лет, ей – 27. По настоянию отца Колчака Софья отправляется в Иркутск, к своему жениху. Пройдет век, и на мысе София установят крест в честь памяти Колчака.

5 марта 1904 г. Александр Колчак и Софья Оморова обвенчались в Градо-Иркутской Михайло-Архангельской церкви. А через 3 дня Колчак оставил супругу и уехал оборонять Порт-Артур. Началась первая в жизни Колчака война. 18 марта лейтенант Колчак прибыл в Порт-Артур. В боевой работе зарекомендовал себя отличным офицером, был удостоен ордена Св. Анны 4-й степени. Служил на минном заградителе «Амур», затем, по собственной просьбе, переведен на сухопутный фронт. В одном из боев был пленен. После падения Порт-Артура, будучи болен суставным ревматизмом, он лежал в госпитале; это продолжалось до апреля 1905 г., затем в середине апреля воспользовался предоставленным Японией правом отправиться на Родину и поехал в Петроград, куда и прибыл в конце мая 1905 г.; там, по освидетельствованию, получил 4-месячный отпуск на водах, а затем был причислен к Академии наук [5].

Колчак много размышлял о будущем русского флота, а в 1906 г. при его участии образовалась группа морских офицеров, целью которой было возрождение морского могущества России. С образованием морского Генштаба Колчак становится начальником его статистического отделения. Затем возглавляет подразделение по разработке оперативно-стратегических планов в случае войны на Балтике. Разрабатывает Большую и Малую судостроительные программы воссоздания ВМФ после русско-японской войны, лично курирует постройку 4 броненосцев. В 1906 г. за исследования русского Севера Колчак был награжден орденом Св. Владимира и Большой Константиновской медалью и стал действительным членом Императорского Географического общества.

Весной 1913 г. Колчак был приглашен Эссенем на должность флаг-капитана по оперативной части в штабе главкома Балтийского флота [6]. В 1914 г. при личном участии Колчака была разработана операция по минной блокаде немецких

военно-морских баз. В 1914 – 1915 гг. эсминцы и крейсера, в т.ч. и под командованием Колчака, выставили мины у Килия, Данцига, Пиллау, Виндавы и острова Борнхольм. С сентября 1915 г. Колчак командовал минной дивизией, затем морскими силами в Рижском заливе. 9 октября того же года Колчак был награжден орденом Св. Георгия 4 степени. 10 апреля 1916 г. Колчаку присваивается чин контр-адмирала. Вскоре после этого его минная дивизия разгромила караван германских рудозовов. За этот успех царь произвел Колчака в вице-адмиралы. Колчак стал самым молодым адмиралом и флотоводцем России. Сам Колчак так объяснял причину своего перевода с Балтийского на Черное море: «Назначение меня в Черное море обуславливалось тем, что весной 1917 г. предполагалось выполнить т.н. Босфорскую операцию. На вопрос, почему именно меня вызвали, когда я работал в Балтийском флоте... – генерал Алексеев сказал, что общее мнение в ставке было таково, что я лично, по своим свойствам, могу выполнить эту операцию успешнее» [7]. Сподвижник и близкий друг Колчака М. Смирнов писал: «Не случись революции, Колчак водрузил бы русский флаг на Босфоре» [8]. А впереди были революция и Гражданская война, поднявшие его до Верховного правителя России, а затем низвергнувшие.

В феврале 1917 г. Колчак считал, что армия должна быть вне политики. Поэтому с начала революции он взял под контроль обстановку, информировал команды о событиях в столице. Из телеграммы генерала Алексеева главнокомандующим фронтами 2 марта 1917 г.: «Его величество находится в Пскове, где изъявил согласие объявить манифест идти навстречу народному желанию, учредить ответственное перед палатами министерство, поручив председателю Госдумы образовать кабинет... Династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу его величеству» [9].

Колчак не принял участия в телеграфном совещании. Командующий флотом отнюдь не спешил присоединяться к революционному течению и заканчивал свой опубликованный 3 марта 1917 г. приказ вполне монархическим призывом: «Приказываю всем чинам Черноморского флота и вверенных мне сухопутных войск продолжать твердо и непоколебимо выполнять свой долг перед Государем Императором и Родиной» [10].

Монархия пала. Власть перешла в руки Временного правительства. Приказом № 1 от 1 марта 1917 г. Петроградский совет удостоил солдат правом митингов и демонстраций. Флот покатился в пропасть. Колчак обратился к правительству с просьбой о санкции на принятие решительных мер в данной ситуации, но получил отказ. 6 июля делегатское собрание матросов, рабочих и солдат потребовало обезоружить офицеров, отстранить от должности командующего.

Колчак покинул флот. В те дни он писал: «Я хотел вести свой флот по пути чести и славы, я хотел дать Родине вооруженную силу, как я ее понимаю. Но бессмысленное и глупое правительство и обезумевший, дикий, неспособный выйти из психологии рабов народ этого не захотели». Выехав из Петрограда, принял предложение о командировке в США для проведения курса обучения минной войне с американскими моряками. А по возвращении получил известие об Октябрьском перевороте и перемирии с Германией. Верный муж своей страны, Колчак воспринял это как измену! Он подал прошение в английское посольство о зачислении его на британскую службу для продолжения войны с Германией. И его направили на Месопотамский фронт. Но по дороге туда, в Сингапуре, он получил телеграмму Н.А. Кудашева, приглашавшего Колчака в Маньчжурию для формирования русских воинских частей. Колчак отправляется в Пекин и приступает к организации русских отрядов для защиты КВЖД. Но из-за разногласий с атаманом Г.М. Семёновым и управляющим КВЖД генералом Д.Л. Хорватом Колчак выезжает на Юг России с намерением вступить в Добровольческую армию.

Но в момент своего пребывания в Омске, 4 ноября 1918 г., Колчака пригласили на должность военного и морского министра Временного Всероссийского правительства. А в ночь на 18 ноября в Омске казачьи офицеры арестовали лидеров Директории Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова, А.А. Аргунова и Е.Ф. Роговского. Все арестованные были эсерами. Собранный на экстренное заседание Совет министров признал Директорию несуществующей и объявил о принятии всей полноты верховной власти. Было решено передать временно осуществление верховной власти одному лицу, опирающемуся на содействие Совета Министров, присвоив таковому лицу наименование Верховного правителя, после чего было принято «Положение о временном устройстве государственной власти в России», устанавливавшее порядок взаимоотношений Верховного правителя и Совета Министров [11].

На пост Верховного правителя рассматривались три кандидатуры: главнокомандующий войсками Директории генерал В. Г. Болдырев, управляющий КВЖД генерал Д.Л. Хорват и военный и морской министр, вице-адмирал А.В. Колчак. Колчака поддержало большинство. Вице-адмирал Колчак одновременно был повышен в звании до полного адмирала. Он заявил о своём согласии на избрание и первым же своим приказом по армии объявил о принятии на себя звания Верховного главнокомандующего. Было образовано новое правительство, вошедшее в историю как «Омское». Просуществовало оно до 4 января 1920 г. Обращаясь к населению, Колчак заявил: «Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного расстройств государственной жизни, объявляю, что не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности». Первой задачей Верховный правитель провозгласил укрепление и повышение боеспособности армии. Второй – победу над большевизмом. И, наконец, третьей – возрождение и воскресение погибающего государства. Вся деятельность новой власти была нацелена на то, чтобы

временная верховная власть могла бы передать судьбу государства в руки народа, предоставив ему устроить государственное управление по своей воле [12].

Возглавив в ноябре 1918 г. правительство и получив диктаторские полномочия, Колчак развернул успешное наступление, закончившееся разгромом 3-й Красной Армии и вхождением в Пермь. После крупного успеха белых под Пермью и неудач под Уфой и Оренбургом положение на фронте стабилизировалось. Но в течение лета-осени 1919 г. белые армии потерпели поражение. Это было началом катастрофы всего белого дела адмирала Колчака. 14 ноября 1919 г. Красная Армия вошла в Омск. Среди антибольшевистских сил была утрачена вера в победу. В этот момент обострились и отношения с союзниками, сыгравшими роковую роль в судьбе Колчака. Когда поезда Верховного правителя дошли до Новониколаевска, они уперлись в эшелоны чехов, и Колчак потребовал пропустить его вперед, но получил отказ. И ничего не смог сделать, ибо уже не имел под рукой вооруженной силы. За Красноярском поезда Верховного правителя на 2 недели были задержаны чехами. 3 января 1920 г. Совет Министров посылал Колчаку телеграмму с требованием об отречении от власти, передачи ее А.И. Деникину. Колчак, будучи в безысходном положении, это требование выполнил. 4 января 1920 г. он издал свой последний указ – предоставил всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной окраины атаману Семенову. Александру Васильевичу было заявлено, что он взят под международную охрану. Но вскоре Колчака и Пепеляева арестовал Иркутский Политцентр. Их препроводили в губернскую тюрьму. После 6 дней допросов по решению Иркутского ревкома Колчак был расстрелян.

Уже после распада СССР была извлечена телеграмма В.И. Ленина председателю Реввоенсовета 5-й армии, председателю Сибревкома И.Н. Смирнову. «Шифром. Склянскому: Пошлите Смирнову (РВС 5) шифровку: Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступали так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архи-надежно?». Январь 1920 г. Верно». Так 7 февраля 1920 г. оборвалась жизнь легендарного вождя белого движения.

А.И. Куприн в статье «Кровавые лавры», опубликованной почти сразу после расстрела Колчака, оставил слова: «Лучший сын России погиб страшной, насильственной смертью. Великая душа, твердая, чистая и любящая испытала, прежде чем расстаться с телом, те крестные муки, о которых даже догадываться не смеет человек, не отмеченный Богом для высшего самоотречения. Будет ли для нас священно место, где навсегда смежились эти суровые и страдальческие глаза, с их взглядом смертельно раненного орла? Или притерпевшиеся к запаху крови, все равно, будь это даже кровь великомученика, равнодушные ко всему на свете, кроме собственного сна и пищеварения, трусливые, растерянные и неблагодарные – мы совсем утратили способность благоговеть перед подвигом и расчетливо преклоняемся только перед успехом, сулящим нам еду и покой?»

Может быть, мы перестаём смотреть на Гражданскую войну как на героическую страницу нашей истории. Пересматриваем и своё отношение к белому движению, понимая, что среди людей, воевавших с большевизмом, многие сражались, прежде всего, за Россию. «Сей Крест установлен в память Александра Васильевича Колчака и Виктора Николаевича Пепеляева, упокоенных здесь в водах Ангары 7 февраля 1920 года. Вечная память павшим за Россию» – гласит надпись на памятном кресте на берегу Ангары.

1. Статут военного ордена Святого Георгия 1769 года.
2. Толкование на Святое Евангелие блаженного Феофиликта Болгарского. Т. 1. М., 2009. С. 246.
3. Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела А.В. Колчака. М., 2003. С. 20.
4. Протокол № 1 от 20 января 1920 г. // Протоколы допросов адмирала А.В. Колчака, М., 2003. С. 20.
5. Там же. С. 21.
6. Там же. С. 23.
7. Кручинин А. С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010. С. 222.
8. Смирнов М. И. Александр Васильевич Колчак. Париж, 1930. С. 60.
9. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев: Документы. М., 1990. С. 237.
10. Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010. С. 538.
11. Положение о временном устройстве государственной власти в России, утвержденное Советом министров 18 ноября 1918 г. // Русская Армия (Омск). 1918. 20 нояб.
12. Смирнов М. И. Александр Васильевич Колчак. Париж, 1930. С. 60.

Е.Г. МОРОЗОВА

г. Омск, Главное управление Центробанка России по Омской области

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛЕНИЯ ГОСБАНКА В ОМСКЕ В УСЛОВИЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРЕЛОМА (1918 – 1919 гг.)

7 июня 1918 г. Омск и его окрестности части Красной Армии оставили. Тогда же в Омске было образовано Временное Сибирское правительство. Неслучайно один из номеров газеты «Сибирская жизнь» за 4 июля 1918 г. призывал читателей ориентироваться на Омск: «Омск стал теперь центром внимания всей Сибири. Здесь формируется наша власть, куется наше будущее, сосредотачивается организация военной силы. . .». В ноябре 1918 г. при содействии военных кругов Англии и Франции адмирал А.В.Колчак был назначен военно-морским министром Директории. Через 13 дней он произвел переворот и стал Верховным правителем и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами России. Возглавляемое им новое правительство стало называться Российским правительством. В город прибыли эшелоны с золотым запасом России, вывезенным из Поволжья.

Одним из первых мероприятий белых властей в Омске стало постановление «Об учреждении Центрального Управления Государственного Банка Сибири» от 14 сентября 1918 г. [1]. В нем говорилось: «Впредь до возобновления деятельности Российского Центрального Управления Государственного Банка образовать при Министерстве финансов Центральное управление Государственного Банка Сибири с отделениями в других городах».

Ввиду того, что Омск более года, с июня 1918 г. по ноябрь 1919 г., был не только административным центром области, но и столицей белой России, здесь функционировали Центральное управление Государственного банка и Омское отделение этого банка. В Центральное управление Государственного банка, в Омск, шли отчеты из его отделений – Барнаула, Екатеринбурга, Иркутска, Владивостока, Читы, Благовещенска, Челябинска и др.

Деятельность Государственного банка Сибири сводилась к нескольким основным составляющим: снабжение подконтрольной ему территории в достаточной мере денежными знаками; восстановление частных кредитных учреждений (открывались широкие кредиты призванным вновь к деятельности коммерческим банкам, финансировались земства города и отдельные частные торгово-промышленные предприятия); открытие расчетных отделов при отделениях Государственного банка Сибири [2].

Финансовое положение омского правительства было чрезвычайно сложным. Полное расстройство денежного обращения обуславливалось, с одной стороны, недостатком денежных средств, а с другой – их немислимым разнообразием. На территории, занятой армиями Колчака, ходило огромное количество денежных знаков, выпущенных различными правительствами, каждое из которых проводило свою независимую финансово-экономическую политику. Поэтому Министерством финансов омского правительства был разработан ряд мер для урегулирования денежного обращения Сибири.

В период правления Колчака в денежный оборот были введены: казначейские знаки; краткосрочные обязательства Государственного казначейства; денежные знаки – 50 коп.; облигации и купоны внутреннего займа 1917 г. Центрами производства денег были Екатеринбург, Омск и Иркутск. Последние два вида денег были отпечатаны в Америке, они значительно отличались технически совершенным качеством полиграфии и изготовлены были ещё по заказу Временного правительства А.Ф. Керенского, подтвержденному правительством Колчака. В Омске для печатания денег явно не хватало имевшихся технологических ресурсов.

Для производства денег на подконтрольных омскому правительству территориях стали переоборудоваться городские типографии. Отсутствие должных технологических условий привело к низкому качеству производимых правительством Колчака денежных знаков. Это стало одной из причин появления большого количества подделок. Екатеринбургским уголовным розыском была раскрыта хорошо оборудованная «фабрика» для печатания фальшивых денежных знаков (краткосрочных казначейских знаков номиналом 25, 50, 100, 250 и 1000 руб.) [3]. Из обзора печати для Министерства финансов от 09 июля 1919 г. мы видим, что в Хабаровске, Кургане, Владивостоке, Уфе и Харбине проводились задержания лиц, обвиняемых в сбыте фальшивых сибирских обязательств [4]. Подделкой омских краткосрочных обязательств Государственного казначейства для снабжения сибирской большевистской агентуры занималась и советская Россия. Из-за отсутствия данных, по которым возможно было бы отличить фальшивые денежные знаки от настоящих, региональные отделения Государственного банка Сибири (подконтрольных территориях правительству Колчака) вынуждены были присылать сомнительные денежные знаки на экспертизу в Омск [5].

Привезенный в Омск золотой запас Российской империи и реликвии царской семьи хранились в денежной кладовой здания Омского отделения Государственного банка и в каменных кладовых, находящихся во дворе дома купца Волкова [6]. Архивные документы засвидетельствовали подготовительные мероприятия по обеспечению сохранности ценностей, в них отмечено: «Управляющий Государственным банком определил для правильной охраны ценностей крайнюю необходимость устройства электрической сигнализации в кладовых, караульных и во всех помещениях, где находятся часовые, и обратился с просьбой к министру финансов ассигновать по смете Омского отделения Государственного Банка сумму 190 143 руб. на устройство и оборудование собственной электрической станции и на расходы по её эксплуатации...» [7].

Из объяснительной записки Управляющего Государственным банком С.И. Рошковского к проекту закона о зачислении на баланс Государственного банка золота, эвакуированного из Самары в Омск, известно его наличие:

- а) российской золотой монетой на 523 458 484 руб.42 коп.
- б) иностранной золотой монетой на 37 015 322 руб. 57 коп.
- в) русскими слитками Монетного двора на 64 906 770 руб. 67 коп.
- г) золотыми полосами на 529 594 руб. 24 коп.
- д) золотыми кружками на 525 447 руб. 23 коп.

е) русскими слитками частных аффинеров на 5 193 069 руб. 76 коп.

ж) слитками частных банков на 18 370 033 руб. 75 коп.

з) французскими франками на 1 050 000 руб.

и) 514 ящиков с ценностями (главным образом с золотистыми и серебристыми слитками), временно оцененными по 1 руб.) на 514 руб.

к) 17 почтовых посылок с такими же ценностями на имя Монетного двора на 486 598 руб. Всего: 651 535 834 руб. 64 коп. Весь этот золотой запас, за исключением 100 ящиков, увезенных большевиками за день до свержения в Казани большевистской власти, был из Самары эвакуирован в Омск в сентябре-октябре [8].

Приказом Верховного правителя 19 декабря 1918 г. начальником особого отряда охраны золотого запаса Государственного банка был назначен полковник А.Я. Сургутанов [9]. Солдаты Отряда охраны ценностей квартировались в здании Судебных установлений, там же размещалось Министерство юстиции (ныне ул. Красный путь, 1) [10].

Для привлечения иностранных инвесторов правительство Колчака устраивало выставки золотого запаса. Пресса тех дней писала: «Высокие представители дружественных и союзных держав посетили помещения и кладовые Государственного банка...» [11]. Удивляли крайне редкие экземпляры самородков золота и платины, а также золотой шар весом более двух пудов. Профессор Н. Устрялов, имевший несколько бесед с Колчаком, вспоминал его слова: «Если наше золото будут требовать союзники, им я его не отдам... Пусть лучше останется большевикам... благо государства – высший закон».

Когда в ноябре 1919 г. 5-я Красная Армия заняла Омск, в хранилищах банка осталось только немного ценностей в виде серебра и меди. Исчезновение золотого запаса до настоящего времени остается тайной, волнующей умы многих исследователей.

1. Морозова Е.Г. Познавая историю банковского дел // Материалы научно-практической конференции 2005. Омск. С. 266 – 269.
2. Государственный архив российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-143. Оп. 6. Д. 10. Л. 72, 235, 236.
3. ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 164. Л. 2, 10.
4. Там же. Л. 58, 63, 80.
5. Исторический архив Омской области. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.
6. ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 2. Д. 18. Л. 13, 23.
7. Там же. Л. 23, 40, 40об.
8. Там же. Оп. 7. Д. 146. Л. 111, 111об.
9. Там же. Оп. 2. Д. 18. Л. 46.
10. Там же. Л. 66.
11. Банк России: история создания и развития в Омской области (1895 – 2010 гг.). М., 2010. С. 71 – 73.

А.С. МУСАГАЛИЕВА

г. Астана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

ДОКУМЕНТЫ КРАСНОГО ТЕРРОРА О КАЗАХСТАНЕ

Большевики сразу поставили на повестку дня вопрос применения красного террора. Главной причиной этого было достижение пришедшими к власти своих целей. Захватив власть с помощью оружия, они насильственным путем начали наводить порядок. В это время большевистское руководство, особенно В.И. Ленин, защищало охватывающий все население и нарастающий с каждым днем «народный террор». 26 июня 1918 г. Ленин писал: «Необходимо поддерживать всеобщность и силу террора». Наказание получило всеобщий характер после покушений на Ленина и Урицкого в 1918 г. [1]. 5 сентября 1918 г. в качестве ответа на вышеуказанное покушение официально было опубликовано постановление СНК РСФСР «О красном терроре». А высшая мера наказания – принятие решения о смертной казни – уточнило их основную цель, опубликование имен расстрелянных было способом превращения его в народное мероприятие и открытого применения. Ясно, что от позиции «белогвардейским организациям расстреливать всех причастных к мятежам» народу трудно спастись, потому что во многих регионах Казахстана толпами ходили белогвардейцы. Для беглых белогвардейцев из Центральной России наша страна была транзитным путем. Одни рассматривали казахскую землю в качестве выхода в Китай, другие старались выйти в Центральную Азию. Большевики наказывали за это народ. К примеру, 29 июня 1918 г. в телеграмме из Степного корпуса Военному атаману просили помощи для борьбы с большевиками. Там говорилось о том, что в уезде Верный разграблены такие казахские аулы, как станция Мамай, Большой Каскелен, Тастак. А 19 июля в телеграмме начальника Жетысуйского отдела Алашорды И. Жайнакова А. Букейханову было сказано: «По Китаю в Шауешек прибыли все члены Алашорды. Положение здесь казахов и казаков-русских очень жалкое. Не избавились они до сих пор от грабежа, виселицы и расстрела. И город Уржар подвергся нападению, убито около 1 000 казахов» [2].

Начальное применение красного террора в республике отчетливо видно из докладной записки М. Тынышбаева от 1919 г. Верховному правителю Колчаку «О бедствующем положении киргизов Жетысуйской области». Там широко раскрыто террористическое движение большевиков. Принимая во внимание тот факт, что жетысуйские большевики состоят из переселенцев, М. Тынышбаев говорит о грабежах и убийствах известной карательной экспедиции под предводительством Мамонтова казахов Верного, Капальского, Жаркентского и Лепсинского уездов. После того, как казахи Лепсинского и Капальского уездов услышали о сибирской контрреволюции, они присоединились к отрядам из Семипалатинска. Разгневанные этим большевики начали громить хозяйство и уничтожать местное население. В результате этого бесчинства погибло более 5 000 чел. Садырской волости Лепсинского уезда,

всего во всех уездах убито около 8 000 казахов [3]. Летом террор на казахской земле начал усиливаться. По сведениям М. Тынышбаева, летом этого года только в Лепсинском уезде большевики угнали 10 000 лучших лошадей и отобрали у народа необходимые в быту юрты, сено, скот.

Можно утверждать, что постановление «О красном терроре», действительно, стало законным началом политических репрессий. Это узаконение привело к применявшимся к политическим врагам насилию и смерти. Но эти меры были направлены не только на врагов, но и на мирное население. Сведения о расстрелянных и повешенных во время Гражданской войны и красного террора не заносились на бумагу. До сих пор не удается определить общее количество жертв того времени ни в Казахстане, ни в других прежних советских государствах. Причиной этому было отсутствие документов и оформления. При строительстве советского государства было пролито немало крови политических противников, интеллигенции и простого народа.

Красный террор большевиков в казахстанской историографии не был исследован. Определим основные причины проблемы. Начало этого заключается в источниковом потенциале темы. Документы первых лет советской власти разделены в фондах архивов России и Казахстана. В 1920 г. в Москве образован архив Октябрьской революции. В архив были сданы важные документы по исследованию революции и Гражданской войны, в частности, привезенные из Сибири в ВЧК по приказу Ф.Э. Дзержинского документы Колчака и его правительства [4]. Документы этих фондов составляют основной источник сведений о красном терроре [5], потому что колчаковская государственность создавала учреждения по расследованию террористической деятельности большевиков.

Значительная часть основных источников по данному периоду находится в таких архивах соседнего государства, как Российский государственный военный архив (далее – РГВА) и Центральный архив Федеральной службы безопасности России (далее – ЦА ФСБ). В фондах РГВА находятся такие касающиеся политических репрессий достоверные сведения, как меры наказаний, применяемые советской властью, списки расстрелянных. А документы ВЧК и ОГПУ под грифом «совершенно секретно» отложились в ЦА ФСБ. В этих документах содержатся сведения о работе карательных органов, подготовке и проведении репрессий.

Местные исполнительные органы каждой из советских республик каждый месяц направляли в центр материалы по террору. В документах уполномоченных органов в Москве, наряду с другими, есть сведения обо всех областях республики. Из этого можно заметить, что раскрытие вопроса репрессивных мер возможно через использование источников российских архивов. А в наших местных и центральных архивах хранятся документы о деятельности, проведенных мероприятиях учреждений республиканского значения. Например, в ноябре 1920 г. в докладе представителя Всесоюзного чрезвычайного комитета КазССР Лебедева «О политическом, экономическом и хозяйственном

положении Казахской ССР» определяется государственная деятельность не состоящих в членах партии работников [6]. В первые же годы советской власти для государственного и партийного руководства собирались сведения о положении и настроении местного населения. Эти документы выполняли функции ежедневной регистрации политических, социально-экономических обстоятельств в процессе проведения политического контроля учреждений во всех уголках государства. Как сказано выше, было недостаточно комплексных архивных документов по проведению и жертвам красного террора. А названные документы играют особую роль в решении данного вопроса. С созданием ОГПУ база документов усовершенствовалась. Собирались не только сведения, такие, как раньше, но из разного рода других источников. Среди них можно назвать ежемесячный «Обзор политического и экономического положения республики» и специальные политические сведения, доклады и докладные записки. Документы, направленные в Центр со всех уголков страны, встречаются урывками только в местных казахстанских архивах. Подготовленные ОГПУ некоторые доклады и сведения можно найти в Архиве Президента Республики Казахстан.

Материалы центральных уполномоченных органов можно увидеть в изданном в Москве пятитомнике «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939» и книге С. Балмасова «Красный террор на востоке России в 1918 – 1922 гг.». В сборнике среди документов российских архивных фондов есть и документы казахстанских учреждений, поэтому эти документы должны рассматриваться в сравнении с архивными материалами республики. Исходя из этого, можно судить о ценности названных сборников документов. Но в книге не дан полный пласт сведений о нашей стране. Конечно, это и понятно. Невозможно в четырех-пяти томах опубликовать ежедневные сведения всех союзных республик. Тем не менее, не можем не признать их роли в раскрытии особенностей главного вопроса. В книге С. Балмасова приведены некоторые источники по данной теме, касающиеся следственного аппарата и советских карательных органов в фондах следственных органов правительства Колчака в Государственном архиве РФ и РГВА. При раскрытии красного террора в Сибири автор охватывает и документы по северо-востоку Казахстана.

Из казахстанских учреждений в Архиве Президента РК, Центральном государственном архиве и областных архивах есть много документов, раскрывающих некоторые аспекты красного террора. А Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области является основным источником по изучению истории движения Алаш. Наряду с этим, про некоторые грани вопроса мы можем узнать с помощью изучения фондов областных архивов. Проведем анализ документов учреждений Акмолинской, Актюбинской и Алматинской областей. При помощи запугивания местного населения красным террором и военным трибуналом коммунисты в областях для установления своей власти старались подчинить местный народ силой. Среди

множества других мы находим документы и об образовании и деятельности советских государственных учреждений. В названных учреждениях сохранилась большая часть делопроизводства. Там мы увидели данные о карательных мерах советской власти в период красного террора, мерах ВЧК в северных регионах в первые годы образования государства и советской политике преследований.

Все это порождает необходимость исследования террористических действий красных на территории Казахстана. В эти годы Верховному правителю Колчаку поступали записки и письма о большевистском терроре в Казахстане во время Гражданской войны. Например, докладная записка М. Тынышбаева «О бедственном положении киргизов Жетысу», сведения о руководящей деятельности Оилской волости, о борьбе Торгайского областного отделения Алаш-Орды против большевиков. Выше мы говорили о некоторых сведениях о влиянии красного террора в докладной записке М. Тынышбаева от 16 апреля 1919 г. Он докладывал о грабеже красногвардейцами простого народа. Большевики забирали у народа все, что можно было забрать, поэтому казахи начали создавать вооруженные отряды. М. Тынышбаев показывает, что во время стычки с большевиками создатели вооруженных отрядов были задержаны, после чего был убит член Алаш-Орды Отыншы Альжанов, ранены член Алаш-Орды Жетысу Т. Дуйсебаев, член Алаш-Орды из Лепсинского уезда Н. Ниязов, гимназисты Сырттанов, Омаров, Умбетбаевы [7]. В Государственном архиве г. Алматы есть документы о том, что такие случаи имели место и в Жетысу. Местная чрезвычайная комиссия обвинила народ в том, что он обеспечивает белогвардейцев одеждой и лошадьми. Есть информация о расстреле многих подозреваемых в помощи белогвардейцам [8].

Документы о восстаниях тех лет есть в центральных и областных архивах Казахстана. Среди источников, введенных в научный оборот, есть документы Архива Президента РК, областных архивов Петропавловской, Костанайской и Западно-Казахстанской областей. На казахской земле во время Гражданской войны и в период установления советской власти особо отмечались столкновения на территории Центрального, Западного, Северного и Восточного Казахстана. Столкновения в Казахстане можно назвать отражением крестьянских восстаний на других территориях. Главной причиной восстаний в Казахстане, как и в Центре, были продовольственная халатность и сопротивление против массовой мобилизации в Красную Армию. В них участвовали не только русские, но и пострадавшие от грабежей казахи. Против восставших советская власть применяла красный террор.

Точные данные по массовым репрессиям в период красного террора можно увидеть в документах РГВА и ЦА ФСБ. Эти материалы дают возможность полного анализа подавления восстаний большевиками на территории Казахстана. В РГВА есть доклады, протоколы, заключения по обвинению и производству расстрела, в ЦА ФСБ хранятся информационные обзоры секретного отдела ВЧК, выступления, краткие сведения о положении в Казахстане, наравне с другими республиками, которые давались 2-3 раза в месяц.

Историки вынуждены использовать в качестве основных источников истории борьбы против советского правительства сохраненные в архивах воспоминания и материалы, собранные среди народа. Это и закономерно. По изысканиям И. Козыбаева, архивные материалы во время революции и Гражданской войны были уничтожены, разграблены противниками, даже проданы с аукциона [9].

Красный террор в Казахстане имел широкий размах. Это была первая волна политических репрессий коммунистического террора. Этот факт полностью доказывают документы архивов. К сожалению, из архивных источников не удалось до конца выяснить точные статистические данные и информацию о количестве погибших.

1. Верт Н. История советского государства. М., 2006. С. 153.
2. Движение Алаш. Сборник документов и материалов. Алматы, 2005. Т. 2. С. 178 – 179.
3. Движение Алаш. Сборник документов и материалов. Алматы, 2005. Т. 2. С. 315 – 323.
4. Крайская З.В., Челлини Э.В. Архивоведение. М., 1996. С. 15.
5. Балмасов С.С. Красный террор на востоке России в 1918 – 1922 гг. М., 2006. С. 16-17.
6. Движение Алаш. Сборник документов и материалов. Алматы, 2007. Т. 3. К. 1., С. 84.
7. Движение Алаш. Сборник документов и материалов. Алматы, 2005. Т. 2. С. 315 – 324.
8. Алматинский областной государственный архив. Ф. 350. Оп. 3. Д. 3. Л. 21.
9. Козыбаев И.М. Историография Казахстана: уроки истории. Алма-Ата, 1990. С. 18.

В.П. НАУМОВ

Москва, Государственный архив Российской Федерации

ПЕРЕПИСКА А.В. КОЛЧАКА С К.Г. МАННЕРГЕЙМОМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ДЕЯТЕЛЯМИ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ ПО ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ФИНСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ НА ПЕТРОГРАД (МАЙ – СЕНТЯБРЬ 1919 г.)

С весны до осени 1919 г. советская Россия изнемогала в кольце фронтов. Решающим фактором в победе над большевизмом могло оказаться наступление сильной и хорошо подготовленной финской армии на Петроград. Несомненно, защитники «Колыбели революции», на которую тогда уже двинулись войска генерала Н.Н. Юденича, не выдержали бы двойного натиска. Может быть, это не определило бы исход Гражданской войны, но, во всяком случае, победа белых стала бы значительно более вероятной.

В январе – мае 1918 г. Финляндия пережила свою пролетарскую революцию и короткую гражданскую войну. Огромную роль в разгроме красных финских отрядов и поддерживавших их вооруженных групп русских большевиков сыграл Главнокомандующий по восстановлению порядка в северной Финляндии генерал-лейтенант русской армии Карл Густав Маннергейм, увлеченный идеей крестового похода против большевизма. 12 декабря 1918 г. финляндский парламент избрал этого талантливого полководца и государственного деятеля регентом Финляндии. Маннергейм, убежденный сторонник активных военных операций против большевистского Петрограда, вел длительные переговоры по этому поводу с находившимся тогда в Хельсинки генералом Юденичем. Глава Финляндской республики выдвигал два требования: признание Верховным правителем А.В. Колчаком независимости Финляндии и передачу ей территории восточной Карелии с преобладавшим там лютеранским населением. Без согласия белогвардейского Российского правительства на эти условия Маннергейму было бы трудно преодолеть сопротивление большинства Финляндского правительства, считавшего выступление против советской России не только не целесообразной акцией, но даже весьма опасной авантюрой.

Следует отметить, что первое требование Маннергейма являлось вполне естественным. Независимость Финляндии была провозглашена Сеймом 6 декабря 1917 г. и признана советской Россией 31 декабря 1917 г. Так стоило ли финнам оказывать военную помощь белогвардейцам, не желавшим эту независимость признавать? Однако Колчак проявил в данном случае крайнюю щепетильность и принципиальность. Одни историки могут назвать это политической близорукостью и гибельным упрямством, другие – честностью и самоотверженным патриотизмом. Для лучшего понимания вопроса обратимся к документам. В распоряжении исследователей имеется телеграфная переписка Верховного правителя А.В. Колчака, министра иностранных дел Российского правительства С.Д. Сазонова (находившегося тогда в Париже), временно

управляющего Министерством иностранных дел Российского правительства И.И. Сукина, генералов Н.Н. Юденича и Е.К. Миллера, российского посланника в Стокгольме К.Н. Гулькевича, российского посланника в Лондоне К.Д. Набокова и российского поверенного в делах в Лондоне Е.В. Саблина. К переписке приложены проекты соглашения Маннергейма и Юденича об условиях участия финских войск в наступлении на Петроград и записка генерала Б.К. Арсеньева о двух его встречах и беседах с Маннергеймом.

Вопрос о возможности участия финских войск под командованием Маннергейма в походе армии Юденича на Петроград впервые затрагивается 24 мая 1919 г., когда Юденичу было передано следующее указание Колчака: «Вполне одобряя Ваши старания создать русскую администрацию в освобожденных областях Карелии, считаем, что надо избегать трений с Маннергеймом, поскольку остается надежда на его движение против Петрограда» [1].

Мнение самого Маннергейма по данному вопросу нашло подробное отражение в беседах с Арсеньевым, состоявшихся в том же месяце. Регент заявил, что совместное русско-финское наступление на Петроград вполне возможно, но для этого «необходимо, чтобы какая-нибудь авторитетная русская власть признала независимость Финляндии, а также, чтобы финскому народу было обещано нечто такое, что могло бы дать ему необходимое воинственное одушевление, необходимый патриотический порыв...». Из этих бесед Арсеньев понял, что в качестве компенсации за военную помощь «Финляндия хотела бы приобрести или порт в Ледовитом океане, вероятно, Печенгу, или лютеранские приходы нашей Карелии, или то и другое вместе». Сообщая Колчаку о встречах с Маннергеймом, Арсеньев сделал следующий вывод: «Бар. Маннергейм хочет, чтобы совместное русско-финское наступление на Петроград состоялось. Он теперь уже финляндский национальный герой. Но это его не удовлетворяет. Он хотел бы сыграть большую историческую роль и в России, в которой он прослужил 30 лет и с которой его связывает тысяча нитей. Финляндское правительство в целом к выступлению не стремится, но в конечном итоге решающий голос принадлежит не ему, а Маннергейму, за которым стоит Белая гвардия, собравшая в своих рядах все, что есть в Финляндии крепкого и патриотически настроенного. С ней, с ее желаниями, с ее настроениями Маннергейму приходится считаться в первую очередь. Условия, которые он ставит – это ее условия» [2].

26 мая 1919 г. Юденичу была передана телеграмма Колчака: «...Поход Маннергейма на Петроград чрезвычайно желателен, но при непременно условии и участия в нем русского отряда под Вашим командованием. Так как на финляндцев ляжет главная тяжесть борьбы, то мы считаем возможным согласиться, чтобы общее руководство военными действиями принадлежало Маннергейму». Далее Верховный правитель со всей определенностью высказал свою позицию по поводу требований финской стороны: «По вопросу о наших политических отношениях с Финляндией считаем, что признание государственной независимости Финляндии может исходить только

от Учредительного Собрания. В настоящее время никто не правомочен вступать в формальные соглашения по этому вопросу от имени России. Однако Российское правительство готово теперь же признать в качестве фактического нынешнее Финляндское Правительство и установить с ним дружественные отношения, предоставляя ему полную независимость во внутреннем устройстве и управлении Финляндией» [3]. Аналогичных взглядов придерживался Сазонов, который, тем не менее, полагал, что в вопросе о финляндском суверенитете следует «считаться с создавшимся положением, противодействовать которому мы бессильны» [4].

Примечательно, что Юденич в своих переговорах с Маннергеймом занимал более гибкую позицию, допуская не только признание независимости Финляндии, но и ряд уступок ей со стороны России. 18 июня 1919 г. Гулькевич сообщил Сазонову условия предварительного соглашения между русским генералом и регентом Финляндии: территориальные уступки в Карелии, передача Печенги, нейтрализация Балтийского моря, культурная автономия финского населения Ингерманландии [5].

23 июня 1919 г. Колчак послал Маннергейму телеграмму с призывом начать активные военные операции в направлении Петрограда. «Я исхожу из убеждения, что должно быть сделано все возможное для достижения наиболее скорого сокрушения большевизма, – писал Верховный правитель. – От имени Русского Правительства я хочу Вам заявить, что сейчас не время сомнениям или колебаниям, связанным с какими-либо политическими вопросами. Не допуская мысли о возможности в будущем каких-либо неразрешимых недоразумений между освобожденной Россией и Финляндской нацией, я прошу Вас, Генерал, принять это мое обращение как знак неизменной памяти Русской Армии о Вашем славном прошлом в ее рядах и искреннего уважения России к национальной свободе финляндского народа» [6].

Регент Финляндии ответил на телеграмму Верховного правителя 10 июля. Выразив сочувствие и солидарность в деле борьбы с большевизмом и отметив важное значение взятия Петрограда «как опорного пункта военных действий Советской власти в Северной России», Маннергейм, тем не менее, подчеркнул: «Не стану от Вас скрывать, господин адмирал, что, по мнению моего правительства, Финляндский сейм не одобрит предприятия, приносящего нам хотя и пользу, но требующего тяжелых жертв, если не получим гарантий, что новая Россия, в пользу которой мы стали бы действовать, согласилась на некоторые условия, исполнение которых мы не только считаем необходимым для нашего участия, но также необходимой гарантией для нашего национального и государственного бытия» [7].

Между тем продолжало разрабатываться соглашение Маннергейма и Юденича о совместных военных действиях. 5 июля 1919 г. английский комиссар в Омске передал Министерству иностранных дел Российского правительства полученные им по телеграфу тексты соглашения на английском языке, видимо, поступившие от финской стороны. Англичан

интересовало, подтвердит ли Верховный правитель условия договора. В канцелярии Министерства эти тексты, неполные и неточные вследствие ошибок шифра, были переведены на русский язык [8]. Сообщая полученные сведения Сазонову, Сукин отметил, что «документ представляется малопримлемым» [9].

Первая телеграмма самого Юденича с изложением условий соглашения была переслана в Омск через Лондон 11 июля, вторая с более точным текстом была направлена через Стокгольм и Архангельск 18 июля [10]. В них подчеркивалось, что «Маннергейм, вполне русский, может выступить, лишь опираясь на политические круги и народные массы, от которых они всецело зависят; чтобы поднять народ и вывести его из упорного желания лишь обороны, Маннергейму необходимо: сначала тайная политическая подготовка, а затем открытие общественному мнению достаточно привлекательных национальных выгод». Далее следовало перечисление условий в пользу финской стороны, основными из которых были: безусловное признание независимости Финляндии, передача финскому правительству военного имущества России на территории Финляндии, передача Финляндии полосы земли, дающей выход к Ледовитому океану; право на самоопределение карелов Олонецкой и Архангельской губерний, представление национальных прав финнам Петроградской губернии, допущение на Ладожском озере финского судоходства на равных условиях с русским [11].

Узнав содержание соглашения, Сазонов заявил, что этот документ неприемлем «как нарушающий существенные интересы России и вместе с тем не обеспечивающий взятие Петрограда. <...> Лично я сомневаюсь, – подчеркнул министр, – что Маннергейму вообще удастся выступить против Петрограда вследствие внутренних политических затруднений». Колчак со своей стороны потребовал от Юденича не вступать ни в какие договорные обязательства с финляндским правительством, поскольку «условия соглашения неприемлемы, и нет уверенности в активной помощи Финляндии» [12].

Непоколебимая позиция Колчака в финляндском вопросе полностью разделялась А.И. Деникиным. В то же время белогвардейское правительство Северной области, как и Юденич, считало необходимым удовлетворить требования финнов. 1 августа 1919 г. Миллер телеграфировал Сукину из Архангельска: «Маннергейм был уведомлен, что, признавая выступление Финляндии своевременным и в ожидании такового, члены Временного Правительства Северной области будут всем своим авторитетом поддерживать признание Верховным правителем условий его выступления» [13]. Но любые попытки повлиять на точку зрения Колчака относительно признания независимости Финляндии и возможности территориальных уступок ей со стороны России были заведомо бесперспективны.

Сазонов не терял надежды на то, что финны поддержат начавшееся в конце сентября 1919 г. наступление армии Юденича на Петроград. Он склонился, наконец, к возможности признания независимости Финляндии

«с оговоркой окончательного утверждения Учредительным Собранием» [14]. Но Верховный правитель наложил против пункта о признании независимости Финляндии резолюцию: «Не допустимо», исключив тем самым последнюю возможность получения финской военной помощи.

Теперь постараемся решить дискуссионный вопрос: как следует в данном случае расценивать позицию Колчака? Что мы видим: твердолобое упрямство и отсутствие гибкости, столь необходимой в решающий момент истории, или наоборот – проявление политического реализма, не позволившего Верховному правителю нарушить существенные интересы России? Ответ можно легко найти, рассмотрев политическую ситуацию, сложившуюся к тому времени в Финляндии. 25 июля 1919 г. финский парламент, где преобладали социал-демократы, избрал нового президента республики. Маннергейм потерпел поражение и вынужден был передать высшую государственную власть либерально настроенному профессору права К.Ю. Столбергу. С этого момента новой целью официальной политики Финляндии стало «национальное единство, преодоление пропасти между белыми и красными, образовавшейся в ходе Гражданской войны 1918 г.» [15]. В таких политических условиях ни о каком наступлении финских войск на Петроград не могло быть и речи.

Государственные деятели Российского правительства в Омске не могли располагать детальной информацией о положении в Финляндии. Они знали ситуацию лишь в общих чертах, но Колчаку даже этого было достаточно, чтобы не допустить политического просчета. По свидетельству члена Российского правительства Г.К. Гинса, «Верховный правитель и слышать не хотел о каких-либо признаниях. Он считал, что его решение свяжет Россию. Помимо того, происшедший в Финляндии сдвиг влево, уход Маннергейма и замена его новым, малоизвестным и политически недостаточно надежным деятелем, не давали адмиралу уверенности, что даже в случае признания самостоятельности Финляндии она окажет действительную помощь Юденичу» [16].

Таким образом, следует со всей уверенностью говорить о политическом реализме Колчака. В то же время нельзя отрицать отсутствия у него гибкости и дипломатического искусства. В рассмотренном вопросе Верховный правитель оказался между не искушенными в государственных делах Юденичем и Миллером, готовыми на территориальные уступки Финляндии без гарантии её участия в борьбе с советской Россией, и опытным дипломатом Сазоновым, отвергавшим возможность территориальных уступок, но допускавшим признание независимости Финляндии в качестве свершившегося факта. Непокколебимая позиция Колчака в данном случае характеризует его скорее не как неумелого политика, а как убежденного русского патриота и кристально честного человека.

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 290. Л. 1.
2. ГАРФ. Ф. Р-4887. Оп. 1. Д. 4. Л. 17; Красный архив. 1940. № 1 (98). С. 59 – 61.
3. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 299. Л. 15-15 об., 63-63 об. Д. 319. Л. 130-130 об.

4. Там же. Д. 336. Л. 10-10 об., 35. Д. 341. Л. 31.
5. ГАРФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 290. Л. 69-69 об.
6. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 707. Л. 1.
7. Там же. Л. 1-1 об.
8. Там же. Д. 319. Л. 88-101.
9. Там же. Л. 87.
10. ГАРФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 49. Л. 99; Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 299. Л. 69.
11. Там же. Л. 99.
12. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп.1. Д. 115. Л. 127; Красный архив. 1929. № 2 (33). С. 138.
13. Там же. Д. 276. Л. 56-56 об.
14. Там же. Д. 325. Л. 38-39.
15. Селен К. Маннергейм в 1918 – 1939 годах // Маннергейм, российский офицер, маршал Финляндии: [Каталог выставки в Государственном Эрмитаже]. СПб., 2005. С. 82 – 83.
16. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). М., 2008. С. 428.

С.В. НОВИКОВ

г. Омск, Омский государственный аграрный университет

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А.А. ШТЫРБУЛА «ПОКУШЕНИЕ НА КОЛЧАКА. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ*»

Вечером 25 августа 1919 г. в центре Омска, в резиденции Верховного правителя по адресу: ул. Береговая, д. 9, прогремел мощный взрыв. Погибло и было ранено несколько человек, но сам А. В. Колчак по счастливой для него случайности не пострадал. Криминалистическая и историческая загадка этого взрыва интересна и важна сама по себе, но, кроме того, многими нитями связана с другими вопросами и загадками Гражданской войны на востоке России. В своей новой научной монографии Анатолий Алексеевич Штырбул сделал попытку приоткрыть завесу неизвестности над рядом событий тех лет и, прежде всего, попытался осветить фон, причины, мотивы, обстоятельства и, конечно, «авторство» загадочного взрыва.

Автор приводит пять версий покушения, точнее – исследует деятельность в этом направлении разных, сразу нескольких, политических сил, так или иначе заинтересованных в устранении А.В. Колчака. Склоняясь к одной из них (с дополнением элементов двух других версий), А.А. Штырбул приводит свое видение чрезвычайного происшествия 25 августа 1919 г. в резиденции А.В. Колчака в Омске. Но подробно о версиях здесь умолчим, поскольку перед нами своеобразный исторический научный детектив: пусть читатель, вслед за автором, сам рассмотрит каждую из них, и в конце исследования выяснит для себя истинную. Впрочем, в отличие от художественного детектива, право соглашаться или нет с предложенной автором разгадкой события остается за читателем.

А.А. Штырбул показывает множество мотивов, которые могли толкнуть определенные политические круги (и отнюдь не только сибирских коммунистов-подпольщиков) на подготовку покушения. В книге показана жуткая практика того режима, во главе которого волею судьбы оказался ранее, в общем-то, уважаемый и заслуженный человек. При этом А.А. Штырбул, как всегда, старается быть предельно объективным: в книге есть, например, глава с таким вот неожиданным названием: «Колчак против... колчаковщины?», где мы встретим совершенно неожиданные и уникальные, на первый взгляд, но вполне реальные факты противодействия А.В. Колчака белогвардейскому беззаконию; к сожалению, факты объективно и неизбежно немногочисленные, а итог данного противодействия – безуспешный.

Несмотря на то, что о личности А.В. Колчака в России и за рубежом написано немало, в книге А.А. Штырбула мы увидим Верховного правителя, в том числе, и в неожиданных, неизвестных ранее (и для «белых», и для «красных» историков) ракурсах.

* Штырбул А.А. Покушение на Колчака. Историческое расследование : [монография]/ Штырбул А.А. Омск. Изд-во ОмГПУ, 2012. С. 392.

Кстати, путь А.В. Колчака из Омска в Иркутск во времени и пространстве (12 ноября 1919 – 15 января 1920 гг.) никем, кажется, не был еще исследован так подробно и кропотливо, как А.А. Штырбулом: буквально по дням (числам) и кое-где даже по часам. Путь этот показан в русле исследования революции в «Колчакии», на фоне бурных событий, развернувшихся в Сибири в это время.

Перед нами – книга о Гражданской войне в Сибири, но местами материал закономерен и логично выходит за рамки Сибири и даже за рамки всего востока России, и это не случайно: ведь именно в Сибири в 1918 – 1920 гг. во многом решалась и решилась дальнейшая судьба России. Загадка взрыва 25 августа 1919 г. для автора – еще и повод показать всю социально-политическую сложность и трагичность Гражданской войны, ситуации в «Колчакии» и вокруг нее.

В монографии 14 глав с введением, заключением и двумя замечательными приложениями. Книга оригинальна и по объекту исследования, и по композиции, и по содержанию, читатель найдет в ней немало нового и интересного. Приводимые факты и документы снабжены постраничными ссылками.

Оригинальна опирающаяся на факты, документы и логичные выводы авторская концепция революции в «Колчакии», в которой приняли участие широкие социальные и политические слои населения, и отнюдь не только рабочие, трудовые крестьяне и коммунисты. Автор приходит к выводу, что «революция в «Колчакии», развернувшаяся в конце 1919 г. и завершившаяся в феврале 1920 г., состояла из трех составных «революций»: социалистической или, точнее, советской, боровшейся за восстановление советской власти; демократической (или буржуазно-демократической), боровшейся за восстановление демократической республики типа керенщины 1917 г. и, отчасти, типа доколчаковской «Сибирской республики» лета-осени 1918 г. с Учредительным собранием в перспективе; наконец, анархистской или, точнее, анархической, стремившейся свести любую власть, особенно в деревне, к минимуму или вообще ликвидировать ее. Силы, осуществлявшие эти три «революции», были достаточно разными, но общего у них оказалось в период антиколчаковской борьбы значительно больше, чем различного: режим А.В. Колчака и совместная борьба с ним достаточно тесно их сплотили, и все три слились в конце 1919 г. в одну. Противоречия, существовавшие внутри антиколчаковского лагеря, конечно, не исчезли полностью, но отошли на второй план, хотя в перспективе, после устранения режима Колчака, они неизбежно должны были дать себя знать, что и произошло в 1920 – 1921 гг.» (стр. 282).

«Конечно, – уточняет далее автор, – роль и место этих сил в антиколчаковской борьбе неоднозначны и требуют уточнения. Бесспорно, что советский вектор революции в «Колчакии» по ряду причин оказался наиболее реальным, массовым, организованным и перспективным. Но нельзя забывать и о вкладе других политических сил региона:

анархистов, эсеров, меньшевиков». И автор подробно рассматривает роль разных социальных и политических сил, в т. ч. партий в этот период – от монархистов до анархистов. В том числе и на предмет возможных попыток некоторых из них физического устранения А.В. Колчака.

Особо следует отметить новый подход к роли сибирских эсеров в антиколчаковской оппозиции и (на заключительном этапе Гражданской войны) в открытой борьбе против режима Колчака. Автор оценивает эту роль сдержанно, но довольно высоко: как уже говорилось, вплоть до признания особой демократической струи в антиколчаковской революции осени 1919 – начала 1920 гг. А.А. Штырбул считает: какие бы конечные политические цели в борьбе против колчаковщины эсеры не преследовали, но, открыто выступив против этого режима, они объективно и реально усилили антиколчаковский фронт и приблизили победу над колчаковщиной.

Говоря о значении эсеров и их «демократической» составной части революции в «Колчакии», автор приводит, на наш взгляд, яркие и убедительные примеры. О важности пяти декабрьских военно-эсеровских антиколчаковских восстаний в Сибири (в Новониколаевске, Красноярске, Нижнеудинске, Черемхово, Иркутске), в сочетании с проэсеровской (пусть и небольшой) частью партизанского движения в крае (и, конечно, в сумме с просоветским партизанско-повстанческим движением и просоветскими восстаниями в ряде городов), по мнению А.А. Штырбула, косвенно могут свидетельствовать события и результаты советско-польской войны (апрель – октябрь 1920 г.), которые показали, что успешное, даже блестящее наступление Красной Армии может «внезапно» закончиться поражением. Так называемое «чудо на Висле» – успешное контрнаступление польских войск во второй половине августа 1920 г. под Варшавой – обернулось для наших войск катастрофой, одной из причин которой явились относительно крепкий тыл белополяков и почти полное отсутствие в нем активных действий оппозиционных сил в поддержку Красной Армии; в Польше не нашлось достаточных внутренних сил, готовых и способных опрокинуть белый тыл: ожидаемой революции в Польше, аналогичной революциям в «Колчакии» и «Деникии», не произошло. Эсеры в Сибири, по мнению исследователя, помогли просоветским социально-политическим силам «Колчакии» в очень важный для них момент опрокинуть колчаковский тыл и, тем самым, помочь успешному наступлению войскам Восточного фронта Красной Армии (стр. 284 – 286). И с этой позицией автора трудно не согласиться.

Параллельно исследованию политических процессов в «Колчакии» и расследованию загадочного покушения, в монографии есть еще одна, неожиданная, сюжетная линия – судьба замечательного поэта Юрия Сопова, безвременно и трагически погибшего во время взрыва в доме Верховного правителя 25 августа (он служил в батальоне охраны Верховного правителя и находился в это время в его резиденции). Автор, сопоставив немногие имеющиеся факты и значительный контекст событий,

рассматривает существовавшую и ранее (хотя и довольно слабую) версию причастности поэта к террористическому акту и приходит к интересным, несколько неожиданным выводам.

Ценной частью книги являются приложения. Первое из них – «Хроника Гражданской войны в Сибири и сопредельных регионах востока России». Как ни парадоксально, но в советское время так и не вышла полная и подробная хронология Гражданской войны в Сибири. Поэтому хроника, составленная автором рецензируемого исследования и приведенная в приложении, – одна из наиболее полных и содержательных на сегодня хроник Гражданской войны в Сибири (хотя, конечно, не исчерпывающая). При этом автор приводит события не только периода 1918 – 1920 гг., но и события, предшествующие Гражданской войне и последовавшие по ее окончании, то есть на несколько лет выходящие за заявленные хронологические рамки: своеобразные «пролог» и «эпилог» Гражданской войны. Сделано это, видимо, вполне сознательно, с целью показать на сибирском материале, как медленно и, на первый взгляд, незаметно вызревает в обществе готовность к гражданской войне, как появляются ее «первые зарницы», и как долго потом, даже после ее окончания, отдельные рецидивы проявляются в обществе на протяжении многих лет.

Второе приложение не менее ценно: оно содержит наиболее полную на сегодня (из опубликованных) подборку поэтических произведений Юрия Сопова (в количестве двадцати). По этим стихам читатель сам может судить, поэт какого уровня дарования и таланта погиб в самом начале творческого пути, на самом взлете жизни (ему было неполных 23 года).

Данная книга, несомненно, вносит значительный вклад в изучение проблем и вопросов истории Гражданской войны в Сибири, Омске и Омском Прииртышье, на востоке России в целом. Она удачно и гармонично сочетает в себе российский, сибирский региональный и омский краеведческий ракурсы. Для читателя, будь то специалист или же любитель истории, она будет интересна и понятна. И первые, и вторые найдут в ней для себя много нового и интересного.

Как говорится в аннотации, «эта книга о страшной трагедии Гражданской войны, о трагедии в ней всего народа в целом и отдельного человека, будь то рядовой рабочий или крестьянин, героический революционер-подпольщик, молодой талантливый поэт или даже... Верховный правитель».

Д.И. ПЕТИН

г. Омск, Центр изучения истории Гражданской войны
(Исторический архив Омской области)

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ОМСКЕ В МОМЕНТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕ 1919 г.

В отечественной историографии Гражданской войны на территории Сибири известно немалое количество работ о восстановлении советской власти в 1919 – 1920 гг. Но в данной публикации мы хотим остановить внимание читателей на неисследованном аспекте этого широкого вопроса – финансовом положении в регионе в тот период. И в качестве одного из примеров, привлекающих особое внимание, представляем анализ ситуации в Омске – важном административном центре Западной Сибири.

Основными историческими источниками для написания статьи послужили делопроизводственные материалы, отражающие деятельность Сибирского революционного комитета, Омского губернского ревкома и его финансового отдела. Эти документы находятся на хранении в Историческом архиве Омской области, Государственном архиве Новосибирской области. Информативным источником для изучения социально-экономического положения является также советская периодическая печать, издававшаяся в Омске в ноябре – декабре 1919 г.

В результате успешно проведённой наступательной операции красноармейские части 13 – 14 ноября 1919 г. заняли столицу белой Сибири. Советские власти в Омске, как и в других городах, столкнулись во всех сферах с рядом значительных трудностей, связанных с общей дезорганизацией работы, нехваткой квалифицированного персонала, нормативно-правовых документов и оперативной информации. Но особенно тяжёлым положение было в области финансов и денежного обращения. Острой проблемой социально-экономической сферы, которую должен был решать новый политический режим на вновь присоединяемых территориях, стала унификация денежного обращения. И здесь ключевым вопросом была судьба денежных знаков, выпущенных «омской» контрреволюцией – краткосрочных обязательств Государственного казначейства номиналами от 25 до 5000 руб. и казначейских знаков номиналами от 1 до 300 руб., печатавшихся в Сибири, а также бон номиналом 50 коп., изготовленных по специальному заказу в США. Все эти денежные знаки (в народе широко именуемые «сибирские» или «омские») были основой обесцененной бумажноденежной массы, находившейся в тот момент на руках у населения.

Согласно резолюции наркома финансов РСФСР Н. Н. Крестинского от 9 апреля 1919 г. во всех регионах любые белогвардейские денежные знаки подлежали аннуляции, и обмен их на советские деньги был категорически воспрещён [1]. Об этом из Наркомфина в Сибревком в начале осени 1919 г. был направлен соответствующий циркуляр. Компенсационные выплаты по случаю

отмены хождения «сибирских» денег изначально полагались лишь беднейшему крестьянству и пролетариату. Но, как показала практика, порядок и сумма этих выплат не были до конца регламентированными, а пособия по аннуляции не покрывали реальных убытков держателей изымаемых денег. В конечном итоге, жесткая ликвидационная линия Наркомфина в Сибири, вылившаяся фактически в конфискационный обмен, оказала сильное негативное влияние на общее социально-экономическое положение в регионе на рубеже 1919 – 1920 гг.

Одним из наиболее ярких примеров напряжённости ситуации в денежном обращении вследствие советской финансовой политики в Сибири является отмена хождения «сибирских» денег в Омске в конце ноября – начале декабря 1919 г. Этот опыт показал тесную взаимосвязь проблемы аннулирования белогвардейских денег, прежде всего, с продовольственным вопросом.

С установлением советской власти в Омске колчаковские денежные знаки ещё в течение восьми дней имели официальное хождение. Рынок ими был буквально наводнён, поскольку в Омске с октября 1918 по ноябрь 1919 гг. действовала Экспедиция заготовления государственных бумаг и её дополнительное отделение при военно-топографическом отделе. Город был главным эмиссионным центром колчаковской России, о чём позволяет судить официальная отчётность о печатании бумажных денег в белой Сибири [2].

Но среди населения Омска уже с первых дней взятия его частями Красной Армии стремительно расходились слухи об аннулировании «сибирских» денег. И, как отмечает современник, этого было достаточно, чтобы ввергнуть население в суматоху. Народ начинал спешно сбывать «сибирки», скупая без разбора всё подряд у граждан, ещё не знавших об отмене «сибирских» денег [3]. Газета «Известия Омского ревкома» характеризовала ситуацию в городе накануне аннуляции следующим образом: «На местных рынках в настоящее время все лавки и магазины открыты, и торговля идет успешно. Население спешно закупает различные продукты и товары, стараясь как можно быстрее сбыть колчаковские деньги. Несмотря на это, цены на все заметно понизились» [4].

Но 22 ноября 1919 г. Реввоенсовет Пятой армии, Сибревком и Омский ревком своим совместным приказом объявили, что денежные знаки правительства Колчака не имеют хождения в советской России, не принимаются к уплате в государственных учреждениях и не подлежат обмену на советские деньги. Учитывая тяжелое положение рабочих в этот переходный момент, Сибревком постановил выдать всем рабочим единовременное пособие, о дне и порядке выдач которого предполагалось сообщить позже [5]. Ответная реакция была вполне предсказуемой. Спешный приказ об аннуляции «сибирских» денег вызвал сильнейшую продовольственную панику среди городских обывателей. В связи с этим Омскому ревкому вынужденно пришлось тотчас же издать постановление о выдаче пяти фунтов мяса и двух фунтов хлеба на «сибирские» деньги [6].

Положение дел в Омске потребовало от Сибревкома безотлагательной реакции. На заседании 26 ноября 1919 г. Сибревком предписал:

«1. Прекратить отпуск продуктов на «сибирские» деньги с 28 ноября. 2. Предложить отделам Труда и Социального обеспечения согласовать свою работу по выдаче единовременного денежного пособия служащим, рабочим фабрик, мастерских и учреждений» [7]. Это решение было оформлено в форме обязательного постановления, обнародованного 28 ноября 1919 г.: «Сибревком, подтверждая своё постановление об отмене хождения в советской Сибири колчаковских денежных знаков, доводит до всеобщего сведения: 1. Что колчаковские денежные знаки обмену не подлежат. 2. Что с 28 ноября сего года продажа продуктов на колчаковские денежные знаки прекращается» [8].

Кроме того, ситуация в Омске заставила Сибревком чётко регламентировать порядок выплаты компенсаций по аннуляции колчаковских денег. На заседании Омского ревкома, проходившем под председательством И. Н. Смирнова вместе с членами Сибревкома, 24 ноября 1919 г. коллегиально обсуждался вопрос о размере пособий по случаю аннулирования «сибирских» денежных знаков и механизме выплат. Возникла дискуссия. Член Сибревкома В. М. Косарев предлагал выдать пособие всем не по окладу, а одинаковое. Член Омского ревкома В. В. Аристов предлагал разделить население на лиц семейных и холостых, а также выдавать пособие и на детей. Заведующий Финансовым управлением при Сибревкоме Ф. А. Земит говорил, что при выдаче пособий нельзя допускать деления на рабочих и служащих, так как даже служащие ликвидируемых учреждений готовы были работать дальше. Спорным вопросом стала сумма пособия. Ф. А. Земит и В. М. Косарев высказывались о достаточности суммы в 1000 руб. Председателем Сибревкома И. Н. Смирновым в качестве достаточной была названа сумма в 1200 руб. В итоге было принято решение о выдаче единообразного пособия по аннулированию на следующих основаниях. Бедным и средним крестьянам было решено выдавать не более 3600 руб.; горожанам – 1200 руб., производя выплату в 2 этапа: первая выдача – 600 руб., вторая выдача – продуктами на 600 руб. через кооперативные лавки [9].

Решением, выработанным 24 ноября 1919 г. в Омске, позднее руководствовались другие ревкомы Сибири, аннулируя колчаковские деньги, но на местах под давлением обстоятельств в порядок выплат, утверждённый Сибревкомом, вносились изменения.

Привлекает внимание аспект специальной советской агитации и пропаганды среди населения в связи с аннуляцией «сибирских» денежных знаков. Так, на том же заседании 24 ноября 1919 г. после обсуждения вопроса помощи населению в связи с отменой хождения белогвардейских денег члену Омского ревкома А. П. Спундэ было поручено составить специальное агитационное воззвание к населению Сибири. В печатном обращении властей должны были разъясняться причины аннулирования «сибирских» денежных знаков «с указанием на меры, применяемые советской властью к обеспечению интересов трудового населения» [10]. Это воззвание под заголовком «Советская власть и сибирские деньги», спустя пять дней,

было опубликовано в газете «Советская Сибирь» [11]. За четыре дня до этого схожее обращение, написанное членом Омского ревкома В. В. Аристовым, было напечатано в «Известиях Омского ревкома» [12]. Но из даже поверхностного анализа текстов воззваний видно, что проводимое в жизнь решение об аннуляции белогвардейских денег основывалось, главным образом, на сугубо политических принципах, не имея при этом никакой финансово-экономической подоплёки.

Вызывает интерес ответная реакция омского товарного рынка на политику советской власти: аннуляция вызвала резкое двукратное повышение цен на продовольствие [13]. Естественным явлением стал сильный рост спекуляции. Парадоксально, но в Омске в столь тяжёлой экономической обстановке имели место и свои «финансовые курьёзы», характерные на рубеже 1919 – 1920 гг. для всей Сибири. В районы, недавно освобождённые от власти колчаковцев, но где «сибирские» деньги ещё сохраняли свою платёжную силу, приезжало множество дельцов оттуда, где «сибирские» денежные знаки были уже аннулированы советской властью. Спекулянты на «омские» деньги старались скупать любые товары, чтобы затем продать их на денежные знаки, признанные в РСФСР, в районах, где прошла аннуляция [14]. Спекулянты приезжали и на восток, в города, ещё контролируемые силами правительства Колчака, с целью обменять «сибирские» купюры на царские или «думские» кредитки. При таком обмене соотношение доходило до 10:1. Для реализации аннулируемых денег населением использовались весьма хитроумные схемы. Так, некоторые предприимчивые горожане организовывались в своеобразные «квартальные комитеты». Собрав крупные суммы в «сибирских» деньгах, они снаряжали особых «доверенных лиц», которых направляли на восток в обход фронта, в те местности Сибири, где колчаковские деньги ещё имели хождение. Эти «гонцы» должны были как можно скорее скупать любые товары, чтобы затем прибыть с ними обратно. Если возврат с товаром был невозможен, то «доверенные лица» должны были дожидаться установления советской власти, аннулирования «сибирских» денег и поднятия цен, после чего – спешно реализовывать скупленные товары на советские деньги. Такая деятельность в итоге сохраняла сбережения и даже приносила прибыль. Были отмечены попытки населения получить советские деньги у красноармейцев, уходивших на фронт, туда, где «сибирские» деньги ещё ходили. Взамен советских денег военнослужащим предлагались суммы по объёму гораздо больше, но аннулированными колчаковскими деньгами [15].

Случались в Омске также и курьёзы, связанные с выдачей населению пособия по аннуляции. Так, при проверке списков на получение пособий по аннулированию «сибирских» денег выяснилось, что отдельные граждане регистрировались по нескольку раз, а также, зарегистрировавшись на предприятии или в учреждении, регистрировались и на бирже труда. Тем самым они могли получить пособие дважды или трижды.

По указанию Омского ревкома, во избежание подобного рода злоупотреблений со стороны городского населения впредь все работавшие на предприятиях и служившие в учреждениях на момент взятия Омска получали пособие по спискам предприятий через отдел труда Омского ревкома. Лица безработные и одиночно служащие получали пособие через биржу труда. Граждане, замеченные в получении повторных компенсационных выплат и виновные в умышленно неправильной регистрации, подлежали привлечению к ответственности перед военно-революционным трибуналом [16].

Другим следствием спешного аннулирования «сибирок» стал финансовый «вакуум»: после отмены хождения белогвардейских денег у революционных властей не оказалось запаса наличности в советских деньгах, необходимого для покрытия первых нужд. Это, в свою очередь, приводило к парализации всей жизни. Например, на Омской железной дороге в конце 1919 г. из-за отсутствия советских денежных знаков, признанных советской властью, была приостановлена выдача заработной платы служащим [17]. Те же самые явления происходили и в других учреждениях и организациях. О тяжёлой экономической и продовольственной обстановке в городе, в частности, и о полном безденежье в конце 1919 г. в Омске вспоминал позднее современник тех событий писатель В. В. Иванов [18].

Существенные денежные и продовольственные затруднения, созданные аннуляцией «сибирских» денег, стали причиной, обоснованно вызывавшей в городе антисоветские настроения. Но в начале декабря 1919 г., в связи с получением денежного подкрепления, ситуация в Омске нормализовалась, и, как с язвительной иронией отмечала местная пресса, уже ничего не стоящие «сибирские» денежные знаки в городе можно было увидеть наклеенными на витринах магазинов и заборах [19]. Революционные власти Омска 6 декабря 1919 г. предписали учреждениям незамедлительно в трёхдневный срок сдать все имеющиеся колчаковские деньги в кассу местного отделения Нарбанка [20].

Но в дальнейшем в период восстановления советской власти и окончания Гражданской войны серьёзных финансовых сложностей в Омске, в отличие от других городов, не наблюдалось. Омск во многом спасало то, что он до лета 1921 г. был резиденцией Сибревкома и его Финансового управления: это обуславливало контроль Омска над финансовым потоком, снабжавшим другие территории советской Сибири денежной наличностью.

1. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917 – 1927). М., 1928. С. 161 – 162.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 2. Л. 22–23.
3. Исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.
4. На рынках // Известия Омского ревкома (Омск). 1919. 20 нояб. С. 3.
5. К населению города Омска // Известия Омского ревкома (Омск). 1919. 22 нояб. С. 4.
6. Известия Омского ревкома (Омск). 1919. 22 ноября. С. 4; ГИАОО. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 10. Л. 8, 17.
7. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 12А. Л. 25.

8. Собрание постановлений и распоряжений Сибревкома. № 1. Омск, 1919. С. 24.
9. ГИАОО. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 3. Л. 4-7.
10. ГАНО.Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 13; Д. 88. Л. 159.
11. А.С. Советская власть и сибирские деньги // Советская Сибирь (Омск). 1919. 29 нояб. С. 1.
12. Аристов В. Почему мы уничтожаем сибирские деньги // Известия Омского ревкома (Омск). 1919. 25 нояб. С. 1.
13. Омич. В городе // Советская Сибирь (Омск). 1919. 30 нояб. С. 3.
14. Рощевский П.И. Ликвидация финансовых затруднений в Западной Сибири после изгнания колчаковцев в 1919 г. // Ученые записки Свердловского и Тюменского педагогических институтов. 1969. Вып. 2. С. 29.
15. Омич. В городе // Советская Сибирь (Омск). 1919. 30 нояб. С. 3; Спекуляция // Советская Сибирь (Омск). 1919. 2 дек. С. 3.
16. ГИАОО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 30. Л. 53; Советская Сибирь (Омск). 1919. 28 нояб. С. 3.
17. Вожегов Г.Н. Безмолвные проповедники. Омск, 1992. С. 48 – 49.
18. Иванов В.В. По Иртышу. Омск, 1982. С. 352.
19. Колчаковские деньги // Советская Сибирь (Омск). 1919. 11 дек. С. 4.
20. Советская Сибирь (Омск). 1919. 9 дек. С. 4.

О.Г. ПОПОВА

г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ УРАЛЬСКОГО И СИБИРСКОГО ОБЛАСТНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ В ПЕРИОД «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ»

Советская историческая наука уделяла Временному областному правительству Урала (далее – ВОПУ) чрезвычайно мало внимания. Это объяснялось не только идеологическими, но и вполне прагматическими причинами: правительство просуществовало чуть меньше трех месяцев, не располагало собственной армией, слабо контролировало территорию Урала, в конечном счете, в силу скоротечности своего существования не успело сыграть значительной роли в событиях Гражданской войны на востоке страны. В последнее двадцатилетие эта тема стала объектом повышенного внимания исследователей в связи изучением «третьего пути» в Русской революции. Исследование различных аспектов в истории Временного областного правительства Урала, в том числе его отношения с Временным Сибирским областным правительством в Омске (далее – ВСП), позволяет раскрыть систему взаимоотношений внутри восточной ветви русского антибольшевизма на стадии «демократической контрреволюции».

Г.К. Гинс, управляющий делами ВСП, охарактеризовал отношения соседних регионов, как «урало-сибирская дружба», отметив, что «отношения Екатеринбурга и Омска проникнуты были взаимным пониманием и единством политических настроений» [1]. Однако имеющиеся документы не дают повода для столь оптимистической оценки. Они выглядели таковыми, скорее всего, на фоне острых противоречий, существовавших между Кочучем и Омском. Серьезные расхождения между уральскими и сибирскими политиками выявились уже летом 1918 г. после освобождения 25 июня Екатеринбурга от большевиков в ходе организации гражданской власти на Урале. Дело в том, что на территорию Урала претендовали Сибирское и Самарское правительства. Они же спорили о праве верховной власти. Все же роль первого была значительней, Сибирское правительство включило часть Уфимской, Оренбургской и Пермской губерний в сферу своего влияния. «В представлении сибирских автономистов, как пишет Г.К. Гинс, Урал считался составной частью Сибири» [2]. Он объяснял данное обстоятельство тем, что при объявлении государственной независимости Сибири границ ее указано не было, из-за чего возник ряд споров о территории. Совет Министров обсуждал на своем заседании специальный доклад, согласно которому «Урал должен был войти целиком в границы автономной Сибири ввиду экономической связи железодобывающего района Урала с хлебным рынком Сибири и угольными богатствами Кузнецкого района» [3]. Эта идея не получила развития, но некоторые пограничные территории все же были включены в сферу влияния ВСП. Так, 18 июля 1918 г. постановлением Сибирского правительства был образован Челябинский округ

в составе южноуральских городов Челябинска, Троицка и Златоуста. На округ распространялось действие всех постановлений и распоряжений Временного Сибирского правительства, а судебные, транспортные, почтово-телеграфные, военные и прочие учреждения подчинялись окружным управлениям, находящимся в Омске. Гинс объяснил эти мероприятия ВСП не стремлением расширить свое влияние, а инфраструктурной и административной спецификой соседних областей, также желанием самого населения Урала попасть под покровительство более сильной власти Сибирского правительства [4]. Территориальные споры между Уральским и Сибирским правительствами не утихали и дальше. Особенно остро встал вопрос по поводу Шадринского, Ирбитского и Камышловского уездов. Эти районы были важны уральцам в вопросе снабжения продовольствием, однако Сибирь не желала отдавать их [5].

По мнению историка Е.А. Плешкевича, политика ВСП и военных была направлена на сохранение целостности Российского государства [6]. Иначе оценивали ее современники. Противники сибирского областничества, особенно самарцы, окрестили его «империалистическим» [7]. Лидер уральских кадетов Л.А. Кроль при создании правительства последовательно отстаивал принцип дружественных отношений и равенства сторон, при котором «одна добровольно передает другой известные права центральной власти в видах государственной целесообразности». Надо признать, что положение на Урале после ухода большевиков было критическим. Кроль во время переговоров по прямому проводу с председателем Совета министров Сибирского правительства П.В. Вологодским отстаивал идею создания областного правительства, аргументируя внутренними причинами, прежде всего, «ввиду наличия на Урале особенностей уклада жизни местного населения, требующего особого управления», также тяжелой экономической ситуацией, когда заводы не работают, в городах острый дефицит продовольствия, военная власть не в состоянии справиться с множеством вопросов. Политическая задача момента состояла в укреплении власти на завоеванных территориях, проявляя твердость и решимость [8].

Левый кадет Кроль серьезно опасался усиления правых тенденций. На собрании представителей политических партий города, обосновывая необходимость создания на среднем Урале «демократического правительства», он связывал его появление не только с необходимостью организации местного хозяйства, но и с потребностью усилить «демократический состав съезда». В противном случае, без уральского правительства «перевес может быть на стороне Сибирского правительства, правого по составу, усиленного правительством атамана Дутова» [9].

Сибирское правительство имело свои интересы и собственный взгляд на принципы формирования Уральского правительства, который принципиально отличался от подхода уральских политиков. Его представители приняли самое деятельное участие в организации власти на Урале, с этой целью в Екатеринбург был командирован уполномоченный Сибирского

правительства по Челябинскому уезду Буденеско, также его представителями в разное были генерал Гришин-Алмазов, а затем уполномоченный по Уралу, бывший директор Богословского горного округа С.С. Постников.

Но взгляды сибирских политиков на сущность, компетенцию, границы автономии существенно расходились с представлением уральских политических деятелей. По мнению уполномоченного правительства Сибири Иванова-Ринова, Уральское правительство призвано было сыграть роль буфера между эсеровским правительством в Самаре и более правым Временным Сибирским правительством в Омске [10]. 7 августа на встрече деятелей Урала с членами Сибирского правительства в лице А.Н. Гришина-Алмазова, И.И. Серебрянникова было достигнуто соглашение об урегулировании отношений между двумя правительствами, согласно которому уральские политики должны признать верховенство Сибири: первые утверждают состав правительства, а вторые санкционируют его создание, ничего при этом не меняя в составе и в региональной политике [11]. Но спустя несколько дней глава Сибирского правительства П.В. Вологодский своим решением фактически перечеркнул прежнее соглашение, серьезно ограничив полномочия уральской власти. Согласно новым положениям взаимоотношения должны регулировать специальным документом, утвержденным в Омске, для руководства и контроля над деятельностью правительства Урала ВСП назначает полномочного представителя с правом приостановки решений [12]. Как пишет Кроль, потребовалось вмешательство союзных послов, чтобы не допустить разрастание конфликта и, наконец, добиться нужного уральцам решения [13].

«Заявив о своем существовании, – пишет Е.П. Сичинский, – Уральское правительство оказалось в сложном положении...». Сибирское правительство «всеми силами стремилось поставить новую власть под свой контроль» [14]. Но оно не собиралось отказываться от своего суверенитета, уступая его таким же, по сути, «областным» властям. В отношении железнодорожного, почтово-телеграфного сообщения, торговли Урал не отделялся от своих соседей. В вопросах организации армии, мобилизации Урал передавал свои полномочия сибирякам. Финансовая система первоначально также должна была носить автономный характер, не получив соответствующей эмиссионной поддержки из Омска, обратилась к выпуску собственных «денег» [15].

Уральское правительство начало свою работу, не имея реальных денег, так как большевики увезли с собой деньги, золото, ценности банков. Необходимо было создавать финансовую базу для развития промышленности, выплат зарплат, создания армии, обеспечивать население хлебом. С момента образования ВСП проявляло дружелюбное отношение к Уралу. Делались признания в искренней дружбе и взаимопомощи. Однако на деле разногласия не замедлили сказаться. Произошел инцидент с Ревельским банком. ВСП вывезло Ревельское отделение банка, эвакуированное на территорию Сибири. Урал заявил о том, что это вмешательство во внутренние дела и попытка

установить финансовый контроль. Уральское правительство даже распорядилось «в целях сосредоточения фактов, касающихся действий Временного Сибирского правительства, направленных к умалению прав и достоинства ВОПУ, отдел общих дел заняться собиранием такого рода материалов» [16].

Вспыхнула таможенная война. Сибирь через Кыштым не пропускала предметы продовольствия. Была поставлена таможенная милиция [17]. Одновременно на продукты, доставляемые из Сибири, накладывалась 50% пошлина, что заметно сократило ввоз на Урал сельскохозяйственной продукции и вызвало рост цен на них. Катастрофически не хватало хлеба. Продовольственный вопрос полностью регулировался правительством через Главное Управление продовольствия, основными задачами которого было выяснение хлебных запасов на Урале, установление продовольственных потребностей населения, контроль над распределением хлебных заготовок по районам и пунктам области, установление хлебных цен [18]. Сибирь попыталась вмешаться и в продовольственный вопрос: в местных газетах вышло объявление Уполномоченного Сибирского Министерства продовольствия Уральского района о порядке снабжения местностей Урала хлебофуражом. В этом же объявлении он предлагал нуждающимся обращаться к нему [19]. Урал не мог допустить такого вмешательства во внутренние дела.

Возникли противоречия при реализации Закона о распределении металла по территории двух правительств, по которому металл и изделия, произведенные на уральских заводах, подлежали не продаже на свободном рынке, а перераспределению между правительствами Урала и Сибири. Предполагалось, что Урал будет снабжать Сибирь железом и изделиями, а Сибирь будет давать Уралу хлеб. На всю продукцию были установлены твердые фиксированные цены: «Вся продажа металлов как по заказам, так равно и производимая самими заводоуправлениями, должна происходить не свыше предельных цен, утвержденных Уральским Промышленным комитетом» [20]. Урал в обмен на железо получал сибирский хлеб тоже по твердо установленным ценам. Сложилась обстановка, которая не вполне устраивала Урал. На территории ВСП не существовало предельных цен, так как правительство считало, что это подстегнет спекуляцию. Поэтому получалось, что, покупая на Урале металл и изделия, сибирские перекупщики продавали эту продукцию намного дороже предельных цен, установленных на Урале. На Урале продавали железо принудительно по 22 руб., в Омске же в условиях свободной торговли кооперативы покупали его на 30% дороже, а в Новониколаевске были сделки даже по 65 руб. Хлеб же, который поступал из Сибири, шел не по твердым ценам, а завышенным [21]. Сибирь же повышала цены на хлеб либо затрудняла его поставки на Урал, приходилось покупать хлеб по завышенным ценам у спекулянтов.

Сложившееся положение негативно воспринималось Уральским правительством. Политика Сибири расценивалась как «негосударственная», которая дает свободу спекулянтам и «является ложным истолкованием свободы торговли и дает возможность оставлять за государством деньги, вырученные

от продажи изделий, приготовленные на средства государства» [22]. В условиях инфляции и 50%-й пошлины на сибирский хлеб, ввозимый на Урал, низкие фиксированные цены на металл вели только к снижению рентабельности предприятий. Ввиду отсутствия достаточных средств и напряженных отношений с Сибирью положение на территории Уральского правительства складывалось крайне тяжелое.

Уполномоченный по Уралу С.С. Постников признавал, что Уральское правительство представляет собой странное образование: территории в один уезд, войск нет, пути сообщения в распоряжении Министерства путей сообщения Сибирского правительства, комендатуры от сибирских военных властей, милиция в ведении начальника гарнизона, на территории Уральского образования действует военное положение. Он отмечал, что были многократные попытки «проявлять притязания на свободу действий... Начальник гарнизона много раз становился перед угрозой конфликта с Уральским правительством, но попытки узурпировать власть разбивались... И только непоколебимой твердостью генерала Голицына все испытания пройдены, и авторитет Сибирского правительства не только сохранен не тронутым, но и является для Уральского правительства столь мощным, что они чувствуют и понимают свое бессилие и беспомощность». Постников вынужден был признать, что на добрые и искренние отношения «с Уральским правительством и по порядку своему формирования, и по деятельности отдельных сочленов не может и рассчитывать» [23].

История взаимоотношений двух областных правительств Урала и Сибири показывает, что, допустив образование ВОПУ, ВСП стремилось создать чисто номинальное правительство. Руководители Урала считали, что «Сибирское правительство в своем стремлении стать центральным Всероссийским правительством ведет поход против Уральского правительства, стремясь его обезличить» [24]. Взяв всю реальную власть в свои руки, сибиряки пытались полностью контролировать уральскую территорию и его правительство. Гражданская власть, оказавшись в таком положении, была ограничена в своих действиях. На Уфимском Государственном совещании Временное правительство Урала в лице Кроля настойчиво предлагало сделать Екатеринбург, вместо Омска, столицей новообразованной Всероссийской власти [25]. В этом случае аппарат ВОПУ мог получить статус Совета министров Временного Всероссийского правительства. Но этого не произошло. Данный эпизод показал, что Уральское правительство так же, как Сибирское, не лишено было властных амбиций.

1. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства). М., 2007.С. 114.
2. Там же.
3. Там же. С. 115.
4. Там же. С. 114 – 115.
5. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО) Ф. Р-1952. Оп. 2. Д. 7. Л. 12.

6. Плешкевич Е.А. Временное областное правительство Урала: дискуссия о причинах образования // Отечественная история. 2003. № 5. С. 32.
7. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак... С. 115.
8. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 120. Л. 1, 22.
9. Там же. Оп. 2. Д. 110. Л. 74.
10. Кроль Л.А. За три года (воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток, 1921. С. 84.
11. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 120. Л. 105 – 106.
12. Там же. Л. 1.
13. Кроль Л.А. За три года (воспоминания, впечатления и встречи). С. 78.
14. Сичинский Е. П. Из истории Временного Областного правительства Урала (К вопросу о «третьем пути» русской революции) // История СССР. 1992. № 1. Л. 166.
15. Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1917 – 1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008. С. 318.
16. ГАСО. Ф. Р-1952. Оп. 1. Д. 26. Л. 13.
17. Там же. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 76 Л. 40.
18. Там же. Д. 5. Л. 374.
19. Там же. Д. 3. Л. 26.
20. Там же. Ф. Р-352. Д. 22. Л. 9.
21. Там же. Ф. Р-1952. Оп. 2. Д. 12. Л. 206.
22. Там же. Д. 11. Л. 36-37.
23. Там же. Д. 4. Л. 27.
24. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 388. Л. 15.
25. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 296 – 297.

Ю.С. ПЫЛЬЦЫН, О.Г. ПОПОВА

г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ РОССИИ А.В. КОЛЧАК В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Деятельность А.В. Колчака была тесно связана с Екатеринбургом. За время Гражданской войны он 6 раз посетил уральский уездный город. Первое посещение состоялось 9 ноября 1918 г. ещё в должности военного и морского министра Директории. Колчак был приглашен чехословацким командованием в Екатеринбург для участия в торжественной церемонии вручения знамён батальонам чешской национальной армии. Встреча военного министра Колчака в Екатеринбурге с чехословацким и русским командованием, с представителями местных властей была торжественной и теплой. Колчаку был поднесен хлеб-соль на изящном деревянном блюде, с изображением Ново-Тихвинского монастыря, рядом с которым и проходил парад [1]. По окончании официального торжества был устроен банкет, на котором Колчак, как лицо официальное, произнес свою первую речь. 12 ноября он дал интервью представителю чехословацких войск, текст которого был срочно телеграфно распространен. Колчак в интервью отметил, что свою главную задачу видит в создании сильной и здоровой армии, способной спасти Отечество [2].

Особое внимание в связи с посещением А.В. Колчаком Екатеринбурга занимал вопрос, связанный с гибелью царской семьи. В свой первый приезд, пишет английский полковник Дж. Уорд, они «проходили мимо здания, в котором был заключен царь Николай II со своей семьей». Посещение дома Н.Н. Ипатьева, где была расстреляна императорская семья, состоялось в мае 1919 г.: Верховный правитель интересовался обстоятельствами гибели и ходом расследования, 17 января 1919 г. он дал распоряжение генералу Дитерихсу доставить в Омск все найденные вещи царской семьи и материалы следствия, а 6 февраля назначил Н.А. Соколова главой следствия [3]. В начале февраля 1919 г. А.В. Колчак планировал официально опубликовать правительственный акт обо всех убийствах членов Дома Романовых. Но управделами Совета министров Тельберг без ведома министра юстиции взял из ящика его письменного стола приготовленную Н.А. Соколовым секретную справку и передал её в редакцию газеты «Заря», которая полностью поместила ее на следующее утро на своих страницах. Колчак приказал немедленно конфисковать ещё не успевшие разойтись в розничной продаже номера; но дело было сорвано, шум поднялся невероятный, и адмирал Колчак был вынужден отказаться от идеи «официального правительственного сообщения» [4].

А.В. Колчак вторично посетил Екатеринбург 16 – 17 февраля 1919 г. во время поездки на фронт по случаю взятия Перми войсками генерала Пепеляева [5]. В воскресенье 16 февраля в 1 час дня Верховный правитель в сопровождении членов кабинета министров прибыл на Екатеринбургский вокзал и был встречен почётным караулом уланского полка и чешского ударного батальона, городским головой Н.А. Лебединским, председателем земской управы П.Е. Патрушевым, председателем городской Думы П.А. Кроненбергом, командующим Сибирской армией генералом

Гайдой, главным начальником Урала С.С. Постниковым, его помощником по военным вопросам С.А. Домонтовичем и др. «Отцы города» поднесли адмиралу традиционный хлеб-соль. После прохождения церемониальным маршем войск Колчак отправился в Кафедральный собор, где епископом Григорием был совершен молебен. Затем он посетил штаб Сибирской армии [6].

Как вспоминал лидер уральских кадетов Л.А. Кроль, вдоль улиц стояли шпалерами войска, а толпу старались разогнать в боковые улицы [7]. В 4 часа дня в помещении Уральского горного училища состоялся устроенный городским самоуправлением торжественный обед в честь прибытия Верховного правителя [8]. Всего на банкете присутствовали 160 чел. В своей речи Колчак поднял политические, социально-экономические и международные проблемы и наметил пути их решения. Впервые он чётко выразил свои планы по аграрному вопросу: исключить возврат к старому и создать «многочисленное крепкое крестьянское мелкое землевладение за счёт землевладения крупного» [9]. Выступающие отметили те позитивные изменения, которые произошли в последнее время благодаря усилиям новой власти. Кроненберг приветствовал подписанный Верховным правителем новый закон о выборах в городское самоуправление, который давал населению возможность свободного волеизъявления. Постников выразил удовлетворение тем, что правительство озабочено не только нуждами фронта, но не оставляет без внимания хозяйственные проблемы. Председатель биржевого комитета П.В. Иванов видел единственный путь спасения России в установлении в ней единой и твердой власти, с именем Колчака торгово-промышленный класс связывал свое будущее. Епископ Григорий сравнил «адмирала Колчака с библейским Моисеем, который с божьим благословением ведет русский народ в страну обетованную» [10]. Эти реверансы в сторону верховной власти льстили адмиралу.

Вечером в музыкальном училище состоялся ещё один банкет в честь Верховного правителя, закончившийся в 3-м часу ночи, на котором присутствовали только военные. Артисты городских драматического и оперного театров экспромтом устроили концерт для высокого гостя. До 12 часов дня 17 февраля Верховный правитель принимал в своём поезде делегации от различных учреждений и организаций [11].

Тогда же произошёл инцидент, о котором пишет Л.А. Кроль. Делегация от общественности, во главе с А.С. Белоруссовым, пришла с предложением не подчинять край военной власти, как о том ходили слухи. Адмирал, стуча кулаком по столу, кричал, что гражданские чины показали свою полную негодность. У Белоруссова после этого приёма, по возвращении домой, был сильнейший сердечный приступ. Но когда к Колчаку обратился городской голова с просьбой освободить из тюрьмы редактора газеты, написавшего после переворота 18 ноября, что Колчаку и министрам место в тюрьме, то адмирал ответил: «Что же? По-своему он тогда был прав: если бы переворот окончился неудачно, мы были бы преступниками». И он тут

же распорядился об освобождении заключённого. Кроль считал Колчака в словах и поступках, несомненно, искренним человеком, патриотом, но его политическая подготовка была ниже средней [12].

После приёмов различных депутатов и просителей адмирал выслушал доклад Сибирской армии, посетил лазареты. В 4 часа Колчак провел смотр на Монастырской площади Екатеринбургского уланского полка. Вечером 17 февраля в городском театре состоялся парадный спектакль в честь Верховного правителя, на нем присутствовали военные чины, гласные городской Думы, представители земского самоуправления, правительственных учреждений и общественных организаций, учащиеся местных учебных заведений и т.д. Колчак прибыл в театр на исходе 9-го часа и был встречен троекратно исполненным гимном «Коль славен», дружным «Ура!» и аплодисментами всего зала. В программу спектакля были включены отрывки из опер «Аида» и «Кармен», оперетты «Барсельеры» и концертное отделение. Закончился спектакль к 12 часам ночи. 18 февраля Верховный правитель отбыл из Екатеринбурга на фронт [13].

Отношение к Колчаку самих горожан было неоднозначным, но в целом население Екатеринбурга относилось к нему лояльно. В конце 1918 г. оно не поддержало возмущение эсеров, а в начале 1919 г. свыше 2000 чел., собравшись в городском театре для встречи Нового года, единогласно постановили отправить адмиралу поздравительный адрес. В нём содержались пожелания «сил, здоровья и успеха в многотрудном деле воссоздания государственной мощи России», выражалась поддержка курса, взятого Колчаком. «Заря возрождения, – заканчивался адрес, – уже забрезжилась, сердца радостно бьются в предвидении светлого будущего. Да поможет Вам Бог». Любопытная деталь: на черновике резолюции к Колчаку обращаются «господин адмирал», но эта фраза зачеркнута, и над ней аккуратно написано старорежимное – «ваше высокопревосходительство». Это показательный факт курса правительства Колчака. На словах заявляя о неприемлемости «большевизма справа», деятели правительства (в подавляющем большинстве – военные), по воспоминаниям Кротя, говорили: «Пусть [Колчак – авт.] доберётся до Москвы; мы им покажем тогда Учредительное собрание!» [15].

Рабочие также выражали поддержку Колчаку. Так, в Баранчинском заводе образовался «комитет помощи Армии Российского правительства», состоящий из служащих и рабочих завода. Комитет на заседании 15 февраля 1919 г. постановил своей целью «всяческое содействие, как материальному благополучию армии, так и популяризации идеи возрождения России» и слал Верховному правителю «пожелания всяческого благополучия и успехов на пути его служения Родине в эти тяжёлые дни» [16]. Не обошли вниманием Верховного правителя раненые. Раненые и больные 3-го лазарета Екатеринбургского союза городов, собравшись на ёлке, поручили передать через начальника Уральского края С.С. Постникова Верховному правителю их «приветствия и лучшие пожелания» [17]. Все эти примеры свидетельствуют о том, что сам Колчак и его политика находили отклик и поддержку в самых разных группах населения.

Следующий приезд Колчака состоялся 8 – 10 мая, на второй день была даже запланирована поездка для отдыха и охоты на реке Исеть, но из-за дождя она не состоялась [18]. Посещение Екатеринбурга связано было с проведением съезда промышленников, экстренно созванного на 10 мая для решения экономических вопросов и выработки мер по поднятию уральской промышленности. Колчак прибыл утром 8 мая. На вокзале он был встречен командующим армией генералом Гайдой, высшими чинами Сибирской армии, представителями земства города. После встречи на вокзале Колчак посетил штаб Сибирской армии, где принимал доклады, и где были прочитаны сводки о ходе действий Западной армии [19]. В три часа дня на Кафедральной площади Верховный правитель произвёл смотр войск. Особое внимание обращали на себя ударный батальон, только что вернувшийся с позиции, кавалерийские части, английский военный оркестр. На правом фланге в числе начальствующих лиц находились представители союзных, чехословацких и сербских войск [20]. По окончании смотра войска под звуки английского оркестра прошли церемониальным маршем. Будберг пишет: «Войск на парад вытащили много, говорили, чуть ли не до 25 – 30 тысяч, но я предпочёл бы видеть один настоящий полк старого порядка... среди разнообразных форм неприятно поражали чешские колпачки ударных полков, заменившие наши фуражки. Некоторые части одеты в английское обмундирование... в массе выглядят аккуратно и для неопытного глаза даже внушительно, остальные части одеты порядочными оборванцами» [21]. Смотр, в отличие от февральского посещения, был открытым – присутствовало большое количество публики. Вечером в поезде Верховного правителя состоялось совещание с командующим армией генералом Гайдой, который после обеда показал Колчаку чешскую «мастерскую-фотографию» [22].

В назначенный день съезд в составе до 600 делегатов приступил к работе в здании Общественного собрания. Огромный зал был переполнен. Базовыми вопросами были: приравнение железнодорожных заказов к военным. Промышленники ехали в надежде обеспечить себе «выгодные цены и рабочие руки» [23]. На съезде планировалось обсуждать вопрос об урегулировании заработной платы на Урале и продовольственный вопрос. Ввиду их важности для рабочего населения Министерством труда командировался помощник управляющего отделом охраны труда инженер Василевский [24].

На открытии съезда выступил сам Верховный правитель. По свидетельству Гинса, «адмирал сначала прочёл заготовленную речь, потом сказал несколько слов от себя, и вышло это у него очень хорошо. Обеспечение рабочего продовольствием и предметами первой необходимости, установление для него надлежащих норм оплаты труда, извлечение из армии незаменимых квалифицированных рабочих с сохранением их военнотружущими, сказал адмирал, сделают больше, чем милитаризация заводов или военное их управление» [25]. Будберг дал скептическую оценку: «Речь неяркая, невыпуклая, видимо, наспех набросанная; голос адмирала, глухой, невыигрышный, ещё более терял в огромном сыром зале с железобетонным потолком» [26].

На съезде высветилось тяжёлое положение уральской промышленности. Важнейшая проблема – разруха, начавшаяся ещё с 1917 г., усугублялась недостатком топлива. Ещё в конце декабря 1918 г. начальнику Уральского края докладывали, что из-за недостатка и дороговизны древесного топлива отдельные заводууправления Урала начали переходить на минеральное топливо [27]. Вторая проблема – продовольственная. Было решено отпустить заводам часть казённого хлеба [28]. Третья – бюрократизация. Многие из присутствующих призывали власть «не быть оторванной от общения с народом», к некой «децентрализации», «уничтожению мертвящего бюрократизма». Хотя, конечно, не забывали говорить здравицы в честь Верховного правителя и признательные слова в адрес армии [29]. Съезд, безусловно, не прибавил оптимизма Колчаку. Сложная экономическая ситуация накладывалась на надвигающуюся военную катастрофу.

В дальнейшем пребывание Верховного правителя в Екатеринбурге было кратковременным: 31 мая и, по возвращении из Перми, 2 июня и 1 июля. Это уже было другое время. Обстановка на фронте всё более обострялась, а в июле они оставили большую часть Уральского региона и отошли на восток. В июне Колчак принял традиционный парад. А 1 июля адмирал даже не выезжал в город, выслушал в вагоне более чем двухчасовой доклад главнокомандующего фронтом Дитерихса, провёл беседы с военными и вечером отбыл на центральный участок фронта, в Златоуст [30].

Поездки Верховного правителя России в Екатеринбург, в один из крупнейших административных, политических и промышленных центров страны, во всей полноте раскрывают успехи и проблемы, победы и поражения правительства Колчака, отражают динамику белого режима на востоке России. Они никогда не были формальными, носили деловой характер, были до предела насыщенными. Триумфальным можно назвать пребывание Колчака в феврале 1919 г., оно подводило своеобразный итог трехмесячного пребывания его в высокой должности. Результат обнадеживал адмирала и вселял уверенность в правильности взятого курса. Вероятно, импонировало Верховному правителю и почтительное отношение региональной власти, уральской политической элиты и гражданского населения края. Вернувшись в Омск 26 февраля, Колчак принимает решение перенести Ставку в Екатеринбург, мотивируя это близостью фронта. И хотя многие из окружения адмирала отговаривали его от этого шага, опасаясь, что Омск утратит свою роль центра политической власти, Колчак настоял на своём. Он приказал генералу Гайде перенести штаб своей армии из Екатеринбурга в Пермь, что тот и сделал [31]. Весной в городе начались подготовительные работы к приёму и размещению Ставки, при которой непременно, помимо военных служб, должны были находиться правительственные учреждения во главе с чиновниками в ранге заместителей министров. Вместе с городскими властями в реализации плана участвовал генерал С.А. Домонтович [32]. Но эта работа вскоре была прекращена из-за отступления армии Колчака. Так Ставка осталась в Омске.

1. Александр Васильевич Колчак в исторических документах, исследованиях, письмах и воспоминаниях // Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2003. С. 268 – 269.
2. Там же. С. 276.
3. Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи // Последние дни Романовых. М., 1991. С. 39 – 40.
4. Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М., 2008. С. 12 – 13.
5. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель... С. 144.
6. Наш Урал. 1919. 18 февраля; Александр Васильевич Колчак в исторических документах... С. 422.
7. Кроль Л.А. За три года: воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1921. С. 166.
8. Александр Васильевич Колчак в исторических документах... С. 422.
9. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель... С. 145.
10. Александр Васильевич Колчак в исторических документах.... С. 422 – 423.
11. Там же. С. 425.
12. Кроль Л.А. За три года: воспоминания, впечатления и встречи. С. 167.
13. Наш Урал. 1919. 18 февраля; Александр Васильевич Колчак в исторических документах... С. 425 – 426.
14. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 19. Л. 4-5.
15. Кроль Л.А. За три года: воспоминания, впечатления и встречи. С. 166 – 167.
16. ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 19. Л. 22.
17. Там же. Л. 7.
18. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2001. С. 29 – 30.
19. Александр Васильевич Колчак в исторических документах... С. 435; Будберг А.П. Дневник белогвардейца. Воспоминания. Мемуары. С. 23.
20. Наш Урал. 1919. 9 мая; Александр Васильевич Колчак в исторических документах... С. 435.
21. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. Воспоминания. Мемуары. С. 26 – 27.
22. Наш Урал. 1919 .9 мая; Александр Васильевич Колчак в исторических документах... С. 435; Будберг А.П. Дневник белогвардейца. Воспоминания. Мемуары. С. 28.
23. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920. С. 343 – 344.
24. Наш Урал. 1919. 9 мая.
25. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920. С. 344.
26. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. Воспоминания. Мемуары. С. 31.
27. ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 51. Л. 54.
28. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920. С. 345.
29. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920. С. 345; Правительственный вестник. 1919. 24 июня.
30. Плотников И.Ф. Колчак в Екатеринбурге // Уральский следопыт. 2004. № 11. С. 36 – 37.
31. Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель... С. 145.
32. Плотников И. Ф. Колчак в Екатеринбурге // Уральский следопыт. 2004. № 11. С. 36.

К.С. РАИЦКАЯ

г. Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯН В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ СЕЛА ПАРНАЯ ШАРЫПОВСКОГО РАЙОНА)

История Гражданской войны в Сибири хорошо изучена в сибиреведении, но в последнее десятилетие значительное внимание стало уделяться исследованию проблем социального поведения масс в переломный период истории, выяснению причин сложного разлома, наступающего в обществе [1]. В своей статье, основанной на материалах школьного музея с. Парная, мы анализируем эволюцию настроений сибирских крестьян в период Гражданской войны.

Давно замечено, что войны, гражданские конфликты приводят к огромной психологической напряженности, к искажению картины мира в сторону утопизма. На протяжении всего описываемого периода массовые настроения характеризовались мозаичностью, появлением новых «групповых настроений». На основе источников личного происхождения (воспоминаний участников Гражданской войны в Шарыповском районе, записанных учителем Парнинской школы М.П. Монохиной в конце 1960-х гг.) мы проведем свой анализ. В фондах школьного музея сохранилось более десятка воспоминаний участников Гражданской войны. Подавляющее большинство из них – воспоминания жителей, боровшихся с колчаковским режимом и бандитами, но они содержат интересные сведения о настроениях в селе в этот драматический период, которые позволяют нам реконструировать общественные настроения большей части сельского социума.

К началу Гражданской войны численность жителей с. Парная насчитывала 888 душ обоего пола, которые проживали в 165 дворах. По социальному составу преобладали середняки и зажиточные, т.к. село расположено в районе, находящемся на плодородных и сравнительно хорошо освоенных землях, близ главных транспортных путей, соединяющих Енисейскую губернию с другими районами Сибири [2]. К сожалению, из-за отсутствия репрезентативного источника нельзя точно указать имущественное положение жителей села.

С лета по ноябрь 1918 г. события Гражданской войны практически не затронули жителей с. Парная. Свержение советской власти не всколыхнуло жителей, они пассивно наблюдали за происходящим, поскольку политические взгляды их были неустойчивы. С приходом к власти Колчака в ноябре 1918 г. по всей Сибири последовала конфискация продовольствия и лошадей, но более всего возмущение населения вызывала насильственная мобилизация в белую армию. Вначале забирали мужчин, а затем и юношей 17-18 лет. Массовые мобилизации и конфискации вызывали сопротивление крестьян колчаковскому режиму, причем как со стороны бедноты, так и

со стороны остальных слоев деревенского населения. Поэтому с осени 1918 г. в губернии началось массовое партизанское движение. Оно охватило и Шарыповский район. На его территории был создан партизанский отряд М.Х. Перевалова, в котором воевали и жители с.Парная – крестьяне-бедняки В.З. Соловиченко, Д.С. Столяров и др. По воспоминаниям, сохранившимся в школьном музее, мы знаем, что в марте 1919 г. подпольная группа с. Парная и отряд Перевалова совершили рейд по колчаковским тылам, дабы оттянуть на себя часть карательного отряда, посланного для ликвидации партизанского отряда П. Щетинкина [3].

Мародерство и кровавые расправы колчаковцев породили не только активные формы сопротивления, но и пассивные. В с. Парная значительная часть жителей не ушла с партизанами, но активно им помогала. Когда в 1918 г. карательный отряд обосновался в селе, начались кровавые расправы. Каратели схватили Павла Раицкого, пытали, требовали назвать всех, кто в селе сочувствовал партизанам. Тот молчал. Тогда один из солдат выхватил шашку и отрубил Павлу ухо. Роман Кузьмич Мандрыкин спрятал младшего брата Павла Кузьму в коробе, закрыв навозом, вывез на зимник, там он скрывался около месяца. Семья Мандрыкиных активно сотрудничала с партизанами: мать пекла хлеб для партизан, Роман Кузьмич (тогда подросток) возил партизанам патроны и хлеб [4].

Но среди жителей села были те, кто сотрудничал с карателями и доносил на земляков, сотрудничавших с партизанами. Особой жестокостью славились в селе зажиточные братья Тархановы. По их доносу погибло более 20 односельчан [5]. Среди тех, кто погиб по вине Тархановых, – Миша Перцев, которому не было и 14 лет. «Его повели на казнь вместе с братом. Ребенок просил отпустить его, не знал он ничего о партизанах, но каратели не пощадили его. Один из убийц крикнул: «А ну, беги в гору!» Миша знал – пощады не будет и остался стоять на месте. Тогда один из палачей стал бить его прикладом, мальчик отбежал шагов на тридцать – тот выстрелил ему в спину» [6].

После ликвидации советской власти в Парной появилась банда уголовников – братьев Егора и Ивана Родионовых, местных жителей. Один из них был осужден советской властью за убийство. Численность их отряда превышала 35 чел. Они были хорошо вооружены [7]. В феврале 1919 г. банда Родионовых ворвалась в село, и начались жестокие немотивированные расправы над односельчанами. По доносу Овсянникова (писаря в банде Родионовых) было расстреляно 70 односельчан. Издевались, как могли. Петра Ставропова раздели донага, заставили играть на гармошке, плясать, петь, а потом у проруби на озере расстреляли. Подростков Веру и Федора Баченкиных, а также Василия Совостьянова расстреляли у горы (крайний дом по левой стороне на выезде из села в Ужур). Несколько человек расстреляли на горе (сейчас там стоит обелиск памяти этих событий). Более сорока человек уничтожили в логу (сейчас там построена улица Гагарина) [8].

Весной 1919 г., когда потеплело и стал таять снег, трупы начали разлагаться, над селом стоял смрад. Только тогда бандиты разрешили перезахоронить

родных. Узнать покойных было невозможно. Всего за годы Гражданской войны было расстреляно, погибло в боях с колчаковцами и бандитами 82 жителя с. Парная. На месте их захоронения был в 1919 г. поставлен памятник.

Таким образом, источники личного происхождения, находящиеся в фондах школьного музея с. Парная, позволяют утверждать, что сибирское крестьянство было оппозиционно любой власти, которая его материально притесняла. Значительная масса крестьян не имела четких политических убеждений. Можно согласиться с утверждением А.П. Шекшеева: «Поведение крестьян определялось «моральным напряжением», присущим деревне в эпоху социальных потрясений» [9].

1. Жулаева А.С. К вопросу о нравах крестьян Восточной Сибири в первой половине 1920-х годов // Духовно- исторические чтения. Красноярск, 1998. С. 33 – 36.; Шекшеев А.П. Победитель Соловьева // Люди и судьбы 20 века. Красноярск, 2002. С. 26 – 31; Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006; Ефремов И.В. Антисоветские выступления бывших красных партизан Енисейской губернии в годы Гражданской войны и коллективизации // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Красноярск, 2009. Т. 1. С. 72 – 75; Шекшеев А.П. Критический обзор новейших публикаций и концептуальный взгляд на историю Гражданской войны в Енисейской губернии // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Красноярск, 2009. Т. 1. С. 177 – 180.
2. Некос В.В., Рычкова С.Г, Янушкявичюс Р.А. История православия земли Ужурской. Красноярск, 2009. С. 132.
3. Из воспоминаний Д.С. Столярова. Музей школы с. Парная.
4. Из воспоминаний Р.П. Мандрыкина. Музей школы с. Парная.
5. Из воспоминаний Е.П. Боярской. Музей школы с. Парная.
6. Из воспоминаний Р.П. Мандрыкина. Музей школы с. Парная.
7. Шекшеев А.П. Мы в родной тайге, Соловьев, с тобой // Альманах «Белая гвардия». № 8. М., С. 256-263.
8. Из воспоминаний В.З. Соловиченко. Музей школы с. Парная.
9. Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее... С. 71.

А.П. РАКОВА

г. Омск, Омский государственный историко-краеведческий музей

УЧАСТИЕ МОРСКИХ ОФИЦЕРОВ В БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ В СИБИРИ (1918 – 1919 гг.)

Трагедии российского офицерства в первые годы советской власти посвящено немало исследований в виде монографий, отдельных статей, воспоминаний бывших офицеров, художественных произведений и т.п. Однако тема, обозначенная в заголовке статьи, изучена далеко не достаточно. Частично она освещена в моей книге «Омск – столица Белой России» (Омск, 2010). Данная статья посвящена офицерам Балтийского флота. Это новый небольшой вклад в изучение темы.

Первые дни большевистского переворота 1917 г. не вызвали существенных перемен на Балтике. Первая мировая война еще не закончилась. На Северном фронте, Главному командованию которого подчинялся Балтийский флот, шли бои. Немцы рвались к Ревелю (ныне – Таллинн) и Петрограду, и большевики боялись, что своими нововведениями они могут потерять флот.

Однако на десятый день советской власти появился декрет СНК о полной реорганизации управления флотом. Согласно декрету во главе управления была поставлена вобравшая в себя всю полноту военной власти т.н. Верховная морская коллегия (а на Балтике – Центробалт).

В декабре 1917 г. появился декрет об отмене чинов, званий и формы. Большинство флотских офицеров не приняли советской власти. Они считали служение ей несовместимым с понятиями о совести, чести и воинском долге. Началась массовая подача рапортов об отставке со службы, что вызвало сильное возмущение Центробалта. Офицеров обвинили в предательстве и саботаже. Их дела передали на рассмотрение в Верховную морскую коллегия, а весной 1918 г. на основании распоряжения наркома по морским делам П. Дыбенко многие из них получили уведомление об увольнении без права получения пенсии. Боевые офицеры, участники русско-японской и первой мировой войн, некогда командовавшие крейсерами, броненосцами, миноносцами и целыми эскадрами, вдруг стали не нужны своей стране, оказались без средств к существованию и без надежд на будущее. Началось рассеяние балтийских офицеров: одни сразу уехали за границу, другие устремились на юг или восток России, чтобы влиться в ряды зарождавшегося антибольшевистского движения.

Один из бывших военных моряков, в годы «Великой войны» служивший на Балтике и имевший фигуральное значение в годы Гражданской войны в России, – это адмирал Александр Васильевич Колчак. Его имя стало широко известно, когда он в 1915 – 1916 гг. был флаг-офицером оперативной части Штаба командующего Балтийским флотом, а затем – командиром I Минной дивизии. Его боевые операции, как отмечали сослуживцы, всегда были смелы

и неожиданны, принося славу русскому оружию. В ноябре 1918 г., когда в стране полыхала Гражданская война, Колчак стал военным и морским министром Директории, а после при поддержке монархически настроенных офицеров и казаков совершил в Омске переворот и был провозглашен Верховным правителем и Верховным главнокомандующим, объединив в себе всю полноту военной и гражданской власти. Жесткий диктаторский стержень был тогда просто необходим для обуздания колебавшейся политической сферы и укрепления антибольшевистской государственности.

В Омске Колчак многое сделал для собирания бывших офицеров-балтийцев. Немалую роль здесь сыграло образование морского отдела при Штабе Сибирской армии. Впоследствии при правительстве Колчака было создано Морское министерство. Морской отдел изначально был невелик и занимался в основном регистрацией находившихся в Омске и проезжавших его морских офицеров. Первое время отдел возглавлял Казимиров (1885 – ?), к сожалению, данных о нем пока не найдено. Многих офицеров-моряков удалось убедить остаться в Омске или в Сибири. Им находили или создавали для этого необходимые должности.

Один из первых прибыл в Омск капитан 1 ранга И.И. Ладыженский – соратник Колчака по I Минной дивизии. Он не только приехал сам, но и привез с собой группу офицеров, проделал трудный путь из Финляндии в Сибирь. Отправкой добровольцев для пополнения рядов белого движения занималась подпольная офицерская организация «Великая Единая Россия», созданная в Петрограде. Ее организатор – В.В. Дитерихс (1891 – 1951) – летчик морской авиации, выпускник Морского кадетского корпуса (1911), участник первой мировой войны, имел 4 боевых ордена и Георгиевское оружие. С установлением советской власти он вступил в ряды РККФ и вскоре создал там подпольный офицерский союз, насчитывавший более 100 чел. В ноябре 1919 г. чекисты раскрыли заговорщиков и многих из них арестовали. Но Дитерихс сумел избежать ареста и вскоре покинул Родину, нелегально перейдя границу.

Когда морской отдел при Штабе Сибирской армии вырос до Управления по делам личного состава флота, его возглавил контр-адмирал В.В. Ковалевский (1872 – 1950). У него имелся большой опыт по формированию и управлению подразделениями. Этот навык Ковалевского активно использовался, когда на реках Урала и Сибири создавались боевые флотилии.

Начальником технического управления Морского министерства был М.И. Федорович (1872 – 1936) – офицер-черноморец, специалист по минным заграждениям. Его заслугой было создание Камской речной флотилии. Почетную должность начальника личной канцелярии Верховного правителя получил А.А. Мартынов (1881 – ?) – участник русско-японской и первой мировой войн. Контр-адмирал К.В. Шевелев (1881 – ?) – выпускник Морского кадетского корпуса и Николаевской морской академии, герой обороны Порт-Артура и участник Моозундского боя, был награжден Георгиевским оружием. Шевелев один из первых после Октябрьской революции

подал рапорт об уходе, считая, что большевистская власть погубит флот, за что был арестован. Но по требованию возмущенных матросов, служивших под его началом, Шевелев был выпущен на свободу, после чего уехал в Сибирь. Здесь он командовал сухопутными частями колчаковской армии. После Гражданской войны Шевелев эмигрировал.

Начальником объединенной санитарно-эвакуационной части фронта и тыла Колчак назначил адмирала барона О.О. Рихтера (1871 – ?). Основной задачей санитарно-эвакуационной части было устройство и размещение госпиталей и лазаретов, оборудование фронтовых летучих поездов и бань, устройство врачебно-питательных пунктов, дезинфекция поездов и т.п. Именно Рихтеру, волевому и решительному офицеру с большим опытом руководящей работы, было поручено навести порядок на станции Куломзино под Омском, где в августе 1919 г. скопилось большое количество поездов с ранеными, беженцами, больными. Городу угрожала эпидемия тифа, отмечались массовые вспышки заболевания. Рихтер в кратчайшие сроки навел порядок, обеспечив разгрузку станции, распределение раненых по госпиталям. Больным и беженцам предоставили американский поезд, пропускавший через свои дезинфекционные камеры и бани до 3 000 человек в день.

В одном из писем к А.В. Тимеревой Колчак, назначенный командовать Черноморским флотом, говорил, что ему жаль оставлять любимый Балтийский флот без лучших офицеров – Руденского, Фомина и Смирнова – их он забрал с собой к новому месту службы. Капитан 1 ранга Д.П. Руденский (1882 – 1952) – выпускник Морского кадетского корпуса (1902), участник русско-японской и первой мировой войн, спасал население Мессины после сокрушительного землетрясения 1908 г. После революции был в Архангельске начальником Гидрологической экспедиции Карского моря. В январе 1919 г. уехал во Францию, но вернулся в Россию, в Сибирь, и принял участие в формировании боевых речных флотилий колчаковской армии. Капитан 1 ранга Н.Г. Фомин (1888 – 1964) – сослуживец Колчака по I Минной дивизии, удостоен Георгиевского оружия. Уволенный с флота в марте 1918 г., он перебрался на Волгу, где летом того же года вступил в ряды Народной Армии Комуча. Создал там Волжскую речную флотилию, стал начальником ее штаба. Колчак поручил Фомину сформировать новые речные флотилии на реках Каме и Белой. М.И. Смирнов (1887 – 1937) – друг и один из первых биографов Колчака. В 1917 – 1918 гг. – начальник морского отдела Русского заготовительного комитета в США, с прикомандированием к русскому посольству в Вашингтоне. С 20 ноября 1918 г. – управляющий Морским министерством в Российском правительстве. Тогда же произведен в контр-адмиралы. Успешно командовал речной флотилией на Каме. После Гражданской войны эмигрировал.

Особое место среди флотских офицеров, принимавших участие в белом движении в Сибири, занимает Б.А. Вильницкий (1889 – 1961). Выпускник Морского кадетского корпуса, участник русско-японской войны, с 1913 г., решив пойти по стопам отца, стал заниматься исследованиями Арктики. Составил подробные карты северного побережья Евразии и арктических островов. С приходом к власти адмирала

Колчака Вильницкий в августе 1919 г. по его заданию провел Карскую ледокольную экспедицию, среди задач которой, наряду с гидрологией, было создание мощной сети радиостанций и баз от рек Западной Сибири до Белого моря.

По имеющимся сведениям, среди участников белого движения было и немало молодых морских офицеров – продолжателей военных флотских династий. Но известны имена лишь отдельных из них. Например, личным адъютантом Колчака был лейтенант М.М. Копелов (1890 – ?). Упоминание о нем мы находим в письме от 14 февраля 1919 г. А.В. Тимеревой к Колчаку, находящемуся тогда в рабочей поездке на фронте.

В Перми в те дни произошла встреча Колчака со старшим лейтенантом В.С. Макаровым – сыном прославленного флотоводца адмирала С.О. Макарова, героя обороны Порт-Артура. Сын прославленного адмирала служил в Перми в должности помощника флагман-артиллериста Камской боевой речной флотилии. Колчак тепло встретил молодого офицера, они долго беседовали, но когда Верховный правитель, чтобы обезопасить В.С. Макарова, предложил ему перевод на штабную работу, тот категорически отказался. Впоследствии Макаров получил звание капитана 2 ранга, продолжал сражаться с большевиками на Урале и в Сибири в составе боевого речного флота. После краха белого движения Макаров уехал в США, где занимался исследованием истории белых речных флотилий, публиковался в печати.

Лейтенант Г.Э. Вирен (1895 – ?) – сын героя обороны Порт-Артура адмирала Э.Н. Вирена. После убийства отца взбунтовавшимися матросами в 1917 г. Вирен-младший приехал в Омск к своему деду, коллежскому советнику, директору учительской семинарии. С началом Гражданской войны лейтенант Г.Э. Вирен вступил в белую армию.

Балтиец, лейтенант И.М. Де-Кампо-Сципион (1882 – 1919) после революционных событий покинул столицу и через некоторое время, как и многие другие флотские офицеры, оказался в Сибири. С созданием Обь-Иртышской боевой речной флотилии он вошел в ее ряды, служил в должности ротного командира. В одном из боев погиб.

Как видно, морские офицеры Балтийского флота сыграли важную роль в формировании соединений белой армии Сибири. Их таланты и боевые навыки находили различное применение. Это направление в изучении истории белой армии Сибири является чрезвычайно интересным и обещает много новых открытий.

В.В. РУДЗИНСКАЯ

Москва, Научный центр историко-генеалогических исследований

СИСТЕМА ВЛАСТИ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА А.В. КОЛЧАКА ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Г.К. ГИНСА

Воспоминания Георгия Константиновича Гинса (1887 – 1971 гг.) по праву считаются наиболее информативным и достоверным мемуарным источником по истории государственной власти и управления белой Сибири. Будучи членом трех последовательно сменявших друг друга правительств (Временного Сибирского, Временного Всероссийского и колчаковского Российского), Гинс знал работу высшей администрации изнутри. Прекрасные аналитические способности, компетентность, основательный опыт юридической и административной работы, честность и беспристрастность позволили ему воссоздать весьма полную и живую картину правительственной жизни востока России в период с июня 1918 по январь 1920 гг.

Важнейшим фактором полноты и достоверности сообщаемых им сведений стало то, что его воспоминания были написаны не много лет спустя, как обычно случается с мемуарами, а непосредственно после крушения власти А.В. Колчака. Российское правительство было ликвидировано 5 января 1920 г.; в двадцатых числах того же месяца Гинс добрался до Харбина и сразу же начал писать воспоминания, чувствуя себя обязанным наиболее точно запечатлеть для потомков все перипетии уходящего момента истории. В результате самоотверженной работы ему удалось в кратчайший срок, к октябрю 1920 г., завершить свой объемный двухтомный труд, далеко выходящий за рамки обычного произведения мемуарного жанра. Книгу Гинса можно было бы назвать и подробным отчетом об организации и деятельности сибирских правительственных структур, и аналитическим государствоведческим исследованием. Действовавшее в Харбине Общество Возрождения России подготовило двухтомник к изданию, и в 1921 г. он был отпечатан в типографии Русской духовной миссии в Пекине. Впоследствии труд Гинса неоднократно переиздавался. Последнее, наиболее выверенное издание с приложениями и справочным аппаратом, увидело свет в 2008 г. [1].

Гинс начинает свою книгу с общего обзора ситуации в России к началу 1918 г., составленного в основном по материалам печати. Разумеется, гораздо ценнее личные наблюдения автора, касающиеся событий в Сибири с января 1918 г., с момента переезда Гинса из большевистского Петрограда в Омск. Спокойная работа в должности профессора гражданского права Омского политехнического института была прервана в июне 1918 г. «Переворот произошел неожиданно, – пишет Гинс, – всякий, кто мог, должен был помочь новой власти. Вместо скромной профессорской деятельности меня захватил водоворот политики» (с. 14).

1 июня 1918 г. Гинс вступил в должность управляющего делами Западно-Сибирского комиссариата, временного центрального правительственного органа, действовавшего до момента окончательного формирования нового

правительства. 30 июня, когда приступило к работе Временное Сибирское правительство, Гинс также получил в нем место управляющего делами. Тот же пост он занял 4 ноября 1918 г. во Временном Всероссийском правительстве, которое унаследовало аппарат Временного Сибирского правительства.

18 ноября 1918 г. Совет министров ликвидированного Временного Всероссийского правительства принял название «Совет Министров Российского Правительства» (далее – Совмин), объявил себя носителем высшей государственной власти в России и сразу же передал эту прерогативу А.В. Колчаку, которого назначил Верховным правителем и Верховным главнокомандующим. Подавляющее большинство членов колчаковского Совмина составляли бывшие деятели Временного Сибирского правительства: председатель П.В. Вологодский, министр финансов И.А. Михайлов, министр снабжения И.И. Серебренников, министр земледелия Н.И. Петров, министр юстиции (бывший министр внутренних дел Временного Сибирского правительства) С.С. Старынкевич, министр труда Л.И. Шумиловский, министр продовольствия Н.С. Зефилов, министр народного просвещения В.В. Сапожников. (При перечислении членов правительства Гинс забыл упомянуть министра путей сообщения Л.А. Устругова и министра торговли Н.Н. Щукина). Два члена кабинета: министр иностранных дел Ю.В. Ключников и государственный контролер Г.А. Краснов вступили в свои должности в короткий период Директории (Временного Всероссийского правительства).

Лишь четыре фигуры в правительстве были новыми: военный министр генерал Н.А. Степанов, морской министр контр-адмирал М.И. Смирнов, министр внутренних дел А.Н. Гаттенбергер, а также профессор Г.Г. Тельберг – новый управляющий делами (с. 235). Гинс по собственной инициативе отказался от этой должности и лично рекомендовал на нее Тельберга (с. 238). Тем не менее, Гинс входил в состав обновленного Совмина как заместитель министра просвещения Сапожникова (тот вместе со своим министерством находился до апреля 1919 г. не в Омске, а в Томске). Таким образом, как отметил мемуарист, в Российском правительстве время от времени проявлялась «наличность трех наслоений: сибирского, директорского, колчаковского» (с. 236).

В воспоминаниях Гинса содержатся уникальные сведения о попытке распределить компетенцию членов правительства по двум основным группам вопросов. «...В Совете министров, – пишет он, – вскоре поднялся вопрос о разделении министров на две группы. Одна из них должна была заняться разработкой экономических вопросов, другая – вопросов политических» (с. 236). Странно, что профессор гражданского права воспринимает эту идею не критически. Каждый специалист по истории государственных учреждений, знакомый с деятельностью высших органов власти и управления любого периода и любой страны, засвидетельствует невозможность подобного разделения компетенции правительственных лиц, образующих коллегиальное установление.

Разумеется, у членов Совмина в этом случае также ничего не вышло. Был реализован обычный в подобной ситуации вариант создания «малого кабинета» из министров с важнейшими функциями. Председатель Совмина Вологодский, министр внутренних дел Гаттенбергер, министр иностранных дел Ключников, министр финансов Михайлов и управляющий делами Тельберг составили так называемый «Совет Верховного правителя», в котором решались крупные вопросы внутренней и внешней политики. (с. 234) Одновременно эти члены правительства по-прежнему входили в Совмин и занимались вместе с другими коллегами обсуждением полного спектра текущих вопросов государственной жизни. Совет Верховного правителя был учрежден 21 ноября 1918 г.[2].

Примечательно свидетельство Гинса о том, что заседания Совета Верховного правителя нередко проходили с участием «случайных лиц, военных или гражданских, приглашенных по тому или другому поводу адмиралом». С первых заседаний постоянным участником Совета стал И.И. Сукин – начальник Дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего (с. 234, 236).

Здесь уместно сконцентрировать внимание на важнейшем аспекте, во многом проясняющем особенности системы власти Российского правительства. Гинс сообщает уникальные сведения о роли Ставки Верховного главнокомандующего как своеобразного правительственного органа. По точному замечанию мемуариста, «адмирал – Верховный главнокомандующий, поглотил адмирала – Верховного правителя вместе с его Советом Министров». В Ставке «были свои министерства. Сукин из Ставки диктовал указания Министерству иностранных дел. Лебедев (начальник Штаба Верховного главнокомандующего – В.Р.) решал вопросы внутренней политики. Особая канцелярия Верховного, так называемый «Оскаверх», законодательствовала» (с. 247).

Возвращаясь к вопросу о разделении компетенции Совмина и Совета Верховного правителя, отметим следующее интересное, хотя отчасти спорное, свидетельство Гинса: «Самостоятельная работа Совета Верховного правителя имела последствием то, что Совет Министров отошел от политики. Нередко он узнавал о важных решениях и актах одновременно и даже позже частных лиц. Совет Министров стал заниматься почти исключительно законодательством, утратив в значительной степени функции органа управления» (с. 236).

Утверждение Гинса об утрате Совмином управленческих функций вызывает удивление. Логичнее было бы констатировать прямо противоположное: учреждение отошло от решения вопросов государственной политики и сосредоточилось на текущих управленческих делах. Материалы фонда Совмина показывают, что так и было в действительности. Высший правительственный орган совершенно увяз в массе текущих дел административного управления. Обширная переписка Управления делами и Общей канцелярии Совмина свидетельствует о том, что учреждению приходилось решать едва ли не все вопросы государственной и хозяйственной жизни, вплоть до таких мелких дел, как расследование случаев незаконных реквизиций военными властями общественных и жилых помещений в Омске, Томске и Семипалатинске, выдача

ссуд омским фабрикантам, организация передвижных библиотек и киноустановок, наложение штрафа на редактора газеты «Свободная Сибирь» [3]. Как видим, говорить о снижении роли Совмина как органа управления не приходится.

Гинс не сообщает о том, что первое изменение в составе членов правительства и структуре министерств произошло 27 декабря 1918 г., когда министр снабжения Серебренников был уволен с должности в связи с ликвидацией министерства, а министр продовольствия Зефиоров стал министром снабжения и продовольствия [4].

Зато подоплека следующего изменения состава высшей администрации, произведенного через несколько дней, описана в мемуарах подробно. Дело на сей раз коснулось самого автора, который стал товарищем министра иностранных дел. Этому назначению предшествовала борьба Ключникова и Сукина за решающее влияние на дела внешней политики. Сукин, в силу личного доверия к нему Верховного правителя, достаточно быстро оттеснил конкурента на второй план, и недовольный Ключников ушел в отставку (с. 269 – 270). Гинс не называет дату этого события, но на основании документов Совмина выясняется, что оно произошло 31 декабря 1918 г. [5]. Министерство иностранных дел принял во временное управление Вологодский, который провел Гинса в свои заместители. Тот, в свою очередь, настоял на том, чтобы должность товарища министра наряду с ним получил Сукин. В Совмине ведомство иностранных дел представлял Гинс, но такой порядок вещей сохранялся недолго. Вскоре Гинс тяжело заболел, и за время его продолжительного отсутствия на службе министром иностранных дел был утвержден Сукин (с. 269 – 270, 314).

В апреле 1919 г. было образовано Государственное экономическое совещание, председателем которого стал Гинс (с. 364 – 365). Эта должность делала его полноправным членом Совмина (министром без портфеля). Как раз тогда наступил разгар правительственного кризиса, который довольно подробно описан в мемуарах. Началось с того, что члены Совмина распались на две враждующие группы. В более сильную, возглавляемую Михайловым, вошли, кроме него, Сукин, Смирнов, Гаттенбергер, Тельберг, Петров, Зефиоров и Гинс. Состав противоположной группы не ясен, но можно понять, что в нее входили все остальные члены правительства, за исключением Вологодского, старающегося сохранять нейтральную позицию. По словам Гинса, министры работали в «атмосфере взаимного недоверия и даже враждебности». Далее приведены конкретные факты: «Старынкевич воюет с Михайловым, стараясь его всячески ущемить; военный министр Степанов пикируется с министром внутренних дел Гаттенбергером, а председатель Совета Министров чувствует себя беспомощным и не знает, как ему быть» (с. 315). Порой ситуация доходила чуть ли не до вооруженного противостояния: «Военный министр по доносу контрразведки посылает своих чинов арестовать должностное лицо Министерства внутренних дел, а министр внутренних дел приказывает оказать сопротивление силой. Проис-

ходит скандал. По городу носятся слухи о столкновении частей войск» (с. 316).

Ситуация нормализовалась после ряда отставок правительственных лиц. 19 апреля 1919 г. добровольно ушел Зефиров, обвиненный в совершении невыгодной для казны закупочной операции (с. 314 – 316). Его заменил К.Н. Неклютин. В тот же день под давлением Степанова и при содействии директора Департамента милиции В.Н. Пепеляева из состава Кабинета был выведен Гаттенбергер. Его место занял Пепеляев (с. 332 – 333).

Ответным ударом группы Михайлова стало решение вопроса об отставке 6 мая 1919 г. Старынкевича, Сапожникова и Шукина. Вместо Старынкевича министром юстиции стал Тельберг, оставшийся одновременно в должности управляющего делами. Министерство торговли вместо Шукина было временно поручено министру финансов Михайлову, ставшему, по выражению мемуариста, «министром в квадрате». Сапожникова на посту министра народного просвещения заменил его бывший заместитель П.И. Преображенский. Таким образом, пишет Гинс, «получилось не столько обновление, сколько сокращение состава Совета» (с. 333 – 334).

В том же месяце благодаря невероятным усилиям Михайлова и Сукина удалось добиться отставки Степанова, пользовавшегося личным расположением Колчака. Пост военного министра занял начальник Штаба генерал Д.А. Лебедев, вскоре замененный генералом А.П. Будбергом. Внутренние конфликты в Совмине прекратились, и с мая по июль 1919 г. «ничто ... не мешало спокойной работе» (с. 335).

Затем трения возобновились. 15 августа 1919 г. Гинс, «не удовлетворенный политикой министров Тельберга, Михайлова и Сукина, и пользуясь поддержкой Совмина», принял на себя посты уволенного управляющего делами и министра юстиции Тельберга (с. 220). Одновременно Михайлов был заменен Л.В. фон-Гойером (с. 397) [6]. Предполагавшаяся отставка Сукина не была утверждена Верховным правителем, тем не менее, члены кабинета вновь консолидировались на основе общей программы деятельности.

В октябре 1919 г. в состав Совмина вошли прибывшие в Омск лидеры кадетской партии А.А. Червен-Водали, П.А. Бурыйшкин и С.Н. Третьяков (с. 432). Эти талантливые политики и государственные деятели могли бы способствовать налаживанию правительственной работы, но времени уже не осталось. В следующем месяце в связи с начавшейся эвакуацией государственных учреждений Совмин переехал из Омска в Иркутск, потеряв непосредственную связь с Верховным правителем. 23 ноября 1919 г. председателем Совмина стал Пепеляев, которого месяцем позже заместил на этом посту Червен-Водали. 23 декабря новый военный министр генерал М.В. Ханжин и управляющий Министерством путей сообщения А.Н. Ларионов образовали «Совет трех», заменивший Совмин в решении неотложных дел (с. 539 – 540). По верному определению Гинса, это была уже «агония власти» (с. 536). Меньше, чем через две недели, Российское правительство пало.

Таким образом, воспоминания Гинса позволяют воссоздать многие важные детали организации власти Российского правительства, вплоть

до закулисной борьбы в Совмине. Приведенные выше замечания и уточнения автора доклада носят частный характер и нисколько не снижают значения этого уникального исторического источника.

1. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). М., 2008. 672 с. (Далее сноски на это издание приведены в тексте).
2. Хандорин В.Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск, 2007. С. 181.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 33, 34, 89, 94, 130; Оп. 3. Д. 32, 90;
4. ГАРФ. Путеводитель. Т. 4. М., 2004. С. 222; Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России. М., 2006. С. 442.
5. ГАРФ. Путеводитель. Т. 4. М., 2004. С. 222.
6. Дневник В.Н.Пепеляева. 1918 – 1919 // Окрест Колчака: Документы и материалы. М., 2007. С. 98.

НОНКОНФОРМИЗМ СИБИРСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 1920-е ГОДЫ

Раннюю советскую историю с ее социальными потрясениями: революцией, Гражданской войной, последующей модернизацией – невозможно полноценно осветить без анализа молодежного движения, его проблем и противоречий. За многие годы в советской историографии сформировалось устойчивое представление о сугубо комсомольском молодежном прошлом 1920-х гг. С комсомолом были связаны успехи молодого поколения в производстве, учебе, спорте. О большом количестве юношей и девушек, не входивших в организацию, если и говорили, то только в целях усиления политической агитации и пропаганды в среде несоюзной молодежи. Повседневная жизнь молодежи исследователями практически не изучалась. Альтернативные организации если и упоминались, то исключительно в негативном свете, демонстрируя победоносное шествие коммунистических союзов в борьбе с политическими и идеологическими конкурентами.

В последние два десятилетия ситуация изменилась. В различных регионах страны стали выходить научные работы, демонстрирующие принципиально иные подходы к анализу молодежного движения советской России [1]. Стали рассматриваться социально-психологические, организационные, культурные, национальные аспекты в русле молодежной проблематики [2]. Впервые исследователи обратились к изучению некоммунистических организаций. Однако следует признать, что сегодня в этом направлении сделано еще очень немного.

В психологии и философии под нонконформизмом понимается стремление индивида противодействовать любому оказываемому на него психологическому давлению путем отстаивания собственной позиции, действуя прямо противоположным образом тому, что навязывается другими людьми, наперекор существующим правилам и социальным нормам. Проявления нонконформизма – это инакомыслие, бунтарство, стремление во всем занимать особую, индивидуальную позицию [3]. Представляется, что теория нонконформизма может быть использована для характеристики молодежного движения в исторической ретроспективе 1920-х гг.

Следует различать два основных направления нонконформизма в среде молодежи исследуемого периода: комсомольский нонконформизм, который демонстрировал внутренние разногласия и течения в самой организации, а также нонконформизм несоюзной молодежи, не разделявшей основные коммунистические идеи, существовавшей изолированно, разобщенно, или объединенной в какие-либо альтернативные организации. Важно, что для каждого направления был характерен как пассивный нонконформизм, выразившийся в неподчинении и идеологическом сопротивлении, так и радикальный, отличающийся действиями насильственного характера, доходящими до экстремизма [4].

Целью данной публикации является анализ неконформистских настроений внутри комсомольских организаций Сибири в 1920-е гг.

Первые комсомольские организации в Сибири стали возникать в конце 1919 г. Их активная деятельность развернулась сразу после освобождения территории края от войск адмирала Колчака. Местные организации комсомола создавались под руководством партийных комитетов и представителей политотделов частей Красной Армии, гораздо реже по инициативе самой молодежи. На руководящие должности часто назначали случайных людей, которые не обладали соответствующими способностями, навыками и знаниями. Поэтому, если работа организации не удовлетворяла активистов, то происходили перевыборы волостных, уездных, городских бюро и комитетов. Как правило, в отчетах по этому поводу сообщалось, что после перевыборов работа в ячейке оживилась и вошла в правильное русло [5], и никогда не упоминалось о судьбах тех людей, которые лишились своей должности. В большинстве организаций действительно «смена власти» проходила мирно, но существовали и такие, где внутренняя борьба велась достаточно продолжительное время, вплоть до вмешательства вышестоящих органов и РКП(б). В этом смысле любопытна история, связанная с организацией Сибирского бюро РКСМ (Сиббюро). Для работы в Сибири ЦК комсомола и ЦК РКП(б) решили создать координирующий орган – Сиббюро. Для этих целей из Перми и Москвы в начале 1920 г. были направлены Ф. Ютт, И. Маврин, А. Мильчаков и еще 9 человек. По всей видимости, с подобной позицией не были согласны многие представители местного комсомольского движения, в частности, руководители Омской губернской организации. В официальных отчетах позиция конфронтации не нашла отражения. Но в своих воспоминаниях А.И. Мильчаков отмечал: «присланное в Омск из Москвы областное бюро РКСМ на месте признавать не хотели и много высказывали возражений против назначения» [6]. Эту мысль подтверждает и тот факт, что некоторое время Омский губком отказывался работать с Сиббюро: не присылал отчеты, связь держал непосредственно с ЦК РКСМ.

В ноябре 1920 г. Сиббюро вынуждено было обратиться в ЦК РКСМ с заявлением о неподчинении ряда организаций и предложениями, касающимися дальнейшей работы. Виновником сложившейся ситуации в сообщении объявлялся именно Центральный Комитет. Сиббюро называло ненормальным положение, когда вся связь и руководство комсомольскими организациями Сибири осуществляется через губернские отделы. И предупреждало о возможном развитии «областных тенденций, имеющих к этому благоприятную почву, ибо сам ЦК компрометирует работу своего областного центра». Выход из сложившейся ситуации бюро видело в установлении сибирского централизма: «Основой всякой руководящей работы является централизм, без этого нет руководящего органа, а есть надстройка, оторванная от непосредственно руководства массами молодежи» [7]. Централизм в Сибири должно было осуществлять Сиббюро.

Непростая ситуация была в Алтайской губернии. В своих воспоминаниях работник Алтайского губкома А. Мунгалов указывал, что к весне 1921 г. внутри алтайского актива чувствовались значительные трения. Со стороны некоторых работников проявилось недовольство линией местного руководящего органа, направленной на расширение аппарата. «Аппарат губкома разбух. При губкоме выделены были секретариаты по городским и уездным делам, усилилась приказная форма работы. На местах аппарат получил глубокое извращение. Бийский уездный комитет во главе с секретарем тов. Худолеевым превратился в военный штаб, а комсомольцы все почти стали чекистами» [8]. Внутри коллектива сформировались две группировки: одна под руководством секретаря губкома Зинченко, другая оппозиционная под руководством Стробыкина и Арсенова. Склока внутри актива могла привести к губительным последствиям для алтайской организации. Оппозиционеры собирали тайные совещания, пытались создать партийную фракцию. Лишь вмешательство Сиббюро и очередное переизбрание губкома позволили избежать раскола комсомольского союза. Наиболее активные оппозиционеры были из Алтайской организации переведены на работу в другие регионы.

Нонконформизм молодежи проявился в выходе из состава комсомола. Разочаровавшись в комсомольских организациях, молодежь их покидала. Добровольный выход из организации был обусловлен разными причинами. Для многих комсомол оказался совершенно не той организацией, о которой они мечтали. Если на первом этапе комсомольские организации мало чем отличались от других: ставились спектакли, организовывались праздники, вечерки, то очень скоро увлеченность комсомольцев культурно-просветительной деятельностью была признана неправильной. Ужесточалась дисциплина, основным занятием стала политическая грамота. Комсомольцы узнавали, что они должны записываться добровольцами на фронт, участвовать в субботниках, в сборе средств для голодающих, агитировать за добровольное выполнение разверстки и т.п. Отказаться от традиционного для села досуга – вечерних гуляний с гармошкой, танцев, употребления спиртных напитков – было еще сложнее. Проводимая экономическая политика по отношению к крестьянским хозяйствам заставляла молодое поколение усомниться в правильности предпринимаемых властью действий. Сказывалось влияние родителей (запрещающих участвовать в комсомольских делах), трудное материальное положение, маленький паек, а также порой женитьба. Так, члены Лапинской организации РКСМ Тюкалинского уезда Омской области в количестве 14 человек выписались из союза, говоря: «Лучше кататься с женой на катушке» [9].

Таким образом, приведенные примеры позволяют сделать вывод о широком спектре разнообразных проявлений нонконформизма в среде молодежи Сибири в 1920-е гг. В это время комсомол еще не превратился в доминирующую молодежную организацию, вел ожесточенную борьбу со своими конкурентами. Существовала возможность добровольного выхода из состава РКСМ, относительно свободной критики без серьезных последствий.

1. Слезин А.А. Молодежь и власть: из истории молодежного движения в Центральном Черноземье 1921 – 1919 гг. Тамбов, 2002 . 220 с.; Стецура Ю.А. Молодежь в постреволюционном преобразовании России в 1920 – 1930-е гг. М., 1998. 179 с.
2. Мусалимов Р.Н. Национальные союзы молодежи России (1917 – 1929 гг.). Бирск, 1996. 152 с.
3. Давлетчина С.Б. Словарь по конфликтологии. Улан-Удэ, 2005. С. 56.
4. Исаев В.И. Военизация молодежи и молодежный экстремизм в Сибири (1920-е – начало 1930-х гг.) // Вестник НГУ. Т. 1. Вып. 3. История. Новосибирск, 2002. С. 63 – 70.
5. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО) Ф. П-187. Оп. 1. Д. 118. Л. 195 – 196.
6. Годы Наши Комсомольские: из воспоминаний омских комсомольцев двадцатых годов. Омск, 1958. С. 15.
7. ГИАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 14. Л. 5-5 об.
8. ГАНО. Ф. П-187. Оп. 1. Д. 118. Л. 290-291.
9. Наш край (Тара). 1921. 8 марта.

М.М. СТЕЛЬМАК

г. Омск, Центр изучения истории Гражданской войны
(Исторический архив Омской области)

ОБРАЗ И.А. МИХАЙЛОВА

В МЕМУАРАХ Г.К. ГИНСА И А.П. БУДБЕРГА

Среди незаурядных деятелей, работавших в правительстве адмирала Колчака, следует выделить личность Ивана Андриановича Михайлова. Родом он был из Забайкальской области, где в Карийской каторжной тюрьме отбывал наказание его отец – Андриан Фёдорович Михайлов. Своё образование И.А. Михайлов получил в Читинской мужской гимназии, а затем – на юридическом факультете Петроградского университета. Вскоре, после образования отдела Всероссийского земского союза, его поставили заведовать его петроградским отделением. После Февральской революции Михайлов находился на службе в Министерствах продовольствия, снабжения и финансов. Но в следующем году Иван Андрианович привлёк внимание властей из-за своих политических воззрений и был арестован, однако дело вскоре было прекращено, и его отпустили на свободу [1].

Михайлов в 1917 г. активно работал в Центральном бюро профсоюзов в Петрограде. После Октябрьской революции он переехал в Москву, где с декабря 1917 г. состоял товарищем председателя Петроградского союза сибиряков-областников. В 1918 г. Михайлову поступило предложение взять на себя заведование финансовым отделом крупнейшего союза кооператоров «Центросибирь», в связи с чем он переезжает в Омск. В Сибири он вскоре стал довольно известен в антибольшевистских кругах, и поэтому в ночь с 25 на 26 января на конспиративном заседании в Томске был избран в состав Сибирской Областной Думы. Однако им не было дано согласие на вхождение в состав правительства, так как он не знал о своём избрании до июня 1918 г., когда после свержения советской власти в Сибири становится министром финансов Временного Сибирского правительства. Главный финансовый пост И.А. Михайлов сохранял до 16 августа 1919 г., при этом с 6 мая 1919 г. являлся временным управляющим Министерства торговли и промышленности. В то же время современниками отмечалось его большое влияние на Совет Министров.

Прежде всего, И. А. Михайлов известен своими реформами по восстановлению на востоке России разрушенной финансовой системы и денежного обращения государства. Главные силы в реформировании государственных финансов белой России возлагались на кредитные билеты нового «американского образца», первый заказ которых был произведён в США Временным правительством ещё в 1917 г. Но они стали поступать в денежное обращение лишь летом 1919 г., что плохо сказалось на реформе [2]. К срыву денежной реформы привело и неудачное изъятие из обращения «керенок». В результате 16 августа 1919 г. Михайлов был отправлен в отставку с поста министра, хотя за ним сохранилось членство в Государственном экономическом совещании и совете Министерства финансов.

С эвакуацией правительства адмирала Колчака из Омска И.А. Михайлов некоторое время жил в Иркутске. В 1920 г. эмигрировал в Китай, жил в Харбине, где организовал кружок для изучения экономики стран Дальнего Востока. Скоро на основе кружка было создано экономическое бюро при Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Служил в японской военной миссии. В 1930-е гг. был близок к К.В. Родзаевскому, лидеру фашистской партии в Маньчжурии. Однако политические убеждения И.А. Михайлова были неясны. В начале революции он казался социалистом-революционером [3]. Но в Омске он проявил себя сторонником умеренной демократической политики, и всегда поддерживал решительные меры, направленные против левых течений революции, причем обнаруживал, по воспоминаниям Г.К. Гинса, «много смелости, находчивости и несомненную даровитость» [4]. В эмиграции И. А. Михайлов называл себя приверженцем монархизма.

Летом 1945 г., когда Красная Армия вошла в Харбин, документы Главного бюро по делам российских эмигрантов оказались в распоряжении советских контрразведчиков, что и определило судьбу многих белоэмигрантов. И.А. Михайлов был арестован, доставлен в СССР. После проведённого следствия по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР он был расстрелян 30 августа 1946 г.

Одними из информативных исторических источников по изучению истории Гражданской войны являются мемуары. В связи с этим будет важным рассмотреть образ И.А. Михайлова – этой важной фигуры антибольшевистской власти востока России – в мемуарах соратников по белому движению, сопоставить их мнения, вынести общий «политический вердикт». Политическому образу И.А. Михайлова, как таковому, не посвящено каких-либо целостных исторических исследований, в связи с этим освещение данного вопроса является весьма актуальным. Отдельные попытки представить жизнь и деятельность И.А. Михайлова в Омске сквозь призму мемуарной литературы связываются лишь с некоторыми современными работами по истории денежного обращения на востоке России в период Гражданской войны. Среди таких исследователей В.М. Рынков, М.В. Ходяков, А.В. Алямкин, А.Г. Баранов, Д.И. Петин. Но этих авторов интересовали преимущественно финансовые сюжеты, тогда как политические моменты почти не освещались.

Но, возвращаясь к образу И.А. Михайлова в мемуарной литературе, на наш взгляд, прежде всего стоит остановить внимание на записках членов кабинета Российского правительства А.В. Колчака. Начиная разрабатывать эту тему, мы обратились к воспоминаниям барона А.П. Будберга, генерал-лейтенанта, главного начальника снабжения Сибирской армии, с 27 августа по 5 октября 1919 г. военного министра. В его воспоминаниях «Дневник белогвардейца» подвергается резкой критике бюрократия в правительстве, неспособность генералитета выработать тактику борьбы с большевиками. В третьей части описываются события, происходившие в Омске с 29 апреля по 31 октября 1919 г. Мемуары известны, прежде всего, жёсткой, бескомпромиссной и даже зачастую

пессимистичной оценкой происходящего. Такую характеристику дает ему член французской военной миссии Пьер Бержерон: «Тип добродушного скептика. Почти невероятная наблюдательность, огромное чувство юмора, меткость суждений в сочетании с полной безответственностью. Плывёт по течению с циничным безразличием к своему будущему» [5].

Сразу, оказавшись в Омске, он со всей прямотой описывает чересчур оптимистичную ситуацию в ставке, давая нелицеприятную оценку. «Боюсь, что это нездоровый оптимизм, столь свойственный высоким сферам, далеким от действительности и питающимся прикрашенной информацией; старшие войсковые начальники тем же миром мазаны – тоже скрывают правду и замазывают свои грехи. Молодая, задорная, честолюбивая и бесконечно далекая от войск ставка сама не в состоянии разобраться и узнать истину» [6]. По этой цитате сразу виден скептицизм Будберга о положении дел в Омске. Впервые он упоминает министра финансов, описывая впечатления после съезда, посвящённого улучшению положения уральских рабочих. В своей манере он говорит о нём, как об очень влиятельном, но и не всегда компетентном человеке. «Принимая во внимание, что министром финансов числится всесильный в Совете Министров И.А. Михайлов, приходится тревожиться за благополучное будущее сегодняшних резолюций и пожеланий» [7].

Следует сразу отметить, что подобная оценка даётся практически всем членам правительства. Положительно характеризуется лишь личность А.В. Колчака. «Странно, однако, что такие серьезные вопросы решаются помимо Совета Министров, каким-то келейным способом; по конституции, Совету Министров принадлежит огромная власть, но все это сведено на нет созданием совета Верховного правителя, где все вершится так, как того хотят Михайлов и его подголосок дипломатический вундеркинд Сукин, выскочивший неизвестно в силу каких достоинств на пост управляющего Министерством иностранных дел и пытающийся разыгрывать из себя великого дипломата» [8].

Таким образом, на И.А. Михайлова хоть и не возлагается вся ответственность за неудачи, но его политическое воздействие оценивается крайне негативно. Но в то же время признаётся и его сильное влияние по ряду вопросов. «Слышал мельком, что в совете Верховного правителя михайловской компании удалось одержать другую победу над Верховным, сломив его сопротивление по части неприкосновенности золотого запаса, с переводом этого запаса в ресурсы Государственного банка» [9].

В связи с этим, решение об отставке Михайлова воспринимается им положительно, по его мнению, это является свидетельством того, что правительство осуждает свой прежний курс и желает сделать что-то новое. «Раз он жертвует главными китами всемогущей пятерки – Михайловым и Сукиным, наиболее ненавистными для всех персонажами, то все остальное является пустяками» [10]. Как человек прямой, А.П. Будберг не стесняется указывать на Михайлова, как на человека, имеющего большой вес в правительстве, полномочия которого выходят за рамки Министерства финансов, и оказывающего негативное влияние

на Верховного правителя. И, как можно увидеть, воздействие видится Будбергом настолько деструктивным, что удаление Михайлова за пределы правительства воспринимается чуть ли не как решение всех проблем.

Далее следует рассмотреть мемуарное сочинение «Сибирь, союзники и Колчак» Г.К. Гинса, главного управляющего делами Верховного правителя и Совета Министров, грамотного, очень сдержанного человека, рассудительно рассказавшего в своей книге о событиях 1918 – 1919 гг. Практически с первых страниц он заявляет о демократичности правительства, которая, однако, привела к печальным результатам. «В этом отношении правительство Вологодского отвечало требованиям времени, и первые его политические шаги, казалось, предвещали ему блестящее будущее. Но несчастная идея коллегиальности власти, личные нелады членов правительства, их политическая неопытность и, наконец, гибельное влияние чешского вмешательства в политику заставили Сибирское правительство сойти со сцены» [11]. Сам Михайлов, аналогично воспоминаниям А.П. Будберга, признаётся значительной фигурой во Всероссийском правительстве. «Политика, в сущности, была целиком в руках Михайлова. И надо отдать справедливость, он проявил много талантов за время своего почти диктаторского управления и недаром стяжал себе тогда большую известность и расположение широких общественных кругов» [12]. «Интриги были не с его стороны, а со стороны Областной Думы. Он отвечал на них так, как должен был отвечать представитель независимой власти» [13]. Так, мы видим, что у Гинса нет опасений по поводу сосредоточения власти в руках И.А. Михайлова. Он уверен в полнейшей компетентности министра финансов, который, несмотря на весь свой политический вес, зависит и от Думы.

Таким образом, в воспоминаниях Г.К. Гинса и А.П. Будберга можно увидеть, что практически никто из его коллег не сомневался в его политических полномочиях, при этом практически не давая никаких оценок его деятельности в качестве министра финансов. Как в мемуарах сугубо военного человека А.П. Будберга, так и политического деятеля Г.К. Гинса можно увидеть, что И.А. Михайлов являлся не просто министром в составе трех правительств, резиденцией которых в 1918 – 1919 гг. был Омск, но и весьма влиятельной фигурой, имевшей свою группировку политических сторонников.

1. Баранов А. Министры финансов антибольшевистской России: Михайлов Иван Андрианович // Петербургский коллекционер. 2005. № 5. С. 7.
2. Квакин А.В. За спиной Колчака: М., 2005. С. 372.
3. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2007. С. 99.
4. Там же. С. 99.
5. Прости, великий адмирал!... (Эскиз к портрету Александра Васильевича Колчака). Барнаул, 1992. С. 37.
6. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. М., 2001. С. 6.
7. Там же. С. 42.
8. Там же. С. 108.
9. Там же. С. 186.
10. Там же. С. 271.
11. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2007. С. 82.
12. Там же. С. 173.
13. Там же. С. 173.

Т.А. ТЕРЕХИНА

г. Омск, архивное управление

Министерства государственно-правового развития Омской области

ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ БЕЛОЙ АРМИИ И ЦЕРКВИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Знавала ли русская православная церковь спокойные и безоблачные времена? Может, и выпадал на ее долю этот дар божий. Однако апокрифическая литература, документальные источники, романистика свидетельствуют о том, что с момента принятия христианства на Руси шла постоянная борьба с расколом, ересью, а также за чистоту веры и морали среди духовенства и священнослужителей. Не был исключением и период Гражданской войны, становления советской власти. Духовенство, да и все верующие, в очередной раз встали перед выбором: за кем идти?

И, надо отметить, на этот выбор существенно повлияла политика молодой советской республики. Уже в основных положениях Декрета «О земле» изымались церковные и монастырские владения. В декабре 1917 г. был принят ряд постановлений Наркомпроса, отлучающих представителей церкви от участия в образовании, процедурах заключения и расторжения браков, логическим завершением чего явилось принятие 28 января 1918 г. Декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Состоявшийся в марте 1918 г. VIII съезд партии большевиков в п. 13 принятой Программы определил, что «по отношению к религии РКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви», а содействует «фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков» [1].

Это «фактическое освобождение» началось с изъятия имеющихся в церквях и монастырях ценностей, что лично контролировалось В.И. Лениным.

В годы Гражданской войны со стороны советской власти политика по отношению к церкви и верующим становилась все более дискриминационной и репрессивной. Десятки тысяч священнослужителей и мирян, не пожелавших отречься от своей веры, были расстреляны, погибли в застенках и лагерях.

Крестовый поход против русской православной церкви поражал своим размахом, яростью и беспощадностью и к самим верующим, и к историческому религиозному прошлому страны, и к церковным святыням. Он вызывал справедливые возмущения верующих, подрывал авторитет молодой советской власти, разрушал отечественную культуру.

Но и русская православная церковь сразу же после победы Великого Октября проявила свое отношение к молодой республике рядом антисоветских акций. Эти акции выдавались за действия в защиту религии и церкви, хотя в действительности носили чисто политический характер и являлись составной частью усилий свергнутых революцией эксплуататорских классов по восстановлению в России буржуазно-помещичьего строя.

Не религиозными, а политическими мотивами руководствовался патриарх Тихон (Белавин), предавая анафеме членов советского правительства и представителей советской власти на местах: они не были членами церкви и анафематствованию не подлежали. Но анафема дискредитировала их в глазах верующих, провоцировала последних на антиправительственные действия, к чему и стремился глава церкви.

Из политических соображений Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был охарактеризован Тихоном как «акт гонения на религию и церковь», что было воспринято духовенством как призыв к несоблюдению верующими законов новой власти.

Следуя за патриархом, поместный Собор 1917 – 1918 гг. призвал верующих всячески препятствовать проведению данного Декрета в жизнь, не останавливаясь перед крайними мерами, вплоть до вооруженного сопротивления властям: «Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную врагам на поругание» [2].

Отнюдь не религиозными соображениями руководствовались иерархи и священнослужители русской православной церкви, поддержавшие внутреннюю контрреволюцию и иностранную интервенцию, то есть открыто вставшие на сторону прямых и явных врагов советской власти.

Поступая таким образом, патриарх и единомышленники надеялись, что за ними пойдут не только епископат, монашество и духовенство, но и основная масса прихожан православных храмов, благодаря чему советская власть будет изолирована от верующих трудящихся, составляющих основную массу населения.

Отчасти это удалось, т.к. наступившие после принятия Декрета необоснованные репрессии по отношению к священнослужителям РПЦ, представителям ее епископата, в том числе и в Сибири, вызвали сочувствие у определенной части верующих.

Поэтому не удивительно, что в годы Гражданской войны в Сибири большая часть священнослужителей и мирян встала на сторону Колчака, который, будучи весьма религиозным, стремился опираться на духовенство. Главная военная газета «Русская армия», издававшаяся в Омске, приводила слова адмирала: «Единственная наша надежда – это наша святая церковь» [3].

К сожалению, полной картины политики светских и церковных властей по отношению к духовенству и священнослужителям на имеющихся в Историческом архиве Омской области документах проследить невозможно. Объясняется это тем, что огромное количество фондов учреждений Временного Сибирского, Временного Всероссийского и колчаковского правительств, религиозного культа переданы в Москву в Государственный архив Российской Федерации. И лишь отрывочные факты, документы, свидетельства из фондов: Ф. 16 «Омская духовная консистория», Р-1706 «Войсковая управа Сибирского казачьего войска», Р-1707 «Военное управление атамана 2-го отдела Сибирского казачьего войска» дают представление о взаимодействии светских и религиозных властей Сибири в годы Гражданской войны.

Следует отметить, что идеологи белой гвардии делали серьезную ставку на священнослужителей в своей непримиримой борьбе с большевиками. Они использовали их в качестве своеобразных пропагандистов и агитаторов. Так, в одной из телеграмм об отношении к Советам большевиков генерал-майор Сибирского Казачьего войска, одного из оплотов колчаковщины, Волков указывал: «Телеграмму до станичников довести через священников» [4].

В белых армиях кадры военного духовенства были достаточно многочисленны. «Только в армии Колчака имелись должности двух тысяч штатных священников» [5].

Правительство Колчака разработало Положение о дружинах Святого Креста, утвержденное начальником штаба Верховного главнокомандующего 19 сентября 1919 г. В нем, в частности, говорилось: «§1. Дружина Святого Креста есть воинская добровольная часть (рота, батальон), борющаяся с большевиками как с богоотступниками, за веру и Родину. §2. Каждый вступающий в дружину Святого Креста, кроме обычной присяги, дает перед крестом и Евангелием обет верности Христу и друг другу» [6].

В штабе Сибирского казачьего войска был разработан текст присяги для должностных лиц, в котором, в частности, говорилось: «Обещаюсь и клянусь всемогущим богом, перед святым его Евангелием и Животворящим крестом Господним хранить верность державе Российской и ее законному правителю. Во удостоверение сего целую слова и крест Спасителя моего. Аминь» [7].

Нередки были торжественные молебны, проводимые не только в войсковом Никольском соборе, но и в поселковых и иных церквях, по случаю религиозных праздников, военных побед, открытий войскового круга – для укрепления духа воинства. А 24 апреля 1919 г. Войсковой атаман генерал-майор Иванов-Ринов издал приказ № 218 по Сибирскому казачьему войску следующего содержания: «Шлю Вам, славным сибирским полкам и родным станичникам, горячие поздравления с светлым праздником. Да будет Воскресение Христа символом воскресения великой единой нераздельной России!» [8].

Подобные факты служат еще одним подтверждением того, насколько важное значение придавалось религиозно-нравственному воспитанию в войсках белой армии как укрепляющему дух, убежденность, патриотизм, чувство долга в защите Отечества, православной веры и церкви.

Духовная связь армии и церкви подпитывалась конкретной помощью со стороны воинства. Так, в постановлении атаманского станичного правления от 9 июня 1917 г. говорилось о наделении причта Николаевской казачьей церкви Атаманской станицы сенокосными паями» [9].

А священник Усть-Каменогорской Троицкой церкви Василий Федюшин обращается с благодарностью в войсковую управу Сибирского казачьего войска: «На средства инженерного войска Казачья церковь отремонтирована, окрашена внутри масляной краской с живописью художниками...» [10].

Не отходу от белой армии, а авторитету и признанию ее среди мирян способствовали и подобные примеры: в войсковое правление от станичников поселка Ольгинского Николаевской станицы Омского уезда поступила просьба

следующего содержания: «...в основном мы – православные миряне. Нужно помолиться, исполнить требы. Мы хотим построить церковь и просим у войскового правления Сибирского казачьего войска разрешения на порубку леса и помощи в составлении сметы и сбора пожертвований»..., на что пишется резолюция: «Разрешить» [11].

Но самым убедительным аргументом для священнослужителей и мирян в повороте лицом к колчаковской власти явилось то, что первый архиепископ Омской Епархии, Высокопреосвященнейший Сильвестр (Иустин Ольшевский) однозначно и безоговорочно принял Верховного правителя России и проводимую им политику. Более того: «на заседании правительствующего Сената 29 января 1919 г/ в Омске архиепископ Сильвестр привел Совет Министров и Верховного правителя Колчака к присяге, благословив адмирала в Верховные правители России, а в апреле того же года благословил Колчака иконой Христа-Спасителя [12].

На Всероссийском церковном совещании в ноябре 1918 г. в Томске Высокопреосвященный Сильвестр, архиепископ Омский и Павлодарский, избранный главой Высшего временного церковного управления Сибири, отменил Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», вернул церквям и монастырям земли и владения. А они, надо отметить, были значительны. «На одну церковь в Сибири приходилось по 92,56 десятин земли, в то время как средний крестьянский душевой надел по Сибири составлял 13,12 десятин. Кроме того, дополнительно к земельным, церковь получала лесные наделы по 17,5 десятин» [13].

К примеру, «Омский Успенский собор имел владения, равные 840 десятинам 600 сажням, Никольский Войсковой Казачий собор – 489 десятин Покровский мужской монастырь – 838 десятин» [14].

Вернув духовенству и священнослужителям их права и привилегии, восстановив преподавание Закона Божьего, открыв 4386 приходов, 5 духовных семинарий и училищ, архиепископ Сильвестр призвал епископат и духовенство, церковно-приходские общины и их исполнительные органы к неукоснительному соблюдению духовной и моральной чистоты, к уклонению от участия в политических партиях и выступлениях.

Церковная власть Сибири в лице Его Высокопреосвященства архиепископа Омского и Павлодарского Сильвестра была очень сурова и непримирима к нарушениям святых догм церкви. Подтверждением этому есть множество фактов, зафиксированных в документах Омской духовной консистории: «6 августа 1919 г. из Зайсана в Усть-Каменогорск отправляли казаков на службу. Местный священник Геннадий Коченгин в пьяном виде, стуча посохом, произнес большевистскую речь» [15].

По данному факту архиепископу Омскому и Павлодарскому Сильвестру от Зайсанского станичного атамана (подпись неразборчива) поступает рапорт: «В исключительно тяжелое время нам нужны не такие священники, которые занимаются политикой, а действительно пастыри церкви Христовой, которые

могли бы для утешения всем верующим поддержать на должной высоте веру православную» [16], на что архиепископ Сильвестр телеграммой от 22 сентября 1919 г. сообщает, что «священник Коченгин отрешен от места, ему запрещено священнослужение» [17].

На основании рапортов и донесений в Высшее временное церковное управление за участие в большевистской организации лишен диаконского сана и отрешен от должности диакона Омской Епархии Александр Блохин [18], диакон села Кейзесского Тарской волости Геннадий Заровский [19].

А священнику Александру Зефирову из Каркаралинского уезда для лишения сана и исключения из духовного звания оказалось достаточным наличия факта его работы «с 20 мая 1918 г. по 28 мая 1918 г. делопроизводителем в Каркаралинском уезде у Комиссара труда и промышленности» [20].

Надо отметить, что по линии церковного ведомства проработка оступившихся не заканчивалась. Как правило, дела замеченных в политических преступлениях передавались в военно-следственную комиссию, а далее, учитывая степень тяжести преступления – в военно-полевой суд.

В делах о «неблагоповедении», проступках духовных лиц архиепископ Сильвестр был непоколебим и непреклонен. Так, иеромонах Иринарх за святотатство в Омском Казанском женском монастыре — кражу иконы Св. Антиминса, походной Святой чаши, лишен иеромонашеского сана и монашеского чина [21]. А вот реакция архиепископа Сильвестра на «неблагоповедение» священника городского Собора Алексея Батина, который «роняет престиж духовенства, в пьяном виде бродит по улицам Ишима, в городском саду» [22]: «Не могу допустить до престола Божия того священника, который достаточно известен своею нетрезвостью. Лишенных пастырей и святых таинств прихожан отдаю на волю Божию, но совершения святыни нетрезвым духом не благословляю!» [23].

Не только в делах был неутомим глава Высшего Временного церковного управления Сибири Архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр. Его страстное слово гремело с амвонов, в станицах, в войсках. «Во время своих поездок по епархиям и приходам он написал и произнес более ста проповедей, в действующую армию и флот церковным управлением разослано более 60 000 воззваний к воинам» [24]. И это за один только год, при белой власти!

В ноябре 1919 г. Пятая Армия Восточного фронта освободила Омск от белогвардейцев и интервентов. «Верховный правитель Сибири адмирал Колчак выехал в Иркутск, где был выдан Политцентру, состоящему из эсеров и меньшевиков, затем – большевистскому ревкому. После непродолжительного следствия по приговору ревкома от 7 февраля 1920 г. он расстрелян в Иркутске» [25]. В отличие от главы военной власти, Высокопреосвященнейший Сильвестр не покинул город и свою паству. «В тюремном каземате Омского замка допрос и пытки продолжались два месяца, но монах был духа крепкого и несокрушимого: ни в чем не раскаялся и не повинился. Большевики для него навсегда остались антихристами, сокрушителями веры и осквернителями святынь.

Ничего не добившись изнурительными пытками от стойкого духом пастыря, его подвергли долгой и мучительной казни, распяв и прибив к полу гвоздями, прижигая тело страдальца за веру раскаленным шомполом, а потом этим же шомполом проткнули его сердце. И случилось это 26 февраля 1920 г.» [26]. Неукротимый архипастырь Сильвестр всего на 19 дней пережил раба божьего Александра. Они умерли в фанатичной убежденности, что боролись и отдали свои жизни за Веру и Отечество.

В последние годы усилился интерес историков, краеведов, романистов как к проблемам белого движения, событиям Гражданской войны в Сибири, так и к личностям, стоящим во главе военной и церковной власти в этот период. Расширение источниковой базы, привлечение новых архивных документов, опубликованных в периодической печати не только в России, но и за рубежом, наметили тенденцию к аналитическому рассмотрению периода белого режима, к объективной, внепартийной и более разносторонней оценке личностей идеологов военного и церковного ведомств.

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 54. М., 1957. С.206.
2. Церковные ведомости. 1918. №3-4. С. 20.
3. Бударин М.Е. Православие в Сибири // Русское православие в Сибири: история и современность. Омск, 1995. С. 11 – 12.
4. Исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 32. Л. 56.
5. Фабрика Ю.А. Церковь и армия в России. Новосибирск, 1997. С. 87.
6. Там же. С. 82.
7. Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 1506. Л. 53.
8. ГИАОО. Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 248А. Л. 186.
9. Там же. Л. 117.
10. Там же. Д. 13. Л. 52.
11. Там же. Д. 12. Л. 32.
12. Там же. Д. 13. Л. 145-146.
13. Шихатов И.П. Епископы Омской епархии. Омск, 2004. С. 165.
14. Когут М.Т. Поземельное устройство православных церквей на казенных землях в конце XIX – начале XX вв. Русское православие в Сибири: история и современность. Омск, 1995. С. 15.
15. ГИАОО. Ф.16. Оп. 1. Д. 169. Л. 6.
16. Там же. Л. 12.
17. Там же. Л. 10.
18. Там же. Д. .334. Л. 8.
19. Там же. Л. 10.
20. Там же. Л. 8.
21. Там же. Д. 321. Л. 7.
22. Там же.
23. Там же. Д. 276. Л. 6.
24. Там же. Д. 334. Л. 36-37.
25. Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С.114.
26. Шихатов И.П. Архипастырь-бунтарь // Архивный вестник. Омск, 1998. № 6. С. 35.

В.Г. ХАНДОРИН

Москва, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

А.В. КОЛЧАК: ВОПРОС О ЕДИНСТВЕ РОССИИ И СОЮЗНИКИ

На примере политики Российского правительства адмирала А.В. Колчака прослеживается бездоказательность инсинуаций об «антинациональности» белого движения. В условиях фактического распада Российской империи после революции и унижительного Брестского мира большевиков с Германией девиз белой армии «За единую неделимую Россию!» сплотил патриотические круги общества, хотя в обстановке упадка национального самосознания в народе не имел большого веса и вызвал враждебность провозгласивших самостоятельность правительств национальных окраин: Польши, Украины (Петлюра), государств Прибалтики и Закавказья. Известно, что в июне 1919 г. глава финского правительства К.Г. Маннергейм предложил А.В. Колчаку как Верховному правителю белой России военную помощь в наступлении армии Н.Н. Юденича на Петроград, при условии признания независимости Финляндии (уже признанной большевиками), но Колчак отверг сделку. При этом сам большевистский вождь В.И. Ленин полагал, что «самой небольшой помощи Финляндии (белым – В.Х.)...было бы достаточно, чтобы решить судьбу Петрограда» [1]. Лишь Белоруссия, народы Северного Кавказа и Туркестана и «внутренние» нацменьшинства России еще не помышляли о независимости. Так, глава правительства Белоруссии Баханович писал А.В. Колчаку в феврале 1919 г.: «Белоруссия не мыслит себя иначе, как в составе общей родины – единой великой России» [2].

Верховного правителя поддерживали лидеры партии кадетов (П.Н. Милюков, В.Н. Пепеляев и др.) [3]. Их орган «Сибирская речь» писал: «Самоопределение мелких народностей – одно из самых нелепых проявлений русской революции... Оторванные от великой России, они будут жалки и ничтожны, они не найдут в своей среде достаточного количества культурных и технических сил...» [4]. Не надо забывать, что в то время имперское сознание доминировало во всех великих державах и выражалось в обладании колониями.

Важнейшим вопросом представлялось международное признание правительства А.В. Колчака. Западные державы после переворота в его пользу насто­рожились: они видели слабость свергнутой демократической Директории, но их тревожили слухи о «реакционных» планах, распространявшиеся эсерами. Американский историк Р. Пайпс свидетельствует, что правительство Великобритании 14 ноября 1918 г. приняло решение признать де-факто Директорию, но обнародовать обращение не успело [5]. По свидетельству английского историка П. Флеминга, первая реакция официального Лондона на известие о перевороте была близка к панике [6]. Управляющий МИД Ю.В. Ключников констатировал: «После дождя приветствий, который был раньше, наступило молчание» [7]. О растерянности главы британской военной миссии А. Нокса вспоминал генерал К.В. Сахаров [8]. Лишь последовавшие заверения Верховного правителя в отсутствии намерений «реставрации» успокоили

западные державы. Все это опровергает подхваченную советской пропагандой версию генерала М. Жанена о причастности английской военной миссии к перевороту и о Колчаке как «ставленнике англичан».

Общим тоном сибирской печати было недовольство «туманной и непонятной линией поведения союзников» («Заря»), отсутствием «ясной последовательной политики» с их стороны («Наша заря») [9]. «Интервенция» великих держав не затронула коренные, внутренние области России и практически не сопровождалась военными действиями. Ни одна из них не объявила войну советской России. Это объяснялось их истощенностью 4-летней мировой войной и популярностью советской власти (в те годы) среди рабочих и демократической общественности Запада. В Сибири практически все формирования союзников стояли в глубоком тылу.

Основная помощь Антанты белым свелась к снабжению оружием и обмундированием. Если Красной Армии достались огромные запасы складов и арсеналов старой русской армии, то белые были вынуждены пользоваться поставками союзников. Парадокс: космополитическому советскому правительству пришлось опираться на собственные силы, а национальное белое движение материально зависело от союзных держав. Но если англичане на Востоке и на Юге (см. мемуары А.И. Деникина) практически безвозмездно отдавали излишки оружия и снаряжения после мировой войны, то со стороны французов, по сути, имела место обычная торговля. США и Япония ограничились ролью наблюдателей на Дальнем Востоке, выжидая развитие событий и соперничая за экономическое влияние. В письме У. Черчиллю глава британской военной миссии при Колчаке генерал А. Нокс, воздавая должное мужеству, патриотизму и честности Верховного правителя, писал: «Его трудная миссия почти невыполнима из-за эгоизма японцев, тщеславия французов и безразличия остальных союзников» [10]. Их разногласия дополнялись слабым знакомством с Россией. «Сибирская речь» иронизировала: «За границей о нашей внутренней жизни имеют такое же представление, как мы о Китае» [11].

По словам управляющего МИД Колчака И.И. Сукина, «Колчак лично никогда не рассчитывал на иностранцев» [12]. Возмущение белых вызвало предложение президента США В. Вильсона и британского премьера Д. Ллойд-Джорджа в январе 1919 г. о созыве на Принцевых островах в Мраморном море международной конференции по русскому вопросу с участием враждующих сторон, включая большевиков. Протесты выразили Русское политическое совещание в Париже, ЦК партии кадетов и его Восточный отдел, Омский национальный блок и ряд других организаций, политиков и органов печати [13]. Идея переговоров с большевиками воспринималась как попытка Запада «умыть руки». Лишь часть эсеров и меньшевиков поддержала идею диалога.

Позднейшие утверждения советской пропаганды, будто инициатива Вильсона и Ллойд-Джорджа была обманным «спектаклем», а белые лидеры – его участниками, лишены оснований. О неожиданности этой инициативы

для них свидетельствуют мемуары Г.К. Гинса и дневники В.Н. Пепеляева [14]. Да и на Западе не все одобрили эту затею. Политической ошибкой сочли ее правительство Франции, ряд деятелей Великобритании во главе с У. Черчиллем, партия республиканцев в США. А.В. Колчак отказался послать представителей на Принцезы острова и объявил в приказе по армии от 26 января 1919 г.: «С убийцами и мошенниками, для которых ни закон, ни договор не писан, разговаривать не приходится» [15]. Конференция не состоялась. Для белых большевики были еще и «немецкими наймитами», и в канун 1919 г. кадетская «Сибирская речь» посылала «новогоднее проклятие... германскому народу – народу-отравителю».

Декларация колчаковского правительства от 7 декабря 1918 г. по поводу окончания первой мировой войны выражала надежду на участие России в Версальской мирной конференции. Была разработана программа для русской делегации, наиболее важными требованиями которой были ограничение права самоопределения наций «культурными», каковой признавалась лишь Польша в этнических границах (для остальных – автономия), и присоединение к России Дарданелл и Босфора, Галиции, Прикарпатской Руси и Буковины [16].

Но Россия получила лишь право на возмещение причиненного войной ущерба от Германии (передавшей Антанте полученную от советской России контрибуцию по Брестскому миру, условия которого аннулировались). Версальская конференция постановила отложить рассмотрение вопроса о международном статусе и границах России до окончания Гражданской войны. В связи с этим и неприглашением на мирную конференцию в стане белых росло чувство ущемленного достоинства великой нации, понесшей огромные потери на войне и три года державшей второй фронт, без которого не было бы победы союзников. Недоумевали даже иностранцы. Парижская газета «Фигаро» назвала отсутствие делегатов России на конференции «странным явлением», чреватым последствиями, в которых история потребует отчета от современных политиков [17].

Иные западные лидеры вынашивали идею окружения советской России «санитарным кордоном» малых государств, включая ее национальные окраины, что узаконило бы распад Российской империи. Д. Ллойд-Джордж в одной из речей напомнил слова Б. Дизраэли, видевшего в ее расширении угрозу Великобритании. При этом недооценивалась опасность возрождения германского милитаризма, особую угрозу представлявшего для Франции. Поэтому правая французская пресса ратовала против расчленения России, дабы сохранить сильного союзника. В Англии эту позицию разделяли консервативная партия и военный министр Черчилль, имевший репутацию «лучшего друга национального (белого – В.Х.) движения за границу» [18].

Внешне союзники приветствовали в лице белых «великую Россию», не признали суверенитета территорий Закавказья и Украины. Но летом 1919 г. последовали признания де-факто независимости Финляндии и государств Прибалтики. Белая пресса вопрошала: почему союзники, с легкостью признавая отделение чужих территорий без согласия их

хозяев, не дадут свободу собственным колониям? Обращалось внимание и на неисполнение обязательства о передаче России Дарданелл и Константинополя; представлявшее белую Россию за рубежом Русское политическое совещание в Париже во главе с князем Г.Е. Львовым заявило протест на обсуждение судьбы бывшей Османской империи без участия России. В свете этого, отношение к союзникам ухудшалось. Кадетская пресса писала, что моральные обязательства возможны лишь в отношении тех из них, кто окажет реальную помощь. В.Н. Пепеляев отмечал в дневнике: «Для нас на первом месте наша Россия, и мы должны быть свободны в выборе союзников» [19]. Нуждаясь в поставках союзников, А.В. Колчак хотя и считался с ними, но твердо отстаивал национальные интересы России, вопреки мифу советской пропаганды о «ставленнике Антанты». По воспоминаниям его сотрудников, адмирал, «мало эластичный и слишком твердо державшийся идеи великодержавной России, в сношениях с иностранцами шел неизменно по линии наибольшего сопротивления» [20].

Так, в ответ на врученный ему в декабре 1918 г. мандат французского генерала М. Жанена, уполномоченного Антантой командовать всеми войсками в Сибири, в т.ч. русскими, Верховный правитель заявил, что скорее откажется от иностранной помощи, нежели согласится на это. В результате Жанен получил командование только над союзными войсками. В дальнейшем Колчак отказался передать под охрану союзников золотой запас. По воспоминаниям Г.К. Гинса, при этом он без обиняков заявил: «Лучше пусть это золото достанется большевикам, чем будет увезено из России» [21].

И еще яркий пример: Владивостокский инцидент осенью 1919 г. После информации о подготовке восстания командующий военным округом генерал С.Н. Розанов ввел в город дополнительные войска, в т.ч. на территорию, занятую японцами и американцами. Дальневосточное «союзное» командование в ответ потребовало полного вывода русских войск из Владивостока, угрожая силой. Реакция Колчака была предельно жесткой. В приказе Розанову от 29 сентября 1919 г. он писал: «Повелеваю Вам оставить русские войска во Владивостоке... Сообщите союзному командованию, что Владивосток есть русская крепость, в которой русские войска подчинены мне и ничьих распоряжений, кроме моих и уполномоченных мною лиц, не исполняют. Повелеваю Вам оградить от всяких посягательств суверенные права России на территории крепости Владивосток, не останавливаясь, в крайнем случае, ни перед чем... Адмирал Колчак» [22]. Проявление твердости достигло результата: «союзники» стушевались.

На фоне впечатляющих побед армии Колчака весной 1919 г. на Западе наметилась склонность к признанию его правительства. Такие призывы зазвучали на страницах британской «Таймс», французских «Фигаро» и «Матэн», американской «Нью-Йорк таймс», в речах ряда политиков. Иные сравнивали его с Наполеоном, который «усмирит» революцию, сохранив лучшее из ее завоеваний. Польская газета «Курьер Поранны» отмечала: «Колчак так же теперь в моде на Западе, как некогда царь» [23].

26 мая 1919 г. пять ведущих держав Антанты (Англия, Франция, США, Япония и Италия) в обращении к Колчаку изъявили готовность признать его правительство всероссийским при условиях, что он преследует демократические цели и не посягает на права нацменьшинств. Взгляды Верховного правителя были далеки от демократии и интернационализма, но игнорировать союзников он не мог, нуждаясь в военных поставках. Ответ [24] был составлен дипломатично, в целом подтверждая запрошенные принципы, но с такими оговорками, что его можно было истолковать по-разному. В письме премьеру П.В. Вологодскому министр иностранных дел С.Д. Сазонов предрекал: «Дальнейшие шаги в сторону официального признания...будут несомненно находиться в прямой зависимости от военных успехов» [25].

И действительно, в ответном послании от 24 июня державы Согласия хотя и выразили удовлетворение и обещали дальнейшую помощь, но в вопросе признания правительства Колчака заняли выжидательную позицию. Единственным государством, де-юре признавшим его правительством всей России в мае 1919 г., была Югославия, издавна связанная с Российской империей тесными узами и видевшая в белых ее преемников. Но позиция этой небольшой страны серьезного значения не имела.

Если не считать англичан, помогавших белым больше всех прочих, вместе взятых, и державшихся корректно, другие «союзники» больше вредили междоусобной борьбой и амбициями. Позже, когда предприятие, в котором они так или иначе участвовали, окончилось неудачно (для них, прежде всего, убытками), их представители обвиняли в этом друг друга: англичане французов – в нерадивости и эгоизме; французы англичан – в безоговорочной поддержке режимов Колчака и Деникина без попыток их коррекции, что, по их мнению, привело к развитию худших черт этих режимов; те и другие обличали американцев в попустительстве большевизму; и все вместе возмущались хищническим поведением японцев. Со временем надежды на союзников таяли. Часть сибирских политиков и военных вынашивали мысли о перемене ориентации на Германию, исходя из того, что после разгрома в мировой войне она не опасна России (Н.В. Устрялов, отчасти В.А. Жардецкий) [26], либо на Японию (В.Н. Пепеляев, М.К. Дитерихс) [27]. Но эти планы не нашли поддержки у Колчака из-за сомнительных перспектив.

После крушения колчаковского фронта и падения Омска союзные правительства практически прекратили помощь. В заключение следует отметить, что главнокомандующий белыми армиями Юга России генерал А.И. Деникин и его окружение выражали полную солидарность с великодержавной национальной политикой адмирала А.В. Колчака. Данные факты полностью развеивают спекулятивные версии об «антинациональности» белого движения.

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 348.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 208. Л. 249.
3. Свободный край (Иркутск). 1919. 26 июня; Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАО). Ф. Д-158. Оп. 1. Д. 2. Л. 109.
4. Сибирская речь (Омск). 1919. 4 июня.

5. Пайпс Р. Русская революция. Т. 3. М., 2005. С. 45.
6. Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. М., 2006. С. 123.
7. За спиной Колчака. М., 2005. С. 306 – 307.
8. Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 37.
9. Цит. по: Сибирская жизнь (Томск). 1919. 23 янв.; 5 февр.
10. Флеминг П. Указ. соч. С. 151.
11. Сибирская речь (Омск). 1919. 1 марта.
12. Записки И.И. Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака. М., 2005. С. 455.
13. ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 124. Л. 1; Сибирская речь. 1919. 2 февр.; 14 февр.
14. ГАРФ. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 47. Л. 38 об.
15. Сибирская жизнь (Томск). 1919. 4 февр.
16. ГАРФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 9. Л. 16 – 21.
17. Le Figaro (Paris). 1919. March 11.
18. Записки И.И. Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака. С. 423.
19. ГАРФ. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 47. Л. 39 об.
20. Филагьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. Париж, 1985. С. 43.
21. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008. С. 440.
22. Цит. по кн.: Гинс Г.К. Указ. соч. С. 443 – 444.
23. Цит. по: Сибирская жизнь (Томск). 1919. 2 окт.
24. ГАРФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 9. Л. 22–25.
25. Там же. Д. 16. Л. 64.
26. Гинс Г.К. Указ. соч. С. 475; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. М., 2005. Кн. 2. С. 310.
27. ГАНУ. Ф. Д-158. Оп. 1. Д. 2. Л. 100.

А.А. ЦИНДИК

г. Омск, Славянская школа в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

ИСТОРИК С.П. МЕЛЬГУНОВ О РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА

Октябрьская революция положила начало террору, который во время Гражданской войны принял массовый характер как со стороны красных, так и со стороны белых. Крупнейший историк революции и Гражданской войны С.П. Мельгунов посвятил этому явлению одно из своих исследований «Красный террор в России (1918 – 1923)», опубликованное в конце 1923 г. в Германии. В 1930 – 1931 гг. Мельгуновым была выпущена книга «Трагедия адмирала Колчака». В этой работе есть сюжеты, в которых затрагивалась репрессивная политика белых с комментариями автора. В советский период истории про белый террор писали и говорили много, и особенно доставалось в этом плане адмиралу А.В. Колчаку, которого десятилетиями именовали «кровавым диктатором». С.П. Мельгунов был сторонником белого движения и симпатизировал Колчаку, но одновременно как профессиональный историк он работал с опорой на фактический материал, поэтому его исследование и выводы представляются достаточно объективными.

А.В. Колчаку, как и большевикам, пришлось сталкиваться в тылу и с либерально-демократической оппозицией, и с крестьянскими выступлениями. Для обуздания разгулявшейся стихии принимались чрезвычайные меры, которые можно смело охарактеризовать как террористические. Советские историки очень часто ставили в вину Верховному правителю подавление омского восстания 22 декабря 1918 г. Его готовил местный подпольный центр, но контрразведка белых контролировала ситуацию через свою агентуру. В итоге, практически все руководители большевистского подполья были арестованы, а локальное выступление рабочих в Куломзино было подавлено. На допросе в Иркутске Председатель Чрезвычайной следственной комиссии К.А. Попов поставил в упрек Колчаку, что рабочих просто расстреливали на улицах, а никакого боя не было. На что адмирал, находившийся во время восстания в тяжёлом состоянии из-за воспаления лёгких, ответил следующее: «Эта точка зрения является для меня новой, потому что были раненые и убитые в моих войсках, и были убиты даже чехи, семьям которых я выдавал пособия. Как же вы говорите, что не было боя?» Кстати, по количеству расстрелянных лиц обнаружилось большие расхождения. Попов заявлял, что погибло 500 чел., Колчак называл цифру – 70–80, по данным газеты «Сибирская речь» – 114, по приговору полевого суда – 117 [1].

Ещё один из случаев произвола, который ставится в вину А.В. Колчаку, – это расстрел 8 депутатов Учредительного собрания в январе 1919 г. Их расстреляли офицеры из конвойной команды без ведома адмирала. Колчак в это время ещё был тяжело болен, участия в делах не принимал и рассматривал этот самосуд как провокацию для его дискредитации в глазах общественности. По его приказу проводилось расследование.

По мнению Мельгунова, «Колчак сделал всё для того, чтобы выяснить истину. Он сам признавал, что расследовать это дело «чрезвычайно трудно» ввиду «острого противодействия со стороны всех прикосновенных лиц». То, что виновные не были наказаны, объяснялось тем, что Верховному правителю пришлось бы пойти на конфликт с казачеством, и ещё неизвестно, чем бы этот конфликт окончился. Адмирал сделал в этой ситуации всё возможное, чтобы восстановить справедливость – обстоятельства оказались сильнее. В этой ситуации «Колчак мог сделать одно: уйти от власти. Уйти! Легко сказать. Кому передать власть? Иванову-Ринову, опиравшемуся на сибирскую атаманщину? Несуществующей демократии? Не значило ли это тогда же погубить всё дело возможного освобождения России и отдать Сибирь большевикам? ... Оставалось нести свой крест» [2].

Это реалии Гражданской войны. Да, действительно, в течение 1919 г. было немало случаев жестокого отношения к местному населению, были расстрелы подпольщиков и партизан. К сожалению, среди них попадались и невинные жертвы. Не мог Верховный правитель контролировать всё, что происходило на его территории. Добавьте сюда случаи самоуправства со стороны отдельных должностных лиц. Сам А.В. Колчак в телефонном разговоре с председателем Совета Министров В.Н. Пепеляевым высказался по этому поводу так: «Я совершенно не закрываю глаза, ибо мне лучше, чем кому-либо известна вся тяжесть настоящего положения. Основной причиной неудовлетворительности внутреннего управления является незаконная деятельность низших агентов власти, как военных, так и гражданских. Деятельность начальников уездной милиции, отрядов особого назначения представляет собой сплошное преступление. Всё это усугубляется деятельностью военных частей польских и чешских, ничего не признающих и стоящих вне всякого закона. Приходится иметь дело с глубоко развращённым контингентом служащих. Такова среда, в которой приходится работать, но эту работу продолжать необходимо...» [3].

Любая человеческая жизнь бесценна. В Омской области есть много захоронений людей, подпольщиков и партизан, погибших в период власти Колчака. И это вызывает скорбь и сострадание. Современный омский историк В.А. Шудряков отмечает по этому поводу: «Закреплению в советском общественном сознании негативного образа «правителя омского», несомненно, способствовало то обстоятельство, что в семейно- и общинно-бытовой памяти населения ряда районов Урала, Сибири, Казахстана и Дальнего Востока сохранялись недобрые воспоминания о массовых порках колчаковцами дезертиров, лиц, уклонявшихся от мобилизации в армию и скрывавших их родственников, о жестокости белых карательных отрядов, боровшихся против партизанского и повстанческого движения. В то же время воспоминания о карательных действиях другой стороны конфликта всячески искоренялись и гасились, советская репрессивная система 1920 – 1950-х гг. позволяла делать это более чем эффективно. Между тем в борьбе с дезертирством (а оно

в Красной Армии носило порой устрашающий характер – А. Ц.) «политическим бандитизмом» и «мятежами» коммунисты проявляли жестокость не меньшую, чем колчаковцы. Их красный террор, в отличие от белого, был действительно тотальным: более последовательным, системным, более организованным и масштабным» [4].

Но где могилы и захоронения тех, кто был расстрелян в чекистских застенках в ходе Гражданской войны? Их было не меньше. Общеизвестно, как красноармейские команды М.Н. Тухачевского и Н.П. Уборевича уничтожали крестьян во время народных выступлений в Тамбовской и Воронежской губерниях в 1921 г., как расстреливали в Крыму десятки тысяч пленных белогвардейцев по приказу Р. Залкинд (Землячки), именем которой до сих пор ещё названы многие улицы нашей страны, какие масштабы репрессий применялись против восставших и населения повстанческих районов Сибири в первой половине 1921 г.! С.П. Мельгунов отмечал по этому поводу: «Если наша демократическая печать делает Колчака ответственным за сибирскую реакцию, то кто же ответственен за то, что происходило и происходит ныне в России?» [5].

В период недолгого правления Колчака в Сибири происходило много крестьянских восстаний, с которыми белые вели жестокую борьбу в смысле физического уничтожения врага, что в тех условиях было самозащитой. Но многие партизанские отряды перемешивались с анархическими бандами деклассированных элементов, и их «деятельность» носила просто погромный характер. Типичными бандитами были главари типа: Шевелёв-Лубков, Рогов, Каландаришвили. Яркий пример того, к чему привела «бандитская партизанщина» в Николаевске-на-Амуре, приводит С.П. Мельгунов: «После трёх месяцев господства «красных партизан» (с марта 1920 г.) от города остались лишь «сплошная гряда камня, железа, брёвен и проволоки» и 2000 человек из двенадцатитысячного населения. Трудно найти более жуткие страницы человеческого озверения и психопатологии, чем те, которые развернули перед миром партизаны, пополненные наёмными китайцами, во главе с атаманом унтер-офицером Тряпициным, бывшим петербургским рабочим-анархистом, и начальником его штаба «максималисткой» Ниной Лебедевой-Кияшко, племянницей бывшего военного губернатора Забайкальской области» [6].

В период власти Колчака в Сибири, безусловно, были явления негативного характера, которые мы можем отнести к белому террору: самоуправство отдельных отрядов и банд, злоупотребления при проведении мобилизации, казни подпольщиков. Но этот террор не носил массового характера и, по словам С.П. Мельгунова: «Белый террор – явление иного порядка: это, прежде всего, эксцессы на почве разнузданности власти и мести. Где и когда в актах правительственной политики и даже публицистике этого лагеря вы найдёте теоретическое обоснование террора как системы власти? Где и когда звучали голоса с призывом к систематическим официальным убийствам? Где и когда это было в правительстве Деникина, адмирала Колчака или барона Врангеля?» [7].

Таким образом, видение политической ситуации на востоке России в период Гражданской войны сквозь призму работ С.П. Мельгунова, на наш взгляд, представляется достаточно правильным. С.П. Мельгунов – один из тех представителей историографии, чьи оценки обязательно должны быть учтены и использованы современными исследователями этого сложного и неоднозначного периода российской истории.

1. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2: Ч. III. Т. 1. М., 2005. С. 38 — 39.
2. Там же. С. 50 — 51.
3. Мельгунов, С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2: Ч. III. Т. 2. М., 2005. С. 371 — 372.
4. Шудряков В.А. Верховный Правитель России адмирал А.В. Колчак и Сибирское казачье войско // А.В. Колчак – учёный, адмирал, Верховный Правитель России. Омск, 2005. С. 19 — 20.
5. Мельгунов С.П. Красный террор в России (1918 – 1923). Чекистский Олимп. М., 2008. С. 39.
6. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2: Ч. III. Т. 1. М., 2005. С. 177.
7. Мельгунов С.П. Красный террор в России (1918 – 1923). Чекистский Олимп. М., 2008. С. 38.

М.В. ШИЛОВСКИЙ

г. Новосибирск, Новосибирский государственный университет

ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАЧЕСТВ А.В. КОЛЧАКА В СОВРЕМЕННОЙ СИБИРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В контексте многопланового изучения антибольшевистского (белого) движения периода Гражданской войны в постсоветский период происходит, по определению В.И. Голдина, его «интенсивная персонификация» [1]. Ключевой фигурой в этом процессе стал адмирал А.В. Колчак, через личность и поступки которого пытаются осмыслить белое движение, в частности, такую его составляющую, как вождизм. Нарастает поток литературы, посвященной ему: по данным С.П. Звягина, в 1992 – 1998 гг. увидели свет 35 биографических публикаций, по подсчетам В.И. Голдина, в 1993 – 2008 гг. опубликовано не менее 20 книг об адмирале [2]. Серьезное внимание к фигуре Верховного правителя России проявляют сибирские и уральские исследователи.

Одним из первых начал разработку биографии адмирала сибирского периода (ноябрь 1918 – февраль 1920 гг.) И.Ф. Плотников, первая публикация которого по изучаемому сюжету появилась в 1993 г. В этих статьях адмирал Колчак позиционировался как лидер, «практически неподготовленный к политической деятельности» и допускавший просчеты. «Жизнь показала, что адмирал Колчак оказался не столь волевым человеком, как считалось ранее, попадал под влияние тех или иных лиц и групп» [3]. В монографическом сочинении Верховный правитель презентуется как «умеренный демократ и республиканец», с политической платформой, близкой к кадетской, либерально-буржуазной, с сочувствием относящийся к рабочим. Его отличала контрастность характера, «частые вспышки гнева», «нескрываемая раздражительность», «привязанность к спиртному». Повторяется тезис, «что лично он не был, как считалось до выдвижения его в Верховные, волевым, непреклонным, твердым, «железным» (эта оценка его – несомненно ошибочна» [4]. В последнем по времени (2004 г.) тексте И.Ф. Плотников дает более взвешенную характеристику политических качеств лидера сибирской контрреволюции, «к чему был подготовлен лишь отчасти событиями 1917 г. В осуществлении государственных задач были у него крупные достижения и столь же большие ошибки, часто определявшиеся упущениями в подборе помощников и советников. То же и в чисто военных делах». Но «его политический курс, лежавший, в общем, в кадетском русле, был однозначно патриотическим» [5].

С иных позиций личностные и деловые параметры характера А.В. Колчака пытается проанализировать томский историк В.Г. Хандорин. По его мнению, «истинные взгляды Колчака далеко не во всем соответствовали его официальным декларациям». Он был последовательным противником либеральных теорий, «и демократия как способ управления была ему органически чужда,

в особенности после событий 1917 г, связанных с плачевной деятельностью Временного правительства». «...Профессия военного отразилась в итоге и на методах управления Колчаком всеми делами. Не доверяя большинству министров, он взял курс на постепенное сосредоточение важнейших направлений работы в собственных руках, хотя был в них мало компетентен. Для этого он сконцентрировал внимание на Ставке и стал создавать при ней все новые и новые службы. Это не способствовало упорядочению работы правительства, порождало дублирование и разноречивость. Военные различных рангов вмешивались в гражданские дела на всех уровнях» [6]. Касаясь позиции Верховного правителя по национальному вопросу, В.Г. Хандорин констатировал, что он «разделял мнение об отрицательной роли еврейства в русской революции; однако явного антисемитизма в своей политике он не допускал» [7].

В монографических исследованиях по отдельным направлениям истории Гражданской войны в Сибири также содержатся суждения и выводы по интересующему нас вопросу. Так, изучавший правоохранительную политику «колчакии» С.П. Звягин со ссылками на Г.К. Гинса, Г.З. Иоффе, Н. Перейру затрудняется судить о том, насколько А.В. Колчак «был искренен в своей приверженности законности». Решающим фактором в стабилизации режима он считал победы в вооруженной борьбе с большевиками, а не реформаторскую возню в тылу [8].

Проанализировав национальную политику колчаковского правительства, И.В. Нам приходит к обоснованному выводу, что ее «отличало внутреннее противоречие между стратегической великодержавной перспективой и необходимостью отдавать дань демократическим принципам, которых требовала внутренняя и внешняя обстановка. В основе представлений Колчака и его министров о будущем государственном устройстве России, как и других белых правительств, лежала доктрина «целокупной», «единой и неделимой» России. Гражданскую войну адмирал и его окружение рассматривали не просто как борьбу с большевизмом, а как «русское национальное движение». «Но, учитывая сложную военно-политическую обстановку и одновременно масштаб национальных движений, А.В. Колчак избегал открыто заявлять о своих великодержавных устремлениях. Как и А.И. Деникин, он придерживался формулы «непредрешения государственного строя» до окончания Гражданской войны» [9].

Отдельные соображения по изучаемой теме высказали в статьях и тезисах другие сибирские исследователи, о которых, из-за ограничения объема сообщения, я не буду говорить. А в заключение остановлюсь на специфике источников для реконструкции образа Верховного правителя России, используемых историками. Таковыми в основном являются свидетельства людей из окружения А.В. Колчака или часто общавшихся с ним. Уже в первом обобщающем исследовании, посвященном колчаковскому режиму, ее автор С.П. Мельгунов для характеристики личности и государственной деятельности адмирала использовал в основном дневники барона А.П. Будберга и воспоминания Г.К. Гинса.

Однако проведенный мной анализ высказываний мемуаристов (А.П. Будберг, П.В. Вологодский, Г.К. Гинс, И.И. Серебренников и др.) привел к, казалось бы, неожиданному выводу о том, что определенная и устойчивая матрица образа Верховного правителя сформировалась у них еще до знакомства с ним на основе слухов, общественного мнения, поступков А.В. Колчака в качестве ученого, реформатора флота, командующего Черноморским флотом, вообще морского офицера [10].

В частности, П.В. Вологодский о первой встрече с ним во Владивостоке 20 сентября 1918 г. записал следующее: «Вечером посетил меня известный своим героизмом перед требованиями, [выдвинутыми] взбунтовавшимися черноморскими матросами, вице-адмирал А. В. Колчак» [11].

Еще до появления осенью 1918 г. у сибирской антибольшевистской политической элиты сформировалось устойчивое представление о личности А.В. Колчака, его человеческих и управленческих качествах. Поэтому никогда с ним не встречавшийся атаман Г.М. Семенов давал ему следующую характеристику: «Считая его весьма способным администратором, что он и доказал, проведя коренную ломку в нашем морском ведомстве после русско-японской войны, признавая его горячую любовь к Родине и готовность на всякие жертвы во имя ее, я, тем не менее, не был уверен, что адмиралу удастся справиться с ролью Всероссийского диктатора в той сложной обстановке столкновения разных противоположных интересов и стремлений, которые создались в Омске. Вопреки ходячему мнению о несокрушимой воле адмирала и его железном характере, я считал его человеком весьма мягким, податливым влиянию окружающей обстановки и лиц...» [12].

Дискурс «Колчак – политик» рассматривался мемуаристами исключительно с использованием отрицательных характеристик и оценок. Так, Г.К. Гинс впечатление о политических качествах патрона сформулировал в элегантной, но уничтожающей форме: «Адмирал был политически наивным человеком. Он не понимал сложности политического устройства, роли политических партий, игры честолюбий как фактора государственной жизни. Ему было совершенно недоступно и чуждо соотношение отдельных органов управления, и поэтому он вносил в их деятельность сумбур и путаницу, поручая одно и то же дело то одному, то другому... Увы! Приходится сказать, что не было у нас Верховного правителя. Адмирал был по своему положению головой государственной власти. В ней все объединялось, все сходилось, но оттуда не шло по всем направлениям единой руководящей воли. Голова воспринимала, соглашалась или отрицала, иногда диктовала свое, но никогда она не жила одной общей жизнью со всем организмом, не служила ее единым мозгом» [13].

Выявленное мной обстоятельство, связанное с односторонностью источниковой базы в отношении личности и политической деятельности А.В. Колчака, ставит вопрос о существенном расширении информационного поля по этому сюжету с тем, чтобы анализировать эти вопросы не через призму оценочных

суждений участников белого движения, изложенных в мемуарах, а на основе изучения процесса выработки и реализации отдельных управленческих решений или устойчивой политики органов государственного управления белой Сибири с четким выяснением роли и вклада Верховного правителя.

1. Голдин В. Среди «замазанных фигур». Белое движение: перспективы исследования // Родина. 2008 № 3. С. 4.
2. Литература последних лет по истории белой Сибири. Кемерово, 1999; Голдин В. И. Указ. соч. С. 8.
3. Плотников И.Ф. Политика Верховного правителя России А.В. Колчака и его правительства // История «белой» Сибири. Кемерово, 1995. С. 31.
4. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов на Дону, 1998. С. 168, 193, 241, 242, 243.
5. Плотников И.Ф. Великий российский патриот Александр Васильевич Колчак // А.В. Колчак – ученый, адмирал, Верховный правитель России. Омск, 2005. С. 16, 17.
6. Хандорин В.Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск, 2006. С. 141, 149, 154, 180.
7. Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири периода революции и Гражданской войны. Томск, 2001. С. 271.
8. Звягин С.П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 52, 53.
9. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917 – 1922 гг.). Томск, 2009. С. 284.
10. Шиловский М.В. Конструирование образа Верховного правителя России А.В. Колчака в дневниках и мемуарах руководителей белой Сибири // Общество. Интеллигенция. Репрессии. Новосибирск, 2009. С. 48 – 57.
11. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистского правительства и эмигранта в Китае (1918 – 1925 гг.). Рязань, 2006. С. 91.
12. Атаман Семенов. О себе (Воспоминания, мысли, выводы). М., 1999. С. 182.
13. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918 – 1920. М., 2008. С. 183, 464 – 465.

В.И. ШИШКИН

г. Омск, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

ВЗРЫВ В УСАДЬБЕ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ 25 АВГУСТА 1919 г.

В результате государственного переворота, осуществленного в Омске 17–18 ноября 1918 г., было свергнуто Временное Всероссийское правительство, состоявшее из Директории и Совета Министров. Вместо него к власти пришло Российское правительство. Оно состояло из Верховного правителя, которым был избран бывший военный и морской министр только что свергнутого Временного Всероссийского правительства вице-адмирал А.В. Колчак, срочно произведенный в полные адмиралы, и Совета Министров. Статус Верховного правителя, который как бы единолично представлял верховную государственную власть на освобожденной от большевиков территории России, а в перспективе рассматривался в лагере контрреволюции после победы над большевиками в таком же качестве и для всей страны, требовал соответствующей этому титулу атрибутики, в том числе служебного помещения и жилья.

Со служебными помещениями никаких проблем не возникло. Поскольку А.В. Колчак являлся не только Верховным правителем, но и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами России, то ему были быстро оборудованы два кабинета. Один кабинет, в котором он занимался преимущественно военными делами, находился на втором этаже здания Управления Омской железной дороги, где располагался штаб Верховного главнокомандующего (Ставка). Другой кабинет А.В. Колчаку устроили на втором этаже бывшего генерал-губернаторского дворца. К тому времени одними омичами он именовался Домом республики, другими – Домом свободы. В нем уже размещалась канцелярия Верховного правителя и Совета Министров, из которой в конце ноября 1918 г. выделилась в качестве самостоятельного структурного подразделения собственная канцелярия Верховного правителя.

Сложнее оказалось найти в Омске подобающее статусу Верховного правителя помещение для личной квартиры. По определению предполагалось, что это должно быть отдельное здание, находящееся в центре города, довольно внушительное по своим размерам и удобное для организации охраны. Заметим, что последнему фактору придавалось исключительное значение, поскольку после свержения Временного Всероссийского правительства эсеры грозились вступить в вооруженную борьбу против колчаковского режима, а окружение А.В. Колчака опасалось организации покушения на Верховного правителя. Эту версию умело поддерживал начальник центрального отделения военного контроля (так называлось контрразведывательное отделение при управлении первого генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего) подполковник Н.П. Злобин, который еще 24 ноября 1918 г. доложил начальнику разведывательного отделения при штабе Верховного главнокомандующего «о готовящемся террористическом акте над Верховным правителем» [1].

А.В. Колчак не мог не обратить внимание на расположенный на Береговой улице вдоль Иртыша особняк К.А. Батюшкина, который являлся городским вариантом дома-усадьбы. Площадь его жилого помещения достигала 500 кв. метров. В доме имелось достаточно комнат и вспомогательных помещений для рациональной организации работы и отдыха. К дому примыкал сад, имелись оранжерея и различного рода постройки для хозяйственных нужд.

К тому времени особняк К.А. Батюшкина занимала канцелярия Министерства снабжения, во главе которого с 27 июля 1918 г. находился И.И. Серебренников. С конца августа 1918 г. во Временном Сибирском правительстве И.И. Серебренников, по сути дела, был вторым после премьер-министра П.В. Вологодского человеком: он являлся заместителем председателя Совета Министров и возглавлял Административный совет – так называлась коллегия управляющих ведомствами Временного Сибирского правительства. Но после создания Временного Всероссийского правительства, и особенно после прихода к власти Российского правительства, акции И.И. Серебренникова пошли вниз. В политических кругах даже стали распространяться слухи о ненужности этого министерства и его ближайшем упразднении.

А.В. Колчаку особняк К.А. Батюшкина понравился, и адмирал решил использовать его под свою квартиру. Разговор с И.И. Серебренниковым о выселении сотрудников Министерства снабжения из занимаемого им помещения Верховный правитель взял на себя, поскольку едва ли кто-то из коллег И.И. Серебренникова по Совету Министров, включая П.В. Вологодского, захотел бы вести переговоры на столь деликатную тему. Для разговора А.В. Колчак пригласил И.И. Серебренникова к себе в Ставку. Верховный правитель встретил министра приветливо, но разговор повел в жестком тоне: «Я хочу занять этот особняк под свою личную квартиру и приказываю вам завтра же очистить его для меня» [2]. После попытки хотя бы на пару дней отсрочить переезд И.И. Серебренников был вынужден подчиниться ультимативному требованию А.В. Колчака.

Но, судя по всему, отказ немедленно принять условия А.В. Колчака не прошел для И.И. Серебренникова бесследно и ускорил потерю им министерского поста. 20 декабря 1918 г. Совет Министров признал необходимым объединить Министерство продовольствия и Министерство снабжения в единое ведомство. Неделью спустя Верховный правитель подписал указ об увольнении И.И. Серебренникова «за упразднением должности министра снабжения» [3]. В результате И.И. Серебренников, так много сделавший для укрепления российской контрреволюции, оказался за ее правительственным бортом и некоторое время чувствовал себя почти политическим изгоем.

Управление делами Верховного правителя и Совета Министров быстро заключило с К.А. Батюшкиным договор о найме усадьбы под квартиру А.В. Колчака. С 1 декабря 1918 г. особняк стал обслуживаться специально

нанятым управлением делами штатом служащих из 12 человек, прошедших проверку военного контроля. Первоначально в штат obsługi входили швейцар и его помощник, вахтер и его помощник, дворник, водовоз, один старший и два младших слугителя, два истопника и один помощник истопника, а также полотеры, количество которых не было четко определено [4].

Особняк был срочно отремонтирован изнутри и меблирован. Мебель для квартиры А.В. Колчака собирали по всему Омску у частных лиц. Пожалуй, главной находкой стал уже подержанный, но находившийся в хорошем состоянии столовый гарнитур из дуба, который одолжили во временное пользование у полковника Львова. Гарнитур включал в себя буфет, сервант, обеденный и чайный столы, а также 12 стульев, обитых дерматиоидом.

Кстати, в конце сентября 1919 г., когда положение колчаковского режима стало незавидным, Львов обратился в управление делами с просьбой вернуть ему гарнитур или выкупить его за 100 тыс. рублей. Директор канцелярии Верховного правителя посчитал необходимым приобрести гарнитур в собственность казны. Была образована специальная комиссия, которая оценила гарнитур в 52 тыс. рублей. Представлявший интересы полковника Львова его сын поручик Львов согласился продать гарнитур за 75 тыс. рублей. По ходатайству директора канцелярии Верховного правителя, направленному через главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета Министров, 31 октября 1919 г. Совет Министров выделил испрашиваемую сумму [5].

В особняк К.А. Батюшкина А.В. Колчак, проживавший в то время в доме № 6, находившемся на углу Плотниковской и Фабричной улиц, переселился еще до середины декабря 1918 г. В одной из омских газет по поводу этого события вскоре появилась небольшая заметка, в которой сообщалось: «Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал Колчак переехал в новое, специально для него приготовленное помещение [...]» [6]. С этого времени в спешном порядке стали формироваться различные службы, отвечавшие за жизнеобеспечение и безопасность как жилого здания, которое стало именоваться сначала Домом, а затем иногда даже Дворцом Верховного правителя, так и всей усадьбы в целом. В имевшихся на территории усадьбы многочисленных вспомогательных постройках были устроены караульное помещение для охраны (роты конвоя), прачечная, гараж, конюшня, каретник, дровник, сапожная и закройно-швальная мастерские.

Особое внимание уделялось организации охраны усадьбы. Первоначально обеспечение безопасности Верховного правителя было возложено на уже упоминавшегося подполковника Н.П. Злобина. В конце ноября 1918 г. Н.П. Злобин разработал инструкции и предпринял ряд практических мер, которые должны были гарантировать личную безопасность А.В. Колчака. В частности, по улицам вокруг особняка К.А. Батюшкина предполагалось поставить караулы, иметь часового на террасе в саду, двух филеров на улице со стороны подъезда квартиры и одного филера внутри здания около приемной комнаты [7].

Но вскоре руководство обеспечением безопасности А.В. Колчака перешло в другие руки и было поставлено на принципиально иную основу. Произошло это потому, что Дом Верховного правителя стал структурным подразделением канцелярии Верховного правителя, которая, в свою очередь, входила в управление делами Верховного правителя и Совета Министров. Управление делами в то время возглавлял профессор Г.Г. Тельберг, который в работу канцелярии Верховного правителя не только не вмешивался, но и даже не вникал. Дело в том, что 3 декабря 1918 г. А.В. Колчак назначил временно исполняющим обязанности директора канцелярии своего сослуживца по Балтике, исполняющего обязанности главного морского прокурора полковника А.А. Мартьянова, который в тот же день был произведен в генерал-майоры флота [8]. А.А. Мартьянов пользовался абсолютным доверием А.В. Колчака и был, пожалуй, самым приближенным к нему человеком, если не считать морского министра контр-адмирала М.И. Смирнова, который, однако, в Омске часто отсутствовал.

Наряду с Домом Верховного правителя в подчинение А.А. Мартьянова были переданы адъютанты и штаб-офицеры для поручений Верховного правителя, конвой, обслуживавшие А.В. Колчака автомобильная часть и конюшня. Приказом управляющего делами Верховного правителя и Совета Министров от 23 января 1919 г. по распоряжению самого А.В. Колчака исполнение обязанностей старшего адъютанта Верховного правителя было возложено на старшего адъютанта Уфимской местной бригады ротмистра В.В. Князева, адъютантов – на являвшихся адъютантами А.В. Колчака еще в его бытность военным и морским министром Временного Всероссийского правительства поручика В.С. Матвеева и старшего лейтенанта Г.М. Сазонова, штаб-офицера для поручений – на начальника разведывательного отделения управления по оперативной части флота старшего лейтенанта М.М. Комелова, начальника охраны (команды конвоя) Верховного правителя – на командира 1-го батальона 28-го Ирбитского полка капитана А.Н. Удинцева, помощника начальника охраны – на начальника учебной команды 3-го Сибирского кадрового полка поручика Л.И. Огрохина. Старший адъютант В.В. Князев одновременно исполнял обязанности заведующего Домом Верховного правителя по хозяйственно-технической части и средствами сообщения, включая конюшню [9].

Реально, конечно, все эти обязанности выполняли совсем другие люди. Так, в штате Дома Верховного правителя имелся свой небольшой административный персонал, который составляли заведующий хозяйством, экзекутор и делопроизводитель. Главная обязанность заведующего хозяйством заключалась в закупке всех продуктов для стола Верховного правителя и офицеров конвоя, в закупке и доставке фуража для конюшни, необходимых материалов для функционирования хозяйственных служб и ремонта помещений.

Экзекутор отвечал за наем и увольнение прислуги, контролировал ее работу, следил за чистотой и порядком во всех внутренних помещениях, во дворе, в служебных постройках, за исправностью освещения и водоснабжения, мебели и различного инвентаря.

На делопроизводителе лежала ответственность за финансово-отчетную часть всего хозяйства. В начале июля 1919 г. старший адъютант В.В. Князев разработал и представил директору канцелярии «Положение о письмоводстве, отчетности, ведении хозяйства и порядке управления Домом Верховного правителя», который регламентировал указанные сферы жизнедеятельности. После утверждения «Положения» А.А. Мартьяновым оно было введено в действие [10].

Располагавшуюся в усадьбе автомобильную часть, которая обслуживала Верховного правителя, его адъютантов и порученцев, возглавляли начальник гаража и его помощник. Кроме них, в гараже служили механик, бригадир шоферов и 11 шоферов [11]. Конюшней фактически распоряжался некий джигит по имени Титай.

В Доме и в остальных службах был занят многочисленный низший персонал, насчитывавших несколько десятков человек: повара, официанты, шоферы, швейцары, вахтеры, курьеры, лакеи, дворники, конюхи, кучера, истопники, сторожа, садовники, поломойки, слесари, кузнецы, электротехник, столяр, шорник, портной, сапожник и др. Большую их часть составляли вольнонаемные гражданские лица. Но иногда по требованию А.А. Мартьянова для уборки территории выделялись военнопленные первой мировой войны, находившиеся в местном концентрационном лагере, а для работы в закроечно-швальной и сапожной мастерских откомандировывались опытные мастера, служившие в частях Омского гарнизона [12].

Поскольку военный контроль перед приемом на службу в Дом Верховного правителя проводил проверку желавших работать в нем, что со стороны контрразведки требовало времени и усилий, то В.В. Князев стремился минимизировать текучесть кадров. Когда в августе 1919 г. был объявлен очередной призыв в армию, по его инициативе канцелярия Верховного правителя даже вошла в мобилизационный отдел управления 3-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего с ходатайством о предоставлении отсрочки нескольким служащим Дома Верховного правителя [13].

Приказом управляющего делами от 24 января 1919 г. был утвержден временный штат команды (роты) конвоя Верховного правителя. Он насчитывал шесть младших офицеров, одного фельдфебеля, шесть унтер-офицеров, 12 командиров отделения, 120 рядовых (штыков), 10 конных ординарцев, 10 пулеметчиков, пять телефонистов, по два кашевара, конюха, санитар и сапожника, одного артельщика, барабанщика, горниста, каптенармуса, медицинского фельдшера, писаря и портного [14]. Затем штат конвоя был увеличен, и уже к середине августа 1919 г., когда его формирование было завершено, он насчитывал 263 человека, 11 из которых были младшими офицерами [15].

Известно, что младших офицеров в конвой Верховного правителя отбирали очень строго. 6 июня 1919 г. А.А. Мартьянов установил для этого жесткие правила. Предпочтение отдавалось офицерам, окончившим кадетские корпуса и затем выпущенным из военных училищ. Каждый офицер, желавший поступить в конвой Верховного правителя, должен быть лично известен

А.Н. Удинцеву, рекомендован офицером, уже служащим в конвое, или же не менее чем двумя офицерами какой-либо воинской части, причем как рекомендующие, так и их начальник должны быть лично известны А.Н. Удинцеву. Преимущество при зачислении отдавалось офицерам с боевым прошлым, но решающее значение имели личные нравственные качества. О каждом зачисляемом в конвой офицере А.Н. Удинцев должен был докладывать А.А. Мартыанову.

При зачислении в конвой Верховного правителя солдат предписывалось отдавать предпочтение самому молодому сроку и неуклонно руководствоваться наличием ручательства прямых начальников в их нравственной порядочности [16]. Что касается конкретных источников формирования рядового состава, то полностью выяснить их не удалось. Известно только, что в 20-х числах февраля 1919 г. для пополнения конвоя прибыли 50 солдат из школы подготовки унтер-офицеров при штабе Западной армии [17]. Это позволяет утверждать, что рядовой состав конвоя Верховного правителя был выше среднего уровня солдатской массы.

В усадьбе имелось не менее пяти постов, на которых дежурили чины конвоя. Первый пост находился у ворот Дома Верховного правителя. Именно через него входили и выходили все посещавшие А.В. Колчака и служащие усадьбы. Причем покинуть усадьбу можно было только после того, как специальный служащий или постовой, которых называли «звонковыми», сообщал об этом часовому, стоявшему у ворот.

В парадном вестибюле Дома Верховного правителя находился пятый по нумерации пост, на котором дежурили двое часовых. Причем один из этих часовых через окно, выходившее во двор, мог наблюдать за тем, что происходило в районе караульного помещения, прачечной и гаража.

В свою очередь охрана прилегающих к усадьбе К.А. Батюшкина улиц обеспечивалась Министерством внутренних дел. С конца марта 1919 г. эту службу возглавлял генерал-майор Г.И. Попов, назначенный на должность генерала для особых поручений при Верховном правителе и Верховном главнокомандующем. Г.И. Попов был специалистом высокого уровня. До Февральской революции он в течение пяти лет заведовал охраной императора Николая II в Крыму. Чины милиции, а в вечернее время – еще и подчиненные Г.И. Попова тщательно проверяли всех людей, которые проходили вблизи усадьбы [18].

Сохранилась утвержденная межведомственным совещанием смета расходов канцелярии Верховного правителя на 1919 год. Из нее следует, что на содержание Дома Верховного правителя, под которым понимались арендная плата, оплата труда низшего персонала, покупка и ремонт мебели, отопление, освещение, водоснабжение, телефон, мелкий ремонт и поддержание чистоты в жилых помещениях, предполагалось потратить 217 955 руб. 56 коп.

На содержание личного состава распорядительной части Дома Верховного правителя (заведующий Домом и конюшней, начальник конвоя и его заместитель, начальник автомобильной части) предусматривалось израсходовать 323 999 руб. 64 коп.

Еще 396 480 руб. выделялись на дополнительное довольствие и содержание конвоя.

Немало денег – 350 024 руб. – предназначалось на содержание конюшни, где имелось не менее двух десятков выездных верховых и дышловых лошадей. Несколько из них предназначались лично А.В. Колчаку, остальные – начальнику конвоя, его заместителю и ординарцам. Одну из лошадей А.В. Колчаку подарил атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов. Две пары кровных лошадей, предназначенных для дышловой езды, весной 1919 г. купил по заданию А.А. Мартьянова в Томске ротмистр В.Н. Цевловский. Одну пару вороных он приобрел за 60 тыс. рублей у конно-заводчика А.Е. Кухтерина, фамилию владельца другой пары лошадей, за которую было уплачено 27 тыс. рублей, выяснить не удалось [19]. Не исключено, что это был П.П. Вытнов, занимавшийся перепродажей кровных лошадей конного завода Г.И. Фуксмана.

Но самой большой статьёй расхода являлось содержание механических средств сообщения. На автомобильную часть, находившуюся в усадьбе Верховного правителя, выделялось 2 369 487 руб. 50 коп. Среди основных расходов полмиллиона предполагалось направить на покупку новых машин, 135,6 тыс. рублей – на сооружение автомастерской, 146,3 тыс. – на покрывки и камеры, 115,0 тыс. – на топливо и смазку [20].

Из приведенной сметы становится ясно, что содержание занимаемой Верховным правителем усадьбы обходилось государственной казне в серьезную сумму.

Основное рабочее время А.В. Колчак, если он находился в Омске, проводил в своих служебных кабинетах. Оно проходило в чтении и осмыслении представленных документов, в заслушивании докладов подчиненных и принятии решений. Для руководителей высшего ранга сразу же был установлен порядок, в соответствии с которым получить прием у Верховного правителя в любое время имели право председатель Совета Министров, начальник штаба Верховного главнокомандующего и генерал-квартирмейстеры. Министры, управляющие министерствами и ведомствами, главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета Министров, командующие армиями, округами и корпусами могли получить аудиенцию у А.В. Колчака в любой день недели, кроме воскресенья, в Ставке с 15 до 17 часов 30 мин. или в канцелярии с 18 до 20 часов. Кроме того, ежедневно с 13 до 14 часов А.В. Колчак принимал в Ставке всех остальных лиц, прибывших по служебным или частным делам [21].

В дальнейшем – сначала 20 января, затем 8 апреля 1919 г. – для главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета Министров, начальника штаба Верховного главнокомандующего, министров, управляющих министерствами и ведомствами были установлены конкретные дни недели и часы, в которые им полагалось являться с докладом к А.В. Колчаку в его служебные кабинеты. Точно так же было определено

время заседаний Совета Верховного правителя, местом проведения которых являлся служебный кабинет А.В. Колчака в Ставке [22].

Что касается Дома Верховного правителя, то здесь у А.В. Колчака тоже имелся рабочий кабинет. В течение первого месяца проживания на новой квартире адмирал довольно часто принимал здесь должностных лиц. Однако делал он это отнюдь не от «хорошей жизни». С 16 ноября 1918 г. А.В. Колчаку нездоровилось. Затем начался грипп, вызвавший катаральное состояние правого легкого. С 21 декабря адмиралу был прописан постельный режим [23].

Через десять дней дело дошло до того, что на заседании Совета Министров П.В. Вологодский со ссылкой на специально приехавшего из Томска для лечения А.В. Колчака профессора М.Г. Курлова заявил о том, что состояние здоровья адмирала «внушает пока опасение». П.В. Вологодский попросил министров и управляющих ведомствами «на ближайшее время воздержаться от личных докладов и разного рода волнующих сообщений Верховному правителю» [24].

После того, как А.В. Колчак выздоровел, доступ в Дом Верховного правителя был ограничен. Сюда стали допускать весьма узкий круг лиц, входивших в ближайшее окружение адмирала. Официальные приемы здесь производились в основном для иностранных военных и дипломатических представителей. Российские государственные и военные деятели могли получить аудиенцию А.В. Колчака в его квартире в основном в случае форс-мажорных обстоятельств или по личной инициативе адмирала. Для всех посетителей А.А. Мартьянов установил порядок, в соответствии с которым любой человек, даже получивший приглашение самого Верховного правителя, но не известный чинам караула, мог пройти в жилое помещение только с ведома и в присутствии дежурного офицера охраны, а затем должен был получить разрешение дежурного адъютанта [25].

О том, насколько жестко контролировался доступ в Дом Верховного правителя, свидетельствует такой факт. В мае 1919 г. директор департамента милиции Министерства внутренних дел В.Н. Агарев обратился в канцелярию Верховного правителя с просьбой выдать ему билет для входа по делам службы в Дом Верховного правителя, но А.А. Мартьянов ему в просьбе отказал [26].

Не менее показательны два других случая. Согласно существовавшим в то время требованиям, в июле 1919 г. владельцу усадьбы К.А. Батюшкину потребовалось измерить кубатуру жилого помещения. Для того, чтобы попасть в собственный дом, К.А. Батюшкин был вынужден обратиться к главноуправляющему делами Верховного правителя и Совета Министров Г.Г. Тельбергу. Г.Г. Тельберг отдал В.В. Князеву распоряжение, разрешавшее К.А. Батюшкину «доступ в дом для измерения кубатуры согласно требованиям закона». Г.Г. Тельберг также обязал В.В. Князева назначить точное время для осуществления названной процедуры, о чем последний должен был заблаговременно поставить в известность К.А. Батюшкина [27].

Другой случай связан с просьбой депутации Сибирского казачьего войска снять две копии с образа Святого Николая, поднесенного Верховному правителю епископом Пермским. Этот образ являлся списком с иконы Святого

Николая на Никольских воротах Кремля. Одна копия предназначалась для войскового Никольского собора, другая – для благословения Сибирской казачьей дивизии. Еще 21 мая 1919 г. А.В. Колчак дал свое соизволение на снятие копий с образа, который находился в его квартире. Почетная обязанность выполнить эту работу выпала преподавателю Омской учительской семинарии художнику И.В. Волкову.

Восемнадцатого августа 1919 г. директор канцелярии Верховного правителя получил от заместителя войскового атамана Сибирского казачьего войска мотивированное ходатайство с просьбой выдать разрешение И.В. Волкову на право произвести работы по снятию копий. Через день А.А. Мартыанов отдал распоряжение заведующему Домом Верховного правителя пропустить И.В. Волкова в жилое помещение А.В. Колчака, а самому И.В. Волкову явиться в канцелярию Верховного правителя для получения разрешения, допускающего его к месту работы [28].

Впрочем, из этих жестких правил делались исключения. Главным из них являлась привилегия, которую имела А.В. Тимирева, служившая с 5 января 1919 г. переводчицей отдела печати при управлении делами Верховного правителя и Совета Министров [29]. А.В. Колчак и А.В. Тимирева уже давно были любовниками, хотя перед законной супругой адмирал эту связь категорически отрицал. А.В. Тимирева имела доступ в квартиру А.В. Колчака даже в его отсутствие. В середине февраля 1919 г., когда А.В. Колчак находился в отъезде, А.В. Тимирева, как она сама признавала, «на основании захватного права» два дня провела в Доме адмирала, где пользовалась его «комнатой, койкой и даже блокнотом с заголовком “Верховный правитель”» [30].

Приведенные факты позволяют утверждать, что усадьба К.А. Батюшкина и Дом Верховного правителя надежно охранялись. Несанкционированный доступ в них, особенно в квартиру А.В. Колчака, посторонних лиц был абсолютно исключен благодаря установленному и строго соблюдавшемуся порядку, за которым наблюдали А.А. Мартыанов, Г.И. Попов, В.В. Князев и А.Н. Удинцев.

Последнее, конечно, не являлось абсолютной гарантией от непредвиденных, в том числе чрезвычайных, происшествий на территории всей усадьбы, где располагались различные службы, в которых были заняты десятки людей. Одно из таких происшествий случилось 25 августа 1919 г.

Вот как развивались события. В конце этого дня обязанности дежурного офицера роты конвоя принял на себя капитан А.К. Петров, а караульным начальником заступил младший унтер-офицер Н.Е. Вострокнутов. А.К. Петров знал, что через несколько часов из поездки на фронт в Омск возвратится А.В. Колчак, поэтому в 19 часов он и Н.Е. Вострокнутов произвели смену находившихся в карауле солдат, заменив молодых военнослужащих на более опытных. Сделав полный развод часовых и потом еще раз обойдя посты, А.К. Петров пришел в дежурную комнату Дома Верховного правителя, где находился телефон, чтобы быть на связи, а Н.Е. Вострокнутов вернулся в караульное помещение, где находилось десятка два отдохавших стрелков из конвойной команды.

О дальнейшем развитии событий капитан А.К. Петров показал производившему дознание следователю следующее: «Часов в 8 с минутами раздался оглушительный взрыв, и дом моментально заполнился дымом. Возле меня разбило стекло. Я заподозрил, что подбросили бомбу, выбежал сначала в переднюю, а затем во двор. Там я увидел огромное облако пыли и дыма и едва видимые обломки караульного помещения, откуда неслись стоны и крики».

Двое из числа допрошенных – находившийся внутри караульного помещения Н.Е. Вострокнутов и стоявший на четвертом посту, который располагался около караульного помещения, младший унтер-офицер Г.И. Решетников – сообщили еще одну важную деталь, о которой из-за отдаленности от места события не мог знать А.К. Петров. «Сначала был выстрел глухой, – заявил Н.Е. Вострокнутов, – а потом уже взрыв». По сути дела ему вторил Г.И. Решетников, показавший, что «слышно было сначала глухой выстрел, а потом произошел взрыв» [31].

По масштабам и характеру произведенных разрушений можно утверждать, что взрыв был очень сильный. Им до основания было разрушено здание караульного помещения; уничтожена находившаяся в этом же помещении прачечная; пострадала жилой дом и другие надворные постройки; оказались сломаны две телеги и тарантас; частично уничтожен или сломан мелкий инвентарь и инструменты; выбиты все стекла оранжереи и тех окон жилого дома, которые выходили во двор; часть сада и огорода оказалась засыпана мусором; убиты две лошади конных ординарцев. Найдшихся во дворе каптенармуса конвоя Н.Л. Арбузова и стрелка С.Е. Лапкина оглушило и взрывной волной выбросило со двора в сад.

И самое главное – в результате взрыва пострадали почти два десятка человек, находившихся в караульном помещении или вблизи него, в том числе погибли шесть человек из роты конвоя, а еще 12–14 конвойных были ранены и контужены. В числе погибших оказался служивший в охране А.В. Колчака 24-летний талантливый поэт Ю.И. Сопов [32].

В ряде публикаций утверждается, что происшедший 25 августа 1919 г. взрыв в усадьбе К.А. Батюшкина являлся неудачным покушением на жизнь Верховного правителя [33]. Эти высказывания делаются без ссылок на достоверные источники. Более того, они противоречат показаниям опрошенных в ходе производленного дознания чинов конвоя. Сошлемся на заявление наиболее осведомленного в этом вопросе человека – капитана А.К. Петрова. «По моему мнению, – утверждал он, – взрыв произошел от какой-нибудь случайности с гранатами» [34].

Такого же мнения был штаб Верховного главнокомандующего. 26 августа 1919 г. его осведомительный отдел предоставил органам повременной печати не оставляющую никакого сомнения информацию: «25 августа около 8 час. вечера в караульном помещении при квартире Верховного правителя произошел взрыв ручных гранат, хранившихся в помещении, от неосторожного обращения одного из чинов караула» [35].

И, конечно, ни в коем случае нельзя игнорировать точку зрения самого А.В. Колчака. 11 октября 1919 г. начальник конвоя Верховного правителя

А.Н. Удинцев предоставил А.А. Мартьянову переписку «о произведенном дознании по делу о взрыве 25-го августа с. г. в караульном помещении Верховного правителя». А.А. Мартьянов ознакомил с полученным материалом адмирала, который высказал по этому вопросу свое суждение. По утверждению А.А. Мартьянова, 15 октября 1919 г. зафиксированном на титульном листе рапорта А.Н. Удинцева, оно было таким: «Верховный правитель считает, что взрыв произошел случайно от неосторожного обращ[ения] с гранатами [...]» [36]. Со ссылкой на показания Н.Е. Вострокнутова и Г.И. Решетникова, можно предположить, что причиной взрыва гранат был упоминаемый вышеназванными чинами конвоя «глухой выстрел». Только совершенно не понятно, что это был за звук в действительности, кто и почему сделал этот «выстрел».

Обратим внимание еще на ряд обстоятельств, которые, по нашему мнению, абсолютно исключают трактовку происшедшего как покушение на Верховного правителя.

Во-первых, абсурдно само предположение, что кто-то надеялся физически уничтожить А.В. Колчака организацией взрыва караульного помещения, в котором адмирал не бывал, тем более в отсутствие Верховного правителя в Омске, о чем все служащие усадьбы знали.

Во-вторых, если бы А.В. Колчак и его окружение действительно считали происшедший инцидент покушением на жизнь Верховного правителя, они бы попытались обнаружить организаторов этой акции, чем, однако, спецслужбы не занимались и использовали данный факт в агитационных целях для дискредитации противников колчаковского режима.

В-третьих, во второй половине 1918 – в первой половине 1919 г. предпринимались попытки покушения на полковника Р. Гайду и на генерала Д.Л. Хорвата; оба упомянутых случая не только не замалчивались, а, напротив, широко освещались в сибирской и дальневосточной печати.

В-четвертых, после поражения колчаковского режима никто из его противников не заявил о том, что имел отношение к взрыву 25 августа 1919 г. в занимаемой А.В. Колчаком усадьбе, хотя на этом можно было заработать политические дивиденды.

Наконец, в пользу трактовки взрыва 25 августа 1919 г. как непредумышленного инцидента свидетельствует мера наказания, которую понесли адъютанты Верховного правителя В.В. Князев и Г.М. Сазонов, не сопровождавшие его в поездке на фронт, а находившиеся в это время в Омске. 29 августа 1919 г. они были уволены с занимаемых должностей с отчислением из штата управления делами Верховного правителя и Совета Министров [37]. В случае, если бы А.В. Колчак считал взрыв в караульном помещении покушением на него, мера служебного наказания этих офицеров была бы принципиально иной.

Взрыв доставил много неудобств А.В. Колчаку, его конвою и администрации вспомогательно-хозяйственных служб. Чинам конвоя пришлось временно размещаться в подвале жилого здания и в помещении гаража. Руководство

всеми ремонтно-восстановительными работами легло на плечи трех человек: назначенного 26 августа 1919 г. заведующим хозяйством Дома Верховного правителя И.В. Адамышева, ранее служившего в главном интендантстве смотрителем тюменских магазинов; назначенного 4 сентября 1919 г. исполняющим обязанности заведующего Домом Верховного правителя В.С. Сердобинского, состоявшего чиновником особых поручений при Верховном правителе; и гражданского инженера поручика Кнопмуса, служившего в Омской инженерной дистанции [38].

Главной фигурой среди них – производителем работ по восстановлению разрушенного караульного помещения, прачечной и по ремонту пострадавших построек – являлся Кнопмус. Надо отдать Кнопмусу должное: он приступил к делу немедленно и действовал весьма активно. Согласно составленной Кнопмусом смете для выполнения всего объема работ требовалось получить от казны кредит в размере 400 тыс. рублей [39].

Не дожидаясь открытия кредита, Кнопмус приступил к строительно-ремонтным работам в усадьбе. Как рапортовал он 9 сентября 1919 г. генералу для поручений при Верховном правителе, они велись «в самом срочном порядке, насколько это позволяет существующее положение». Строители трудились до темноты даже в воскресные и праздничные дни. Однако высокий темп работ сдерживался отсутствием строительных материалов в одних случаях, высокими ценами – в других. Например, из-за отсутствия в Омске стекла строители три дня не могли застеклить пострадавшие окна Дома Верховного правителя, в результате чего та часть жилого помещения, которая выходила во двор, подверглась загрязнению. Большую часть строительных материалов пришлось покупать, «не считаясь с их стоимостью» [40].

Но высокие расходы не смущали управление делами Верховного правителя и Совета Министров. 11 сентября 1919 г. Кнопмус получил предписание А.А. Мартыянова произвести все работы «весьма экстренно» и закончить таковые «в кратчайший срок, не взирая на стоимость их» [41].

В результате к началу октября 1919 г. новое караульное помещение и помещение для прачечной были построены. Это были здания простейшего, барачного типа с печами, плитами, чердаком для сушки белья, топчанами и нарами, столами и скамейками. Из-за срочности работы они довольно дорого обошлись государственной казне. Но пользоваться ими чинам конвоя Верховного правителя пришлось немногим больше месяца, так как 14 ноября 1919 г. в Омск вошли части уже другой армии, Красной.

1. Шишкин В.И. Организация охраны Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака (конец 1918 – 1919 г.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2011. № 16. С. 264.
2. Серебrenников И.И. Гражданская война в России: великий отход. М., 2003. С. 440.
3. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 69–72; Правительственный вестник (Омск). 1919. 11 и 14 января.
4. Там же. Оп. 2. Д. 9. Л. 66, 85; Оп. 4. Д. 133. Л. 6–7.
5. Там же. Оп. 5. Д. 245. Л. 223; Д. 289. Л. 2, 5–6.

6. Русская армия (Омск). 1918. 18 декабря.
7. Шишкин В.И. Организация охраны Верховного правителя С. 264 – 270.
8. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 148. Л. 1; Правительственный вестник. 1918. 12 декабря; Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011. С. 333–334.
9. Там же. Оп. 2. Д. 9. Л. 15, 193; Д. 101. Л. 78.
10. Там же. Оп. 4. Д. 133. Л. 30.
11. Там же. Оп. 2. Д. 101. Л. 78, 90–91.
12. Там же. Оп. 4. Д. 133. Л. 4, 23–24, 60, 63, 82, 83, 112.
13. Там же. Л. 52–55.
14. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 46. Л. 37; Оп. 2. Д. 9. Л. 58.
15. Шишкин В.И. Организация охраны Верховного правителя... С. 279.
16. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 177. Л. 49.
17. Там же. Д. 133. Л. 14.
18. Там же. Л. 97; Шишкин В.И. Организация охраны Верховного правителя... С. 271 – 272.
19. Там же. Л. 21.
20. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1773. Л. 5–6.
21. Русская армия. 1918. 29 ноября и 12 декабря.
22. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 9. Л. 49, 293.
23. Правительственный вестник. 1918. 25 декабря.
24. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 100.
25. Там же. Оп. 4. Д. 133. Л. 28.
26. Там же. Л. 27.
27. Там же. Л. 29.
28. Там же. Л. 43–44.
29. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 9. Л. 261.
30. Шишкин В.И. Колчак влюбленный. Переписка А.В. Колчака с А.В. Тимиревой // Сибирские огни. Новосибирск, 1993. № 5–6. С. 159.
31. ГАРФ. Ф.р-176. Оп. 4. Д. 133. Л. 74–75.
32. Сибирская речь (Омск). 1919. 31 августа.
33. См., например: Вибет П.П. Особняк Батюшкина // Вибет П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 192; Ракова А.П. Омск – столица Белой России. Омск, 2010. С. 130; Лосунов А.М. Омский адрес Верховного правителя. Омск, 2011. С. 142.
34. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 133. Л. 73 об.
35. Правительственный вестник. 1919. 26 августа; Русская армия. 1919. 26 августа; Сибирская речь. 1919. 27 августа.
36. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 133. Л. 72.
37. Там же. Оп. 2. Д. 123. Л. 110.
38. Там же. Л. 134; Д. 117. Л. 15.
39. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 290. Л. 5–7, 10.
40. Там же. Оп. 4. Д. 133. Л. 59.
41. Там же. Л. 58.

А.А. ШТЫРБУЛ

г. Омск, Омский государственный педагогический университет

ОМСКИЕ ЭСЕРЫ И ВРЕМЕННОЕ СИБИРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО (ИЮЛЬ – ОКТЯБРЬ 1918 г.)

В конце мая – июне 1918 г. в результате комбинированного выступления белогвардейского подполья, эсеров и частей Чехословацкого корпуса советская власть на значительной части Западной Сибири, Степного края и некоторой части Восточной Сибири была свергнута: 25 мая пал Мариинск, 26 мая – Новониколаевск, 27 мая – Челябинск, 31 мая – Томск и Петропавловск, 2 июня – Курган, 7 июня – Омск, 8 июня – Ишим, 9 июня – Камень, 11 июня – Семипалатинск и Тобольск, 15 июня – Барнаул, 18 июня – Красноярск и Ачинск, 20 июня – Бийск. Омские эсеры в составе белогвардейского вооруженного подполья (в т.ч. и некоторые рабочие-эсеры в составе «Союза фронтовиков»), а также силами своей партийной боевой дружины, приняли участие в победоносном вооруженном выступлении 7 июня 1918 г., в результате которого в Омске была ликвидирована советская власть. Июнь 1918 г. стал месяцем победного торжества омских эсеров. Казалось, начинается новый стремительный политический взлет, подобный весеннему в 1917 г., и новое торжество их идей на практике. Но политические успехи омских эсеров, несмотря на их несомненные заслуги в свержении советской власти, оказались на этот раз более чем скромными.

В июне 1918 г. некоторый кратковременный прилив в ряды омских эсеров (накануне и в ходе переворота, а также в первое время после него) наблюдался, но весьма скромный. В Омске к эсерам прильнула подросшая за год учащаяся молодежь из средних слоев, некоторая часть разночинного офицерства и интеллигенции из числа прибывших в Сибирь «политических беженцев», единицы рабочих. В деревне же прилива не было, разве что некоторые кулаки и сельские чиновники, вступившие в ПСР весной-летом 1917 г. и отхлынувшие в период политических трудностей зимы 1917 – 1918 гг., восстановили свое членство в партии. В Омске находился городской и Акмолинский (Омский) областной комитеты ПСР, выходила партийная газета «Дело Сибири». Стремительно выросшая весной-летом 1917 г. омская организация ПСР, насчитывавшая к осени 1917 г. до 2000 чел. [1], также стремительно растаяла в результате политического банкротства конца 1917 – начала 1918 г. и уменьшилась практически на порядок. В целом, число членов ПСР в Омске (включая пригороды и гарнизон) летом – осенью 1918 г. вряд ли достигало 200 человек.

Об эсеровском активе и социальном составе организации этого периода можно судить по списку кандидатов в гласные городской Думы, выставленному в середине сентября: 34 человека, подавляющее большинство из которых – служащие кооперации, земства, Управления железной дороги и т. п. Двое (А.Е. Коряков и П.К. Молгачев) именуются «общественными деятелями» (профессиональные политики, лидеры организации). Рабочих в списке – 6, из них 2 числятся также и профсоюзными деятелями [2]. Мы уже не видим таких ярких

и активных лидеров, известных по 1917 г., как, А.М. Красноусов (будучи избран в Учредительное собрание по Тобольскому округу, убыл из Омска), П.Я. Дербер (находился на Дальнем Востоке в качестве главы Временного правительства автономной Сибири), В.В. Паскевич (отошел от активной партийной деятельности).

8 июня 1918 г., на второй день после переворота, восстановила свою работу Омская городская Дума, распущенная Омским Советом в январе 1918 г. Большинство (но теперь уже не абсолютное, а лишь относительное) имели эсеры, и ее руководство в новых условиях оказалось фактически в руках кадетов, тогда как с августа 1917 по январь 1918 г. оно было в руках эсеров. Шаткое и незначительное абсолютное (в 1 голос) большинство эсерам удалось обеспечить себе в областном земстве [3]. Под их влиянием находился и совершенно безвластный «Исполнительный комитет трудового крестьянства Омской области» [4]. Но он не имел практически никакого политического значения, а его функции свелись к чему-то вроде «крестьянского профсоюза», при этом довольно слабого. Определенное влияние омские эсеры имели в некоторых городских профсоюзах.

Омские эсеры в своей работе блокировались с умеренными меньшевиками, левыми областниками, бундовцами. Им противостоял блок «условных союзников» по антисоветской борьбе – правых и правоцентристских сил: монархисты, кадеты, правые областники, народные социалисты, правые эсеры группы «Воля народа», правые меньшевики группы «Единство». Сразу же после свержения советской власти трения между этими двумя блоками стали расти.

Довольно враждебные отношения омских ортодоксальных эсеров-центристов (ПСР) сложились с правыми эсерами-оборонцами группы «Воля народа», изначально настроенной по отношению к ПСР весьма агрессивно. Ситуация усугублялась тем, что «воленародцы» пытались играть роль «истинных», а на самом деле «подставных эсеров». Данная группа идейно обозначилась (в рамках омской организации ПСР) в августе 1917 г., организационно оформилась со скандалом в начале ноября 1917 г. (актив – около 10 человек, состав чуть больше, лидер – кооператор В.В. Куликов). Осенью 1917 г. к ней примыкал к тому времени уже беспартийный П.В. Вологодский – будущий премьер Временного Сибирского правительства (далее – ВСП). Группа стояла на позициях социал-либерализма, критиковали социалистический центризм и поддерживали идею «сильной исполнительной власти (фактически – диктатуры). Вражда эсеров-воленародцев с ортодоксальными эсерами носила ожесточенный характер (постоянные взаимные нападки, вплоть до откровенной грубости, устно и в печати).

В середине июня в Омск из Новониколаевска прибыло временное правительство – эсеровский (ориентации ЦК партии) Западносибирский комиссариат уполномоченных Временного правительства автономной Сибири (далее – ВПАС), что, без сомнения, усилило позиции омской организации ПСР. Город стал столицей довольно обширной территории, «освобожденной от большевиков». Почти на месяц ортодоксальные эсеры фактически стали – во второй и последний раз – правящей политической силой региона, но и победа, и власть оказались призрачными. На политическом горизонте стали появляться новые тучи: торгово-

промышленные и военные круги считали эсеровский Западносибирский комиссариат слишком левым. В Омске и на подконтрольной белым части Сибири полным ходом шла подспудная подготовка к «передвижке власти» вправо.

В конце июня 1918 г. Западносибирский комиссариат под давлением торгово-промышленной буржуазии и реакционной военщины (и с одобрения «демократической» Сибоблдумы) уступил место значительно более правому и реставраторскому ВСП, сформированному в основном из оказавшихся в Омске и Томске (сначала в количестве 5) деятелей ВПАС. «Можно было оспаривать это решение с юридической стороны, но за спиной пятерки стоял командующий армией «Западносибирского комиссариата» Гришин-Алмазов» [5].

С образованием ВСП, ВПАС фактически превратилось в политического аутсайдера и кое-как продержалось на Дальнем Востоке до конца сентября 1918 г., когда под давлением ВСП и стоящих за ним сил оно самоупразднилось. Местом пребывания ВСП и столицей возникшей де-факто «Сибирской республики» (просуществовавшей более 4 месяцев) стал Омск. Если поначалу в составе ВСП были как реакционные деятели (И.А. Михайлов и П.В. Вологодский), так и элементы демократические (В.М. Крутовский, Г.Б. Патушинский, М.Б. Шатилов), то со временем (в течение июля – августа 1918 г.), по мере наполнения, реакционная составляющая ВСП значительно выросла. В ВСП и его деловом аппарате оказались (на внепартийной, т.н. деловой, основе) областники, беспартийные, кадеты, эсеры. Но последние, как правило, примыкали к крайне правой группировке «Воля народа» или вообще объявили себя беспартийными «государственно-мыслящими людьми». В Омске, среди министров ВСП, в отличие от Западносибирского комиссариата и дальневосточного ВПАС, практически не оказалось собственно членов ПСР. Характерные факты: став военным министром ВСП, А.Н. Гришин-Алмазов официально вышел из ПСР; товарищ (заместитель) министра внутренних дел, член ПСР П.Я. Михайлов (не путать с И.А. Михайловым) в начале августа был вытеснен из ВСП. Тем временем подконтрольная белым территория в Сибири продолжала расширяться: в июле 1918 г. были взяты города Иркутск, Тюмень, Екатеринбург; в августе – Якутск, Бодайбо, Верхнеудинск, Чита; 18 и 19 сентября пали последние за Уралом островки советской власти – Благовещенск и Зея. Хотя ВСП контролировало отнюдь не все территории, занятыми белыми на востоке России, его позиции продолжали упрочиваться.

ВСП с первых дней своего пребывания у власти взяло курс на ужесточение политического режима в интересах имущих, ценовых слоев подконтрольной территории, о чем красноречиво свидетельствовали правовые акты правительства, принятые в июле-августе 1918 г., и практика их внедрения. Ведущими фигурами ВСП являлись бывший (до осени 1917 г.) сибирский эсер П.В. Вологодский и «мартовский эсер» И.А. Михайлов, вступивший в партию в 1917 г. в Петрограде. Летом 1918 г. общественное мнение все еще считало их эсерами, и они, когда это было выгодно, поддерживали данное реноме, но, фактически, с ПСР порвали безвозвратно. Сами эсеры числили их ренегатами.

Ортодоксальные эсеры (и меньшевики) в Омске поддерживали ВСП условно, с оговорками. Они поддержали такие правительственные меры, как денационализация предприятий, мобилизация, репрессивные меры против левой оппозиции (выступая против крайностей). Однако жесткая политика ВСП в отношении трудящихся отразилась на основной части ортодоксальных эсеров региона: они постепенно, в течение июля – августа 1918 г. стали перемещаться в оппозицию, но довольно мягкую и «конструктивную».

Омские эсеры всячески пытались сохранить «демократические завоевания». Они выступали против наиболее одиозных карательных мер ВСП. В июле – августе 1918 г. и далее в омской эсеровской газете «Дело Сибири» появлялись сведения о карательных зверствах белогвардейцев (вооруженных сил ВСП) в разных концах Сибири. Так, пресса в августе – сентябре критически освещала дело капитана Сатунина – мракобеса, «прославившегося» массовыми истязаниями в Горном Алтае и попыткой создания там «собственной» Алтайской республики [6]. Но при этом карательные зверства белогвардейцев воспринимались омскими эсерами и подавались в их печати как временные досадные издержки становления «истинного народовластия».

Летом – осенью 1918 г. одним из главных стержней внутривнутриполитической жизни «Сибирской республики» стал нарастающий конфликт между правым большинством ВСП и левоцентристской «демократической» Сибоблдумой (далее – СОД). В данном конфликте сибирские организации ПСР, в т.ч. омская городская и Акмолинская (Омская) областная, вместе с меньшевиками и левыми областниками поддержали СОД. Против СОД и в поддержку ВСП выступили монархисты, кадеты и правосоциалистический блок, в том числе и омские эсеры-«воленародцы».

Тем временем недовольство трудящихся Омска и Среднего Прииртышья, в т.ч. даже и часть тех из них, кто принял участие в июньском антисоветском перевороте, постепенно нарастало. Уже через неделю после переворота, 13 июня, состоялся антиправительственный митинг на Омской городской почте [7], немало служащих которой находилось под влиянием эсеров, и некоторые участвовали в перевороте. Характеризуя ситуацию конца лета – начала осени 1918 г. в Омске и Западной Сибири, левый эсер А.П. Оленич-Гнененко писал: «Давно уже были разоружены фронтовики и рабочие, на первых порах втянутые эсерами и меньшевиками в вооруженную борьбу против советской власти. Их арестовывали, пороли в контрразведке и расстреливали» [8]. В начале августа в Омске был арестован бывший лидер омских эсеров (и бывший городской голова) В.В. Паскевич (но через два дня его отпустили) [9].

Омские, как и вообще сибирские члены ПСР, не могли не видеть, что явно реакционные черты в деятельности ВСП с первых дней его существования непрерывно росли, и уже в августе начали брать верх над отдельными демократическими ростками. Но до начала сентября 1918 г. омские эсеры в лице руководства организации и, в известной мере, сибирские эсеры хотя и позволяли себе мягкую критику властей, в то же время всячески заигрывали с ВСП, надеясь склонить его к проведению демократической политики –

в наличном составе, или же разбавив этот состав кем-нибудь из эсеровских министров ВПАС. Наличие своих сторонников в «первородном» ВПАС и в СОД не могло не усиливать этих иллюзий у сибирских (и омских) членов ПСР.

В конце августа ситуация стала заметно меняться не в пользу ПСР и их политики, поэтому оппозиционные настроения в организации продолжали расти. Решение ВСП создать явно антидемократический Административный совет (24 августа) [10], нарастание нападок на СОД, введение смертной казни (середина сентября) [11], усиление репрессий против трудящихся, жестокое подавление крестьянских (в ответ на политику ВСП) волнений и восстаний – все это заставило ПСР усилить критику ВСП [12].

1 – 10 сентября 1918 г. произошло крестьянское восстание в Славгородском уезде (400 км на юго-восток от Омска), направленное против взыскания недоимок, мобилизации и произвола местных офицеров. Хотя среди руководителей восстания было несколько большевиков, и звучали лозунги восстановления советской власти, немалая часть крестьян и некоторые их руководители были настроены проэсеровски и считали, что задача восстания – содействие ВСП и СОД в обуздании реакционных белогвардейских элементов на местах и в укреплении истинной демократии и народовластия [13]. Но, поскольку невероятно жестокое подавление восстания Анненковым происходило под эгидой ВСП, которое в обыденном политическом сознании низов и благодаря агитации большевиков воспринималось как эсеровское, то зверства анненковцев усилили антиправительственные настроения и при этом бросали тень на эсеров, в первую очередь омских и вообще сибирских.

Серьезным этапом в развитии политической ситуации стали трагические «омские события» 19 – 23 сентября 1918 г. В эти дни сибирские эсеры-сторонники СОД в лице министров Шатилова, Крутовского, Новоселова и председателя СОД Якушева попытались в Омске обуздать реакционную часть ВСП, но потерпели неудачу, более того, реакционерами был убит А.Е. Новоселов – левый областник, глава МВД ВПАС, один из лидеров Омской организации ПСР, известный сибирский писатель. В этих событиях Омская организация ПСР была всецело на стороне СОД, но реально ничем помочь не могла. Итог событий, и особенно смерть А.Е. Новоселова, повергли омских эсеров-центристов в шоковое состояние. Правда, они все же решились на открытое обращение к Административному совету ВСП с требованием назвать и привлечь к ответственности убийц Новоселова [14], но ни вразумительного ответа, ни, тем более, серьезных действий в этом направлении так и не дождались. В то же время группа омских правых эсеров «Воля народа» была всецело на стороне реакционеров.

Данные события знаменовали собой практически полный крах центристских (эсеровских и меньшевистских) иллюзий и положительной тактики омских эсеров в отношении ВСП. Но даже после этих событий, окончательно прояснивших реакционный характер ВСП, омские эсеры в жесткую оппозицию не перешли. Почему? Определенные иллюзии сибирские и омские эсеры связывали с прибытием из Уфы в Омск Временного всероссийского правительства – Директории, но она, прибыв

в Омск 9 октября [15], сама оказалась в «омской ловушке» и не сумела закрепить свою власть: реальным хозяином в городе во время ее пребывания оставалось ВСП и стоящие за ним реакционные военные и финансовые круги [16]. Тактика «демократического обволакивания» [17], исповедуемая эсеровскими деятелями Директории Н.Д. Авксентьевым, В.М. Зензиновым и А.А. Аргуновым, а также частью ЦК ПСР, давала сбои с первых дней пребывания Директории в Омске.

В период пребывания Директории обстановка в Омске для эсеров линии ПСР – местных и приезжих – продолжала складываться все более неблагоприятно. В сентябре 1918 г. они потерпели серьезное поражение на выборах в городскую Думу [18]. В октябре по решению ВСП за критические материалы был закрыт печатный орган ПСР «Дело Сибири» [19]. В городе царил моральный террор реакционных кругов против эсеровских лидеров. 23 октября тайной военномонархической организацией («офицерской бандой», по терминологии эсеров) в центре Омска был захвачен секретарь «Съезда членов Учредительного собрания», ветеран ПСР Б.Н. Моисеенко, которого доставили на конспиративную квартиру, где подвергли жестоким пыткам, добываясь, видимо, выдачи им кассы Учредительного собрания (около 2,5, по другим данным – 3 млн. руб.). Но расчеты грабителей не оправдались: деньги находились в поезде под вооруженной охраной. Труп Моисеенко был брошен в Иртыш. Планируя в связи с данными событиями принять меры против местной военщины, эсеры попытались получить поддержку у члена Директории генерала Болдырева, но получили отказ [20].

К этому времени кое-где в Сибири некоторые члены ПСР уже подошли к необходимости открытого вооруженного отпора реакции. Так, в конце октября в Мариинском уезде Томской губернии произошло крестьянское восстание, в котором приняли некоторое участие и отдельные эсеры-центристы – сторонники СОД [21]. В то же время группа омских правых эсеров «Воля Народа» все более блокировалась с самыми реакционными силами. Позиции этой группы усилились благодаря прибытию в Омск в августе – октябре 1918 г. нескольких эсеровских деятелей-«воленародцев» российского масштаба (Е.К. Брешко-Брешковская, А.А. Аргунов, Н.П. Огановский, Б.В. Савинков, В.С. Панкратов), еще осенью 1917 г. юридически или фактически порвавших с официальной ПСР.

3 – 4 октября 1918 г. состоялась официальная передача власти ВСП Временному Всероссийскому правительству [22]. Но дни его были уже сочтены. В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. Директория была свергнута силами реакционной военщины, группировавшейся вокруг правой части ВСП и утвердившей у власти А.В. Колчака в качестве диктатора (Верховного правителя). Практически весь личный состав бывшего ВСП (в т.ч. эсеры-рenegаты) занял посты в новом, колчаковском правительстве, которое было поддержано группировкой омских правых эсеров «Воля народа» (в составе организатора идейно-политического обеспечения переворота – Национального блока, вместе с другими омскими крайне правыми социалистами – меньшевиками, «Единством» и энесами). Главой нового правительства стал бывший глава ВСП, эсер-рenegат П.В. Вологодский.

Между прочим, данная «социалистическая» поддержка для колчаковского режима и его лидера была крайне важна и дорога, но ортодоксальные, «официальные» эсеры (из ПСР), вопреки распространенному в литературе мнению, не имели к ней никакого отношения. Более того, к этому времени омские эсеры (линии ПСР) уже внутренне вполне созрели (и, может быть, даже больше, чем эсеры в ряде других регионов Сибири) в качестве антибелогвардейской оппозиционной силы. Хотя реально к этой роли оказались не готовы по причине своей организационной слабости и прогрессирующей на протяжении предшествующих месяцев идейно-политической дезориентации.

1. Московкин В.В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революций и гражданской войны (1917 – 1921 гг.). Тюмень, 1999. С. 44.
2. Дело Сибири (Омск). 1918. 19 сент.
3. Заря (Омск). 1918. 7 августа.
4. Исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. Р-1617. Оп. 1. Д. 9. Л. 59 – 61 об.; Дело Сибири (Омск). 1918. 14 авг.
5. Гусев К. В. Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 287.
6. Дело Сибири (Омск). 1918. 8 авг.; 14 авг.; 19 сент.
7. Молотов Вл. Большевики Сибири в период гражданской войны (1918 – 1919 гг.). Омск, 1949. С. 62 – 63.
8. Оленич-Гнененко А.П. Суровые дни // Сибирские огни (Новосибирск). 1958. № 11. С. 143.
9. Дело Сибири (Омск). 1918. 8 авг.; 9 авг.
10. Сибирский вестник (Омск). 1918. 1 сент.
11. Дело Сибири (Омск). 1918. 19 сент.
12. Нарастание такой критики отчетливо прослеживается в сентябрьских номерах «Дела Сибири».
13. Парфенов П. Сибирские эсеры и расстрел славгородских крестьян в августе 1918 г. (К процессу эсэров) // Пролетарская революция (Москва). 1922. № 7. С. 63 – 64.
14. Дело Сибири (Омск). 1918. 25 сент.
15. Сибирский вестник (Омск). 1918. 11 окт.
16. Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923; Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новосибирск, 1925; Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004.
17. Майский И. М. Указ. соч. С. 311.
18. Дело Сибири (Омск). 1918. 26 сент.
19. Наш край. Ч. 1. 1917 – июнь 1941 г. Омск, 1985. С. 44 – 45.
20. Майский И.М. Указ. соч. С. 307-308; Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 89.
21. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917 – 1919 гг.). Томск, 1957. С. 369 – 370.
22. Заря (Омск). 1918. 6 нояб.

В.А. ШУДДЯКОВ

г. Омск, Омский экономический институт

АННЕНКОВЦЫ М.Ф. КАРБЫШЕВ, Е.А. БЕРНИКОВ, Н.И. РАЗМАЗИН – НЕИЗВЕСТНЫЕ ГЕРОИ СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

*Исследование проведено при финансовой поддержке
атамана Обско-Полярной казачьей линии
«Союз казаков России» В.И. Степанченко.*

Одной из самых стойких и колоритных частей Русской армии адмирала А.В. Колчака была Партизанская дивизия генерал-майора Б.В. Анненкова. Через добровольческую службу в ней в течение 1918 – 1920 гг. прошло до 1000 сибирских казаков. Дивизия (отряд) атамана Анненкова вела тяжелые, с переменным успехом, бои на Верхнеуральском и Семиреченском фронтах, на последнем в очень тяжелых, в отношении коммуникаций, снабжения и климата, условиях. Много в той жестокой, кровавой борьбе было тяжелого, страшного, даже кошмарного. Но были и подвиги, и самопожертвование, и идейное служение белой России. Боевой путь анненковских частей и подразделений, судьбы офицеров-анненковцев, не говоря уже о рядовых бойцах, совершенно не изучены. В оценке их деятельности по-прежнему доминируют мифы советской эпохи. Между тем, биографии нескольких сибирских казаков, служивших в Партизанской дивизии, которые удалось в общих чертах восстановить, свидетельствуют, что среди анненковцев были действительно героические личности. Наиболее яркие судьбы у есаула М.Ф. Карбышева, войскового старшины Е.А. Берникова и полковника Н.И. Размазина.

Макарий (Макар) Федорович Карбышев к революции был отставным старшим урядником Атаманской станицы Омского уезда, а по возрасту – глубоким стариком. Когда он был моложе, то служил на выборной должности в родной станице: Атаманским станичным атаманом [1]. Но, видно, старик был еще достаточно крепкий, т.к. после Февральской революции он возвращается к активной общественной деятельности на ниве борьбы за сохранение казачества. В частности, 9 (22) июня 1917 г. М.Ф. Карбышев как уполномоченный от Атаманской станицы председательствовал на районном съезде станиц 2-го военного отдела Сибирского казачьего войска [2]. В июле одностаничники выбирают его начальником («комиссаром») Атаманской станичной милиции [3]. Впрочем, на этой должности он продержался недолго. Уже в октябре 1917 г. был вынужден подать в отставку, т.к. в виду неравенства сил со своими милиционерами не мог противостоять многочисленной, агрессивной и лучше вооруженной Красной гвардии Атаманского хутора [4]. Видимо, уже тогда М.Ф. Карбышев понял, что остановить большевиков и победить их можно только военным путем. Когда после Октябрьского переворота Атаманское станичное общество специальным приговором создает так называемую «Особую секретную комиссию по выработке мер для борьбы с большевиками», Макарий Федорович выделяется в ней «особой энергией» [5] и, как нам представляется, становится

фактическим руководителем этой организации, формально имевшей, скорее всего, коллегиальное управление.

Когда к началу апреля 1918 г. есаул Анненков возвращается из своего похода в Кокчетавский уезд назад в район Омска, он переходит здесь на нелегальное положение и начинает нащупывать связи с тайными военными организациями и группами Омска [6]. Он находит М.Ф. Карбышева во главе подпольной организации «Тринадцать» [7]. Связь с этой организацией Анненков установил, вероятно, через своего старого, с 1916 г., партизана подхорунжего Г. Ганаго, «лихого казака с огромным чубом, полного Георгиевского кавалера Великой войны» [8], который вступил в «Тринадцать» [9], наверное, во время блужданий атамана по кокчетавской степи, когда о нем в Омске ничего не было известно. «Тринадцать» – так называл данную нелегальную (видимо, чисто казачью) организацию сам Б.В. Анненков на допросах в 1926 г. И до конца не ясно, что за структура скрывалась под таким интригующим названием и что означает число «13»? Нельзя исключать того, что М.Ф. Карбышев одновременно, и очень активно, работал сразу в двух подпольных организациях. Возможно даже, что одна маленькая, сплоченная и чересчур засекреченная организация входила в состав другой – большой, аморфной, с широкими – опасными потенциальным провалом – связями; и обе возглавлял М.Ф. Карбышев. Но все-таки более вероятно, что Б.В. Анненков называл организацией «Тринадцать» «Особую секретную комиссию», созданную станичниками-атаманцами и пополненную затем представителями ближайших к ним станиц Омского уезда [10]. В пользу этого варианта говорит то, что организацию возглавлял не казачий офицер, а всего лишь старший урядник и притом старик. Это обстоятельство указывает на ее низовой, от земли, так сказать, характер, ведь импульс снизу, из станиц, исходил как раз от консервативно настроенных казаков старших возрастов. Если это предположение окажется верным, в таком случае тринадцать – скорее всего, количество станиц, вошедших в данное тайное объединение.

Так или иначе, знакомство и установление тесной связи с М.Ф. Карбышевым имело для Анненкова и его дела огромное значение. Во-первых, атаман настолько проникся уважением и доверием к этому крепкому в убеждениях старику, что поставил Макария Федоровича главой над всеми анненковцами, находившимися на нелегальном положении в Омске и его пригородах; Карбышев стал для партизан «верховой властью» в Омске. Сам Анненков в это время жил в земляной избушке на пашне, в четырех верстах от станицы Мельничной, и в городе бывал наездами, конспиративно [11]. Во-вторых, союз с М.Ф. Карбышевым дал атаману готовые связи с подпольными группами и дружинами в станицах всего Омского уезда [12], что позволило ему приступить к возрождению партизанского отряда и наладить как снабжение отряда продовольствием, так и пополнение его людьми и лошадьми. Судя по всему, именно Карбышев руководил вербовкой и переброской в партизанский отряд казаков Атаманской и других станиц. В-третьих, благодаря М.Ф. Карбышеву Анненков смог довооружить своих людей. Дефицит оружия был для партизан большой проблемой, в попытках раздобыть его они потерпели, как минимум, один

провал (станция Захламинская, 25 мая 1918 г.), стоивший им четырех человек расстрелянными (Омск, 28 мая 1918 г.) [13]. Заслуга М.Ф. Карбышева в том, что его организация «Тринадцать» сумела провести успешную операцию, в ходе которой похитила со склада 2-го отдела Сибирского казачьего войска 113 винтовок и 6000 боевых патронов. С добытыми оружием и боеприпасами похитители присоединились к Анненкову [14].

Уехал в отряд к Анненкову и сам Карбышев. Он участвовал в боевых действиях на Марьяновском фронте, затем – в пополнении и развертывании отряда на станции Исилькуль. После бегства красных из Омска Анненков в благодарственной телеграмме обществу Атаманской станицы особо отметил роль Карбышева: «Старейший почетный партизан Макарий Федорович своим примером доказал, что атаманы остались теми же казаками-ермаковцами, какими были их предки» [15]. При торжественном вступлении партизанского отряда в Омск вечером 19 июня 1918 г. М.Ф. Карбышев ехал рядом с Анненковым в голове колонны, держа в своей руке отрядный значок [16]. С Анненковым в качестве казначея отряда Карбышев отправился на Верхнеуральский фронт. Не оставил он атамана и позже, уйдя с Партизанской дивизией в Семиречье.

Очевидно, возраст все-таки сказывался. И к концу января 1919 г. М.Ф. Карбышев значился уже как «бывший казначей отряда». Когда в Партизанской дивизии была образована комиссия для приведения в порядок счетов и документов отряда за весь период со дня его возникновения, Карбышева привлекли к ее работе, правда, в качестве не члена, а только помощника [17] (ведь он как бывший казначей был лицом заинтересованным).

Макарий Федорович снова выходит на заметные роли в Партизанской дивизии, когда белые армии стали терпеть поражения. 3 декабря 1919 г. мы находим Карбышева на одном из этапных пунктов дороги Семипалатинск – Сергиополь. За два дня до того, в ночь на 1 декабря, восстал Семипалатинск (точнее, дислоцированный в нем Егерский батальон поручика Шевелева). После трехчасовой обороны здания штаба 2-го Степного армейского корпуса уцелевшая горсть белых: около 80 чел. из состава офицерской и партизанской рот – во главе с комкором генерал-майором И.С. Ефтиным в сильнейший мороз ушла из города через Иртыш и направилась в Семиречье [18]. Опережая ее, в Семиречье понеслась паника. Падение белой столицы – Омска и переворот в Семипалатинске сами по себе были фактами катастрофическими. Более того, вдогонку за отрядом И.С. Ефтина могли спешить в Семиречье красные. В этих условиях нервы у многих не выдерживали. Комендант этапа, на котором находился Карбышев, куда-то скрылся, да еще прихватил с собой 100 тыс. руб. казенных денег. На этапе остался «один есаул Карбышев» (видимо, один из всего начальства. – В.Ш.), и с ним было только два офицера [19].

Интересно, что уже в начале декабря 1919 г. Карбышев фигурирует в документе в чине есаула, хотя приказами по Партизанскому отряду он был произведен в этот чин позже. Наверное, как и в некоторых иных случаях (П.И. Сидоров, К.К. Кузнецов и др.), Макарий Федорович получил этот чин по личному приказанию атамана,

письменному или даже устному, а затем уже – постфактум – это производство было проведено в официальных приказах по отряду с соблюдением формальностей.

Приказом Партизанскому отряду № 3 (по части строевой, § 1) от 3 января 1920 г. М.Ф. Карбышев «за особо важные заслуги, оказанные Государству», был произведен в хорунжие, со старшинством со 2 февраля 1918 г. [20]. Приказом Партизанскому отряду № 6 (по части строевой, § 1) от 6 января 1920 г. за боевые отличия он получил чин сотника, со старшинством с 5 июня 1918 г. [21]. Приказом Партизанскому отряду № 38 (по части строевой, § 1) от 20 (07) февраля 1920 г., на основании приказа по военному ведомству № 681 за 1915 г., М.Ф. Карбышев был произведен в подъесаулы, со старшинством с 5 октября 1919 г. [22]. Наконец, приказом Партизанскому отряду № 40 (по части строевой, § 1) от 22 (09) февраля 1920 г. за боевые отличия Макарий Федорович получил чин есаула, со старшинством с 14 октября 1919 г. [23]. Таким образом, за полтора – два месяца (в зависимости от установления стиля) в начале 1920 г. М.Ф. Карбышев четырьмя приказами официально получил четыре обер-офицерских чина! В январских приказах он проходил как чин Лейб-Атаманского полка, в февральских – уже как обер-офицер для поручений при начальнике отряда. Обращают внимание даты установленных ему старшинств. Они явно не случайны. 2 февраля 1918 г. – это, очевидно, какой-то важный рубеж в нелегальной деятельности Карбышева, в пользу чего свидетельствует и причина производства. 5 июня 1918 г. – день между двумя важными событиями: 4 июня чехи и анненковцы, перейдя в наступление, заняли станцию Москаленки, 6 июня – разгромили противника в решающем бою у станции Марьяновка, чем предопределили бегство красных из Омска. Вероятно, 5 июня Макарий Федорович либо приехал в Партизанский отряд, либо принял в его составе боевое крещение. 5 и 14 октября 1919 г. – это даты, связанные с окончательной ликвидацией Черкасской обороны красных в Семиречье. Так, 14 октября белые поставили точку в этой многомесячной, изнурительной и кровавой, но героической для обеих сторон эпопее.

Когда Семипалатинская группа РККА перешла в решительное наступление против Отдельной Семиреченской армии Анненкова, советское командование решило парализовать сопротивление противника одним стремительным и дерзким ударом. Из состава 75-го имени Степана Разина кавполка (его ядром являлись красные оренбургские казаки) был выделен отборный конный отряд в 275 сабель при 10 станковых пулеметах, которому была поставлена задача совершить налет на село Уч-Арал (Стефановское) и разгромить находившуюся там ставку атамана Анненкова. Совершив двухсоткилометровый обход по пескам, отряд скрытно подошел к Уч-Аралу. От взятого языка красные узнали, что штаб Анненкова занимает дом Хмырова, и перед рассветом 25 марта 1920 г., сняв часовых, проникли в село. Первым делом они нашли дом Хмырова, через окна забросали его гранатами, потом ворвались внутрь и расправились с оставшимися еще в живых анненковцами. Самого атамана среди них не нашлось. Его спасло то, что в ту ночь он спал в другом доме – Сушкова. Но среди убитых в доме Хмырова оказался есаул Карбышев, которому было на тот момент 78 лет! [24].

Наверное, М.Ф. Карбышев под конец своей жизни действительно являлся «личным казначеем» атамана, т.к. в доме Хмырова красные взяли денежный ящик Партизанского отряда с 3 пудами золота. Б.В. Анненков, организовав своих немногочисленных партизан (Уч-Арал был тылом Семиреченской армии), и, отразив нападение, в ходе преследования золото отбил. Весть о гибели своего «любимого старого партизана» Макария Федоровича он воспринял как тяжелый удар, о чем написал и в «Колчаковщине» [25]. Это редчайший случай. Ни в мемуарах, ни на допросах атаман практически не говорил о своих погибших соратниках. С одной стороны, для него, человека войны, смерть была обычным, заурядным делом. С другой – лишний раз упомянув офицера или партизана, можно было подставить под чекистские репрессии их оставшихся в советской России родственников.

Другим героем Сибирского казачьего войска, причем вне всякого сомнения, был потомственный сибирский казак войсковой старшина Евгений Андреевич Берников. Перед Великой войной в 1-м Сибирском казачьем Ермака Тимофеева полку служили есаул А.Ф. Берников и его «двое цветущих сыновей». Отец Андрей Федорович, по прозвищу Барон, вышел на войну в чине войскового старшины и в должности (с 18 сентября 1914 г.) помощника командира 1-го полка. Старший сын Владимир Андреевич (1888 – 1916), по прозвищу Бароненок, окончивший Омский кадетский корпус (1908) и Михайловское артиллерийское училище (1911), отправился на первую мировую войну начальником пулеметной команды 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка, в чине сотника. Младший Евгений, Бабай, вышел на войну хорунжим, младшим офицером того же полка. Войсковой старшина А.Ф. Берников за бой 6 января 1916 г. у селения Альвар на Кавказском фронте был награжден Георгиевским оружием (Высочайший приказ от 15 мая 1916 г.). Сотник Владимир Берников «пал смертью храбрых» 4 февраля 1916 г. в пешей атаке на селение Кара-арз, во время Эрзерумской наступательной операции нашей Кавказской армии. Под сильным ружейным и пулеметным огнем противника он смог подвести свои пулеметы на дистанцию в 500-600 шагов и, открыв убийственный огонь, сбил турок с позиции, чем решительно способствовал общей атаке и прорыву вражеского фронта. Но сам при этом был сражен пулей. За свой подвиг сотник В.А. Берников был посмертно удостоен высокой награды: ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени (10 апреля 1916 г.) [26].

Евгений Андреевич Берников окончил Омский кадетский корпус на 3 года позже брата (1911) [27] и вышел в 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк в 1913 г. хорунжим из сотни Николаевского кавалерийского училища. Свое прозвище Бабай он получил еще во время учебы в кадетском корпусе, и оно прилепилось к нему на всю оставшуюся жизнь [28]. На Кавказский фронт Е.А. Берников отправился в качестве младшего офицера 5-й сотни 1-го полка. Он отличился в первом же бою: под Ардаганом 21 декабря 1914 г. Днем 21 декабря 5-я сотня есаула А.Д. Баженова получила от командира полка задание навязать в фуражные арканы для полка сена из обнаруженных под Ардаганом громадных

скирд. Турки решили сорвать русскую фуражировку. Из города вышла курдская иррегулярная кавалерия, всадников двести, и, спешившись, открыла по сотне ружейный огонь. Комполка прислал Баженову приказание прогнать курдов. Сотня лавой бросилась на врага. Тот атаки не принял. В ходе преследования казаки чересчур увлеклись рубкой курдов и на их плечах ворвались в Ардаган, проскочив 3-4 улицы. Хорунжий Е.А. Берников, «лихо ворвавшись» в один из крайних дворов, выбил из него турок и послал сотенному командиру донесение: «Город Ардаган занял. Жду подкрепления». Но в городе казаки попали под губительный ружейный огонь из домов. Уличный бой грозил конной сотне если не катастрофой, то большими потерями наверняка. Да он и не входил в боевую задачу А.Д. Баженова. Поэтому есаул приказал трубачу подать сигнал аппель: «В свои места скачите». Берников оставлять Ардагана не хотел и «очень неохотно реагировал» (быть может, даже и не сразу. – В.Ш.) на призывный сигнал командира сотни. Судя по всему, он со своими казаками отступил последним, «понеся потерю в людях». 5-я сотня вышла из города, вывезла тела пяти убитых товарищей и привела с собой 18 захваченных лошадей [29].

В отношении наград Бабай не отстал от своих героических отца и старшего брата. За бои 5 – 6 июля 1916 г. у селений Синторос и Кеса на Кавказском фронте младший офицер 4-й сотни 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка сотник Е.А. Берников был награжден, как и отец, Георгиевским оружием (приказ Армии и Флоту от 14 апреля 1917 г.) [30]. Эта награда была пожалована ему, можно сказать, за совокупность дел в Байбурт-Эрзинджанской операции. В то время Бабай командовал 4-й сотней. 6 июля 1916 г. во время набега Отдельной Сибирской казачьей бригады на узел шоссейных дорог между городами Трапезунд, Эрзинджан и Кялakit сотник Е.А. Берников шел со своей сотней в авангарде бригады. Набег этот на 20 с лишним верст вглубь турецкого расположения был для бригады весьма рискованным предприятием, т.к. сведений о разбитом накануне и отступившем противнике не было никаких, а быстро произвести обычную разведку небольшими конными разъездами в «крайне гористой местности» было невозможно. В условиях продвижения «втемную» в горах, конечно, больше всего рисковал авангард бригады, который легко мог угодить в приготовленную турками западню. Но Евгений Берников был не из тех офицеров, которые сомневаются в целесообразности распоряжений своего начальства и колеблются в их реализации. Исполняя свой воинский долг, 4-я сотня смело устремилась навстречу неизвестности. «Продвижение шло удачно, и успех увлекал» казаков все вперед и вперед. В итоге, выйдя к узлу дорог (у селения Кеса? – В.Ш.), Е.А. Берников атаковал и захватил турецкую телефонную станцию с обслуживающим ее персоналом. Его же трофеем стал караван из 30 вьючных мулов [31].

Но куда больше отличился «доблестный сотник Берников» [32] накануне – 5 июля 1916 г. – во время наступления бригады сибирцев на селение Рушди. Готовя общую конную атаку на Рушди, временно командующий Отдельной Сибирской казачьей бригадой полковник А.И. Белов приказал Бабаю с его 4-й сотней и

приданным пулеметным взводом 1-го полка [этим взводом командовал хорунжий А.А. Разсохин [33]] захватить плацдарм в долине, а именно: селение (Синторос? – В.Ш.), лежавшее у подножия гор и охранявшееся небольшой сторожевой заставой турок. Опасность была не в этой заставе, а в том, что, спускаясь с гор к селению, казаки подставляли свой фланг под ружейно-пулеметный огонь с главной позиции противника. А.И. Белов вспоминал: «Сотник Берников построил развернутым фронтом за вершиной хребта сотню, на рыхлях спустился вниз в равнину; по знаку шашки, как на смотру, выстроил наметом разомкнутый строй и, подав команду и знак шашкой, лихо карьером повел сотню в атаку на селение. В эту минуту турки открыли по сотне фланговый ружейный и пулеметный огонь справа со стороны селения Рушди. Нам всем, наблюдавшим с высоты гор за атакой, казалось, что сотня понесет значительные потери, и мы с замиранием сердца следили, как лихая сотня все более и более приближалась к селению и, наконец, через 1-2 минуты ворвалась в него, не имея ни одного отсталого. Впоследствии выяснилось, что в сотне были раненные лошади, но они, не отставая, доскакали до селения. Ворвавшись в селение, сотник Берников тотчас же установил пулеметы на крыше сакли, спешил людей и, приняв оборонительное положение, начал обстреливать те цели, которые ему были видны. Занимавшая селение турецкая пехотная застава разбежалась в разные стороны, преследуемая огнем казаков. «Удачное занятие первого селения, – вспоминал А.И. Белов о значении лихой атаки сотни Берникова, – окрылило наши надежды и на дальнейшие действия против селения Рушди. ...» [34].

Когда сибирцы двинулись на Рушди, Е.А. Берников со своей сотней и пулеметным взводом прикрывал левый фланг основных сил бригады, атакующих селение в конном строю. Небольшая группа турок-пехотинцев с выгодной позиции на скате высоты начала обстреливать бригаду во фланг. Бабай отреагировал немедленно: «4-я сотня 1-го полка, зайдя правым плечом, повела атаку в юго-западном направлении, стремясь охватить правый фланг турок». Те своевременно поняли угрозу и, боясь быть отрезанными и порубленными, поспешно отступили в горы. Бригада прорвала позицию противника и преследовала его, рубя разбежавшихся турок, еще 3-4 версты, пока не выдохлись совершенно лошади. Порыв иссяк. К концу конной атаки казаки разных сотен так перемешались между собой, что управление частями и подразделениями со стороны их начальников фактически было утеряно. В этот исключительно опасный для русских момент вдруг наметилось контрнаступление со стороны резервного турецкого батальона. Казалось, только что он в панике отступал. Но командир батальона, надо отдать должное его хладнокровию, развезжая верхом на коне и «энергично действуя обнаженной шашкой» (очевидно, плашмя бил ею солдат), быстро привел своих подчиненных в чувство. Батальон уже разворачивался в цепи и вот-вот должен был начать палить по казакам. Е.А. Берников, на своем левом фланге бригады, вовремя заметил эту угрозу. Немедленно двинутый вперед от его 4-й сотни «лихой пулеметный взвод хорунжего Разсохина» открыл меткий огонь по вражеским цепям. Его поддержал и другой пулеметный взвод 1-го полка, под командой подьесаула В.Г. Иванова, также не отставший от сотен во время

атаки. Пулеметным огнем турецкий батальон вновь был расстроен и в панике бежал в горы [35]. С мировой войны Бабай вернулся в войско есаулом.

С Анненковым Евгений Берников дружил еще с 1913 г. Во всяком случае, на известной фотографии полковой учебной команды и части офицеров 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка, снятой в Джаркенте в 1913 г., Анненков и Берников сидят рядом. Бабай участвовал в нелегальной работе Анненкова против советской власти [36].

Бывший подбесаул Сибирского казачьего войска Николай Павлович Волосников, кстати, служивший в 1919 г. личным адъютантом Верховного правителя, в 1926 г. во время следствия по делу Анненкова обвинял Берникова, уже давно покойного, в совершении уголовного преступления: якобы тот беспричинно застрелил его родного брата Ивана Волосникова. Дескать, взяв Берникова к себе в партизанский отряд, Анненков скрыл его и избавил от заслуженного наказания. Н.П. Волосников относил Е.А. Берникова к типу «людей самых отчаянных» [37]. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем детали и подоплеку того убийства: что там на самом деле произошло между Бабаем и Волосниковым. Следует заметить, что офицерское общественное мнение оправдывало убийство с целью защиты чести и достоинства. В мирное время, как известно, в царской России действовал дуэльный кодекс, и между офицерами случались дуэли. Впрочем, нельзя совершенно исключать ни тривиальной пьяной ссоры, ни просто нелепой случайности.

Когда в мае 1918 г. есаул Анненков приступил к возрождению своего партизанского отряда, есаул Е.А. Берников стал одним из ближайших его сподвижников. Он возглавил казачью конницу отряда, которая в июле 1918 г. состояла из 1-й и 2-й Сибирских казачьих сотен. Командуя ею, Бабай участвовал летом 1918 г. в тяжелых, но в целом удачных для анненковцев боях на Верхнеуральском фронте [38]. При развертывании отряда в Партизанскую дивизию есаул Е.А. Берников с 7 декабря 1918 г. стал командующим ее Казачьей бригадой. Эта бригада состояла из двух четырехсотенных конных полков: 1-го Сибирского партизанского казачьего атамана Анненкова полка и 1-го Оренбургского партизанского казачьего атамана Дутова полка (приказ Партизанской дивизии, 1918 г., № 182а, § 2) [39]. На полях Гражданской войны Евгений Берников заслужил первый штаб-офицерский чин войскового старшины.

Нет никаких сомнений в том, что с большевиками Бабай воевал также дерзко, лихо, стремительно, моментально реагируя на всякое изменение боевой обстановки, как и ранее против турок на Кавказе. И в Гражданскую войну он выделялся большой личной храбростью [40]. Почти наверняка лез на рожон, бросая вызов самой смерти. И она не осталась в долгу... Командующий Отдельной Казачьей бригадой Партизанской дивизии атамана Анненкова войсковой старшина Сибирского казачьего войска Евгений Андреевич Берников был убит в конной атаке на Семиреченском фронте [41]. Скорее всего, 17 марта 1919 г. в бою за село Андреевское Лепсинского уезда. Тогда анненковцы сначала захватили с налета это село, но затем в упорном бою потерпели поражение и были вынуждены отступить на Уч-Арал [42].

На гибель этого незаурядного офицера, действительного героя Великой войны откликнулись газеты Семипалатинска и Омска (в разделах хроники) [43].

Кстати, от ран, полученных в бою, умер следующий начальник той же Казачьей бригады полковник Евгений Владимирович Слюнин (то ли семиреченский казак, то ли вообще не казак, но причисленный для прохождения службы, еще до первой мировой войны, к 1-му Семиреченскому казачьему полку). Этот «лихой кавалерист и отличный начальник» 18 сентября 1919 г. под селом Черкасским при отбитии отчаянной вылазки красных, «находясь в передовой линии, был тяжело ранен в грудь». Скончался он 22 сентября 1919 г. [44].

Самими своими смертями Е.А. Берников и Е.В. Слюнин опровергают бытующий с советских времен и по сию пору миф, будто бы анненковцы после Верхнеуральского фронта занимались исключительно карательными операциями в тылу. В действительности, так называемая «Черкасская оборона» являлась, хотя и локализованной белыми, но составной частью Семиреченского фронта красных. В географических и природно-климатических условиях Семиречья при ограниченности людских ресурсов сторон сплошная линия фронта была невозможна. И «черкасцы» регулярно получали от своих основных сил подкрепления людьми, вооружением, боеприпасами, медикаментами. Партизанской дивизии Анненкова, чтобы окончательно ликвидировать «Черкасскую оборону», пришлось предпринять несколько военных операций, сопровождавшихся тяжелейшими по напряжению и жертвам боями, в которых, как видим, героически гибли даже командиры из ближайшего окружения атамана, такие как Е.А. Берников и Е.В. Слюнин.

Другой выдающийся анненковец полковник Николай Иванович Размазин, в отличие от Е.А. Берникова, не успел показать себя в Великую войну в силу возраста и учебы. Родился он 24 ноября (ст.ст.) 1894 г. Происходил из сибирских казаков Семипалатинской области (видимо, Павлодарского уезда). Николай Размазин окончил Омскую мужскую гимназию, вступил 1 января 1916 г. в военную службу казаком. После 8-месячного ускоренного курса Оренбургского военного училища (окончил курс по 1-му разряду) был выпущен из него с производством в чин прапорщика (1 июня 1917 г., со старшинством с 1 февраля 1917 г.). К 20 июля 1917 г. Н.И. Размазин состоял младшим офицером 1-й сотни 1-го Сибирского казачьего запасного дивизиона (в Твери). Был он тогда холост [45]. Затем из запасного дивизиона его отправили служить в дивизионную пулеметную команду («команду Кольта») Сибирской казачьей дивизии.

В Сибирское войско на рубеже 1917 – 1918 гг. прапорщик Н.И. Размазин возвращается в качестве начальника «команды Кольта». Его команду разместили в станице Захламинской под Омском, там же, где дислоцировался в то время и Отряд особого назначения (партизанский) Сибирской казачьей дивизии под началом есаула Анненкова. Это соседство и сыграло, вероятно, определяющую роль в дальнейшей судьбе молодого прапорщика. Обе части: и партизанский отряд Анненкова, и пулеметная команда Размазина, – согласно распоряжениям советских властей, подлежали демобилизации, т.е. их начальники должны были сдать оружие, распустить людей по домам, а сами отчитаться

по расходованию казенных денег и передать на хранение всю документацию части. Но Анненков не желал подчиняться захватчикам власти большевикам, он хотел с ними сражаться. Размазин, очевидно, тоже. Видя, что Захламинский гарнизон не подчиняется, Совказдеп послал из Омска в станицу циркулярное распоряжение Анненкову, Размазину и захламинскому станичному атаману во что бы то ни стало разоружиться. В противном случае, грозил Совказдеп, он «объявляет их врагами трудового казачества, и, следовательно, пусть совет рабочих и солдатских депутатов сам принимает соответствующие меры» [46].

После трех с половиной лет фронта людей, конечно, неудержимо тянуло домой, к семьям. Анненкову удалось сохранить от распада только ядро его Отряда особого назначения. У него осталось 24 казака, это были самые верные его партизаны. От Размазина нижние чины ушли все, и сам он присоединился к анненковскому отряду. Можно сказать, что прапорщик Н.И. Размазин стал первым добровольцем есаула Анненкова со стороны, извне Отряда особого назначения. Добровольцем специально для борьбы с советской властью. Впрочем, Размазин присоединился не совсем один, а с младшим офицером своей пулеметной команды прапорщиком Андреем Михайловичем Кучковским (полный Георгиевский кавалер [47], произведен в прапорщики из подхорунжих за боевые отличия). А еще с 8 пулеметами «команды Кольга!» [48].

После провала всех попыток начать войну с большевиками и роспуска, на одном из немецких хуторов, по домам казаков, среди 9 оставшихся с есаулом Б.В. Анненковым партизан был и прапорщик Н.И. Размазин. В феврале – марте 1918 г. он участвует в походе анненковцев в Кокчетавский уезд [49]. На обратном пути их осталось, не считая самого атамана, пятеро; остальные разъехались из Контайки по домам. Во время возвращения Анненкову пришлось «подтягивать» соратников, начавших из-за безделья злоупотреблять водкой. Приехав к Омску, Анненков сам остановился под станицей Мельничной, где жили верные ему казаки, а всех своих людей, в том числе Размазина, с разными заданиями послал в город [50].

Николай Размазин в апреле – мае 1918 г. работает в подполье и участвует в возрождении партизанского отряда Анненкова. Но в самом начале вооруженной борьбы ему не повезло. Когда красные попытались окружить станицу Мельничную Омского уезда и уничтожить стоявший в ней отряд, Размазин был ранен. Выздоровев, он вернулся в отряд [51]. Видимо, ранение было достаточно серьезным, т.к. возвращение это случилось уже в следующем 1919 г. Наверное, в июне – июле 1918 г. Н.И. Размазина произвели в хорунжие [52].

В феврале 1919 г. Размазин был уже в чине сотника. Оправившись от ранения, он решает вернуться в Партизанскую дивизию не один, а с казаками-добровольцами. Причем не просто с людьми, а со «сколоченными» в строевую часть, т.е. с обученными и сидящими на строевых лошадях. Как начальник «конной части» при Павлодарском штабе пополнения Партизанской дивизии атамана Анненкова Размазин через павлодарскую газету «Голос степи» обратился к станичникам с призывом: «Братья-казаки! Кому дорого наше родное казачество, кому дорога Родина и ее возрождение – идите в ряды добровольцев во вновь форми-

руемую конную часть при Павлодарском штабе пополнения партизанского отряда атамана Анненкова. Верьте, станичники, что наши интересы у всех общие – не дать погибнуть Родине и вместе – родному казачеству» [53].

10 мая 1919 г. приказом Партизанской дивизии атамана Анненкова № 011, § 6, сотник Н.И. Размазин был назначен командующим Конным дивизионом Партизанской дивизии [54]. Затем он попадает в состав Конвойного партизанского полка, переименованного вскоре в Атаманский. В боях и походах сотник Атаманского полка Николай Размазин выделяется так, что 11 августа 1919 г. атаман Анненков одним приказом по Партизанской дивизии производит его сразу в два чина: подесаула (со старшинством с 1 июля 1918 г.) и есаула (с 1 августа 1919 г.). Причем в есаулы – за отличия в делах против неприятеля [55]. За доблесть всего личного состава Атаманского полка в боях с большевиками Анненков переименовывает полк в Лейб-Атаманский. 9 октября 1919 г. приказом по Партизанской дивизии есаул Н.И. Размазин был допущен к командованию Лейб-Атаманским полком (с 1 октября 1919 г.) [56]. Именно он командовал данным полком на финальной стадии «большой» Гражданской войны в Семиречье, когда полк входил в Центральную группу Отдельной Семиреченской армии [57]. В этой должности Размазин получает чин войскового старшины.

Учитывая разногласия в литературе и интернете, надо подчеркнуть, что Лейб-Атаманский полк – это однозначно бывший Конвойный партизанский полк, существовавший летом 1919 г. [58]. Следует, однако, иметь в виду, что процесс формирования и реформирования, разворачивания и сворачивания частей и подразделений Партизанской дивизии (отряда) очень сложен. В этом деле атаман Анненков никогда не ждал решений и разрешенных штатов от вышестоящих штабов, а действовал самостоятельно и очень оперативно, руководствуясь только собственным разумением и состоянием источников пополнения личного состава. В марте 1920 г. в Партизанском отряде Анненкова действительно имелись и Лейб-Атаманский полк, и Конвойный полк. Но последний, судя по всему, был вновь сформирован атаманом не ранее конца 1919 г. Очень может быть, что выделили из старого Лейб-Атаманского полка 1-2 конные сотни и, добавив к этому ядру людей из расформируемых частей Семиреченской армии, получили новый Конвойный конный полк. Впрочем, когда анненковцы отступили в горы и обосновались там, возле самой китайской границы, в месте, названном атаманом Орлиным Гнездом, пришлось, вследствие большой убыли в людях (умершими и вернувшимися в советскую Россию), резко сворачивать строевые части. 27 марта 1920 г. последовал приказ Партизанскому отряду № 5, § 1, согласно которому Конвойный полк подлежал расформированию. Его личный состав распределялся между Лейб-Атаманским полком и Ударной батареей. Сам Лейб-Атаманский полк, по этому приказу, сворачивался в четырехсотенный, правда, при пулеметной и инженерной сотнях [59].

Орлиное Гнездо – это трагическая страница в анненковской истории. Надежде атамана на скорое, весной 1920 г., возобновление полномасштабной вооруженной борьбы с большевиками в Туркестане и Сибири не суждено было сбыться. Между

тем, только этой мечтой оправдывался отказ от немедленного перехода китайской границы и интернирования. По свидетельству анненковца Г.В. Степанова, с Анненковым в Орлиное Гнездо пришло до 5000 чел. Но продовольствия было совершенно недостаточно, питались плохо. Голод ослабил силы и волю людей. От тифа и других болезней в Орлином Гнезде умерли более 2000 человек! До 1500 анненковцев не выдержали таких испытаний и предпочли вернуться в Россию, на милость большевиков. Под конец из-за трагедии у дома Коногата от Анненкова ушел в Китай, к А.И. Дутову, Оренбургский казачий полк (500 чел.) [60].

Такая высокая смертность, такие кошмарные условия жизни, конечно, способствовали деморализации части личного состава. Войсковому старшине Н.И. Размазину явно не удалось удерживать подчиненных в руках. Анненков в приказе Партизанскому отряду № 20 от 2 мая 1920 г. отметил упадок дисциплины в Лейб-Атаманском (Партизанском) полку. Все части отряда жаловались на самочинные действия чинов данного полка. То они отнимут у других партизан баранов. То ссадят артиллеристов и заберут у них быков. Офицеры и партизаны полка систематически продавали патроны калмыкам. На работы «ходили табуном». Атаман сделал вывод: «заметно отсутствие офицерского глаза», – и приказал командиру полка привести полк в порядок [61]. Но 9 мая 1920 г. разыгралась ужасная трагедия у дома киргиза Коногата. Из-за нелепого скандала пьяные казаки 1-й сотни Лейб-Атаманского полка (командир сотни – сотник Васильев) учинили убийства нескольких офицеров Оренбургского казачьего войска и их семей, причем женщин предварительно изнасиловали [62].

После этого преступления, легшего на анненковцев несмываемым пятном, Н.И. Размазин то ли попал в немилость к атаману и был отстранен от командования полком, то ли просто заболел и не мог командовать лейб-атаманцами физически. Во всяком случае, при движении анненковцев из Урумчи в Гучен осенью 1920 г. среди начальников «эшелонов» его не было. Между тем, эти эшелоны возглавляли командиры частей. Так, эшелон гвардии Кирасирского полка вел его полковой командир полковник П.Д. Иларьев. Лейб-Атаманский полк двигался двумя эшелонами. Начальником первого из них был войсковой старшина Ф.М. Зотов, другого – есаул Бородихин [63].

Н.И. Размазин блеснул своей лихостью во время Гученского инцидента в ночь с 6 на 7 января 1921 г. (с 24 на 25 декабря 1920 г. ст. ст.). Власти Гучена не пропустили анненковцев дальше на Дальний Восток, и они в ожидании разрешения на продолжение движения расположились по постоянным дворам под старыми крепостными стенами города. В ту ночь партизаны отмечали Сочельник и Рождество. Вдруг с крепостных стен по ним был открыт ружейный огонь. Размазин со своими людьми кинулся в крепость. Анненковцы были плохо вооружены, т.к. почти все оружие сдали при интернировании. Но это китайцев не спасло. Крепость Гучен была молниеносно захвачена, ее гарнизон разогнан, а частью и перебит. Китайские чиновники, приехавшие из Урумчи и вошедшие в двустороннюю комиссию, созданную для изучения и разрешения конфликта, были вынуждены признать, что вина лежит на гученских властях. Эти чиновники разрешили анненковцам

двигаться дальше на восток, согласовав с ними маршрут и порядок движения эшелонов отряда. «Однако, – как писал исследователь В.А. Гольцев, – это признание было лицемерным, а дальнейшие действия китайцев коварными» [64].

В результате Гученского инцидента атаман Анненков был обманным путем арестован китайцами и заключен в Урумчинскую тюрьму. Конечно, дело было не в этом инциденте, которым лишь воспользовались как поводом, а в общем положении дел во Внешней Монголии и примыкавших к ней районах Синьцзяна. Семеновский генерал барон Р.Ф. Унгерн фон-Штернберг как раз поднимал монголов на освободительную войну против китайцев. И китайские власти очень боялись, что Анненков со своим отрядом, состоявшим из отборных людей, ринется в Западную Монголию и станет действовать там заодно с Унгерном.

Во время ареста Анненкова ни Лейб-Атаманского, ни Гвардии Кирасирского полков не было в Гучене. По согласованному с китайцами маршруту они верхом на лошадях, двумя эшелонами, ничего не подозревая, уже шли на восток. Предполагалось, что сам атаман выступит с третьим эшелоном. Авангардный Лейб-Атаманский полк узнал о его аресте только тогда, когда, перевалив хребет Тянь-Шань, подошел к Хами (Кумул). Полк остановился и принялся обсуждать, что делать. Тем временем к Хами прибыл и гвардии Кирасирский полк. Лейб-атаманцы горячились и настаивали на возвращении к Урумчи, чтобы отбить Анненкова силой. Кирасиры возражали, говоря, что такие действия только ухудшат положение атамана. Трезвый взгляд на вещи возобладал, наступление на Урумчи не состоялось. Но партизаны простояли возле Хами около двух месяцев. Затем они перешли в район Аньсичжоу (провинции Ганьсу), где прожили еще месяц. Наконец, власти разрешили партизанам следовать далее на восток, но только небольшими группами. Лейб-атаманцы и кирасиры продали лошадей и группами по 20-30 чел. отправились по маршруту Аньсичжоу – Ланьчжоу – Гуйхуачен – Баотоу – Пекин – Тяньцзин. До Баотоу ехали на арбах, а далее по железной дороге [65].

Сидя в Урумчинской тюрьме, атаман послал китайца (видимо, из своих бывших партизан) с письмом на розыски ушедших на восток анненковцев. Тот нашел эшелон Лейб-Атаманского полка под началом войскового старшины Н.И. Размазина. В ответ 9 января (н. ст.) 1922 г. на пикете Юй-Мын-Сянь (не доезжая до Су-Чжоу) Размазин написал Анненкову письмо, в котором кратко рассказал о продвижении по Китаю эшелонов лейб-атаманцев и гвардии кирасир. В.В. Марковчин привел копию этого письма в своей книге: «Привет! Дорогой брат-атаман! Пишу тебе второе письмо, не знаю, получишь ли. Как бы я был счастлив получить от тебя ответ. Податель сего подробно описал мне твою жизнь и положение. Но не падай духом, брат-атаман – бог даст, все будет хорошо – все еще впереди. Сумеем отомстить за все. Я с последним эшелоном в 33 чел. еду на Ланьчжоу-фу. Все прошли. Полковник Илариев прошел тоже. Лошадей китаезы заставили продать и отправляют на арбах. У меня осталось 5 лошадей, которых вези с собою – не знаю, как будет дальше – сумею ли их прокормить. Кормить приходится на свой счет – а денег-то, сам знаешь – нет. Бог даст, как-нибудь устрою. Об нас не беспокойся – я и оставшиеся в полку 275 чел. остались верными тебе. Из моего полка вышли 25 чел. –

большинство офицеры, поступившие последнее время уже в Китае. У полковника Илариева ушло 50 чел. Как мы жили и что испытали, писать не буду – ибо то время прошло – но мы, во всяком случае, испытали меньше тебя. Теперь у нас только одно желание – скорее увидеть тебя и начать снова боевую работу. Прошу принять привет от моего маленького (33 чел.) эшелона – увидев этого китайца, они как бы встретили родного, и каждый задает вопрос – где брат-атаман? Податель со слезами на глазах рассказал все, и многие прослезились и сказали: «Мы еще покажем им – врагам». Писать можно очень много, но пока ограничусь этим. Привет от нашего бати [66] – он с нами. Привет и лучшие пожелания. Твой слуга войск[овой] старшина Размазин. П[ост] С[крипту]м]. Привет генштабу [67] и всем твоим ребятам. Еще раз шлю привет и лучшие пожелания. Привет от есаула Чернова, сот[ника] Ведерникова, сот[ника] Колесниченко, хорунжего Савровского, подхорунжего Перфильева, Сапрыгина и всех остальных. Войскстаршина Размазин». Письмо это, хоть и не скоро, но дошло до адресата. Б.В. Анненков получил его 11 мая (н. ст.) 1922 г. [68].

Из письма видно, что Н.И. Размазин снова во главе Лейб-Атаманского полка (так его и называет: «мой полк») и что, несмотря на все испытания и общий распад интернированных белых частей, он смог удержать под своим началом немало партизан: 275 чел.! Это говорит как об авторитете полкового командира, так и о сплоченности вокруг него лейб-атаманцев. Обращает внимание верность, даже любовь к «дорогому брату-атаману», выраженные как лично полковым командиром, так и его партизанами. Размазин пишет: «Как бы я был счастлив получить от тебя ответ». Подписывает письмо: «Твой слуга» Получив весточку от атамана, многие партизаны плачут (и принесший ее китаец – тоже). И что они просят сообщить своему атаману? Что «остались верными» ему, что у них одно только желание – поскорее пойти под его началом в бой! И еще бросаются в глаза стойкость духа Размазина («Об нас не беспокойся», «не падай духом, брат-атаман») и жажда мести и у него, и у его партизан («Мы еще покажем им – врагам», «Сумеем отомстить за все»).

Мечта лейб-атаманцев «начать снова боевую работу» сбылась лишь наполовину. Бог дал им еще один шанс скрестить оружие с красными. Но в бой они пошли без столь любимого ими атамана, которого китайцы освободили из тюрьмы лишь в 1924 г. Войсковой старшина Размазин в 1922 г. привел ядро своего Лейб-Атаманского полка в белое Приморье – во Владивосток. Лейб-атаманцев разместили в вагонах Енисейского полка, и они, хоть и были без обмундирования, начали нести караульную службу наравне с другими частями, расположенными на Первой речке. 20 июля 1922 г. в рапорте на имя командующего армией Временного Приамурского правительства Н.И. Размазин писал: «После двухлетнего странствования по Китаю судьбе угодно было возвратить нас на Родину. Несмотря на всевозможные притеснения со стороны китайцев, претерпевая большие лишения, как в пище, так и в одежде, удалось сохранить часть боеспособной» [69]. Правда, людей у него в полку было мало: на 20 июля 1922 г. – 59 чел. (8 офицеров и 51 казак) [70], на 10 августа 1922 г. – 66 чел. [71].

В дальнейшем лейб-атаманцы, вероятно, вошли в состав Анненковской конной дружины под командованием полковника П.Д. Иларьева [72], образовавшейся несколько ранее: в апреле – и в мае – первой половине августа 1922 г. охранявшей от красных партизан село Владимиро-Александровское на левом берегу реки Сучан в 10 верстах от Уссурийского залива. К 1 сентября 1922 г. дивизион Иларьева насчитывал 287 штыков. Формально считаясь конным, лошадьми он так и не сумел обзавестись, взять их просто было негде, и до конца борьбы в Приморье действовал как пехота. Дивизион активно участвовал в последних боях в сентябре – октябре 1922 г.: в наступлении на станцию Усури, в оборонительных боях за разъезд Краевский, станцию Свяягино, город Спасск, в контрнаступлении на село Монастырище. У Краевского, оказавшись в полуокружении, анненковцы прорвались к своим сквозь цепи противника (3 октября 1922 г.). 2 ноября 1922 г. вместе с основными силами Земской раги Анненковская дружина полковника П.Д. Иларьева пересекла госграницу и была интернирована возле китайского Хунчуна [73].

Видимо, в Приморье Размазин заслужил чин полковника. Но после интернирования пришлось ему переходить на эмигрантское положение и искать источники пропитания. Известно, что в июне 1923 г. он торговал в «русской лавочке» на курорте «Цей-тай-хо» [74]. Когда в Китае вспыхнула Гражданская война, генерал Чжан Цзу-чан решил использовать военный потенциал белоэмигрантов для борьбы против китайских группировок, ориентированных на СССР. В его Шаньдунской армии началось формирование Русской группы. Белоэмигрантов привлекали не только деньгами, как простых наемников. Им еще обещали, что после разгрома «красных» китайцев Русская группа как сложившееся войсковое соединение сможет возобновить вооруженную борьбу против советских коммунистов. Возможности снова повоювать, с перспективой вернуться на Родину с оружием в руках, Размазин упустить не мог. Группа сибирских казаков-анненковцев работала на Фушуньских угольных копях. То ли Размазин в то время тоже был в составе этих анненковцев на копях, то ли, узнав про формирование Русской группы, бросил свою работу и приехал к бывшим подчиненным – звать их на войну. Воевать, понятно, куда опаснее. Зато легче физически, чем рубить и таскать каменный уголь, прибыльнее (жалование плюс военная добыча), интереснее да для анненковцев и гораздо привычнее. Полковник Н.И. Размазин привел своих казаков из Тяньцзиня на станцию Ченг-Сиен Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги, где Русская группа укомплектовывалась, как уже готовую строевую часть, живущую по воинскому распорядку, со своими офицерами. Поэтому эти казаки-анненковцы вошли в Конный дивизион полковника Бартьева как его 2-й эскадрон, а сам Н.И. Размазин стал командиром этого эскадрона, за отсутствием лошадей пока пешего. Это произошло в 20-х числах ноября 1924 г. [75] (по другим данным, около начала января 1925 г. [76]).

У сибирских казаков полковника Н.И. Размазина, воевавших в составе Русской группы («Нечаевского отряда»), был целый ряд лихих боевых дел. Это и высадка дивизиона Бартьева с судов в тылу противника около Чикианга на рассвете

17 января 1925 г., когда под прикрытием дивизиона высадился весь Русский отряд [77]. Это и операция против хунхузов в конце июля 1925 г., в которой Н.И. Размазин, в чине майора Китайской армии, командовал средней колонной. Тогда Размазин с помощью пулеметно-минометного огня разбил отряд противника в 300 чел., после чего организовал неотступное преследование. Его колонна, делая каждый день по 60 км по горному бездорожью, несмотря на чрезмерную утомительность этих маршей, смогла загнать хунхузов в горы и навязать им еще один бой. На сей раз русские одержали победу даже без потерь для себя [78].

Тяжелые бои были у Русской группы 26 ноября – 12 декабря 1925 г., в которых она потеряла убитыми и ранеными 30 % своего состава. Русская кавалерия в те дни ходила в конную атаку на окопы противника. Окопы были взяты, китайцы повырблены, частью бежали. В этой атаке погиб полковник Бартенев. Он уже проскочил линию окопов, но за ней был сражен наповал [79].

В феврале 1926 г. настал черед и полковника Размазина пролить русскую кровь в китайской Гражданской войне. 19 – 21 и 23 февраля были серьезные бои под Чанчжоу и Синсяном, в которых русская конница снова ходила в атаку на окопы и опять выбила китайцев. В этих боях Размазин получил ранение [80] (по другим данным, он был ранен не в феврале, а в январе 1926 г. [81]).

По выздоровлению с 1 марта 1926 г. полковник Н.И. Размазин являлся командиром Отдельного конного дивизиона 165-й бригады 65-й дивизии. На 20 августа 1926 г. он состоял в той же должности [82]. При создании в 1926 г. русской кавбригады его назначили командиром 2-го Конного полка [83]. Видимо, это последняя должность, которую занимал Размазин в Нечаевском отряде. Он снова был ранен и вышел в отставку. Поселился в Тяньцзине [84]. На исследователя и мемуариста И.И. Серебренникова, познакомившегося с ним в Тяньцзине, Н.И. Размазин произвел «впечатление лихого человека» [85]. Другой современник П.А. Савич в письме П. Балакшину поставил Размазина в ряд «блестящих офицеров старой школы» [86]. Анненков, давая чекистам краткие характеристики на своих бывших соратников, игравших заметную роль в Нечаевском отряде, указывал (12 мая 1926 г.), что полковник Н.И. Размазин «у своих подчиненных пользуется довольно большим влиянием». Правда, Анненков полагал, что для бывших партизан Размазин значительно менее авторитетен, нежели полковник П.Д. Иларьев [87].

И.И. Серебренников, собирая материалы для своей книги «Великий отход: рассеяние по Азии белых русских армий», опросил кое-кого из бывших партизан дивизии атамана Анненкова. Благодаря этому мы знаем и прозвище Размазина в дивизии – Ника – и посвященный ему шуточный стишок, представлявший, скорее всего, фрагмент партизанского варианта старинной солдатской песни «Журавель». И.И. Серебренников скопировал его из альбома анненковца Г.В. Степанова:

«Урядник с лика
Исполнен шика;
Наряжен дико,
Не вяжет лыка.

С ним присных клика.

Значок и пика!

Кто он – смекни-ка!

– Размазин Ника!..» [88].

К биографии Н.И. Размазина следует добавить, что во время службы у атамана Анненкова приходилось ему бывать и председателем военно-полевого суда Партизанской дивизии. «Белый каратель!» – воскликнет кто-то. Не приходится сомневаться в том, что к врагам Размазин был беспощаден. Но один обнаруженный факт позволяет довольно уверенно предполагать, что он возглавлял именно суд, а не фикцию, существовавшую только для юридического прикрытия бессудных расправ. 30 июня 1919 г. военно-полевой суд дивизии под председательством сотника Н.И. Размазина рассматривал дело по обвинению группы лиц в создании тайной антиправительственной организации. Так вот, он не счел улики доказательными и оправдал подсудимых [89]

Когда Размазин узнал, что Анненков освобожден из тюрьмы, то писал ему, приглашая на службу в Нечаевский отряд [90]. Атаман сначала вроде бы согласился, но в действительности колебался. Когда же решил перейти на сторону СССР, то из Калгана между 2 и 5 марта 1926 г. тоже написал Размазину письмо [91], содержание которого, к сожалению, неизвестно. Несомненно, возвращение Анненкова в советскую Россию стало для многих бывших его соратников колоссальным по силе моральным ударом, от которого некоторые из них так и не смогли оправиться. Атаман был расстрелян в Семипалатинске 24 августа 1927 г. Полковник Павел Дмитриевич Иларьев скончался в Харбине 27 апреля 1928 г. [92]. Видно, ненадолго пережил их и полковник Николай Иванович Размазин. Когда и как он умер, пока не выяснено. Установлено лишь, что в Мукдене, где его и похоронили. Известно, что в 1936 г. сибирские казаки-белоэмигранты, проживавшие в Мукдене, привели его могилу в порядок [93].

Вот три незаурядные судьбы, свидетельствующие, что укоренившееся в советскую эпоху представление об анненковцах как о сугубых карателях, преступниках, убийцах является и примитивным, и лживым. Они все были очень разные. Старик из рядовых казаков М.Ф. Карбышев. Потомственный дворянин и кадровый казачий офицер Е.А. Берников. Офицер военного времени, из рядовых, но, очевидно, вполне зажиточных казаков Н.И. Размазин. Объединяла их любовь к Родине и ненависть к ее врагам. А еще храбрость и самопожертвование. Думается, людей такого типа нельзя рассматривать однобоко, как исключительно отрицательных персонажей нашей страшной истории XX в. Наоборот, есть веские основания рассматривать их как героев Сибирского казачьего войска, положивших свои жизни за Россию, православную веру и казачество.

1. Исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 13. Л. 7; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 147.
2. Сибирские войсковые ведомости (Омск). 1917. № 36. С. 2.
3. ГИАОО. Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.
4. Атаманский хутор – пригород Омска, сложившийся из нескольких поселков, образовавшихся на землях Атаманской станицы и Омской железной дороги.

5. ГИАОО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.
6. Подробнее см.: Шульдяков В.А. К предыстории «анненковщины»: Отряд особого назначения Сибирской казачьей дивизии в марте 1917 – феврале 1918 г. // Недбаевские исторические чтения. Омск, 2008. С. 158 – 188; Он же. Сибирские казаки в Партизанском отряде атамана Б.В. Анненкова // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура. Тюмень, 2012. С. 255 – 262.
7. Марковчин В.В. Одиссея атамана Анненкова. Курск, 2010. С. 15 – 16.
8. ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 148.
9. Павловский П.И. Анненковщина: По материалам судебного процесса в Семипалатинске 25.VII – 12.VIII.1927 г. М.; Л., 1928. С. 21.
10. ГИАОО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.
11. ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 147.
12. ГИАОО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 10. Л. 40б.
13. Иртыш (Омск). 1919. № 24/25. С. 23; Омск в дни Октября и установления Советской власти (1917 – 1919 гг.). Омск, 1947. С. 111 – 112.
14. Марковчин В.В. Одиссея атамана Анненкова. Курск, 2010. С. 15 – 16; Омский вестник (Омск). 1918. № 107, 1 июня (19 мая). С. 1.
15. ГИАОО. Ф. Р-1706. Оп. 2. Д. 9. Л. 65.
16. ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 146; Иртыш (Омск). 1918. 23 (10) июня. С. 4.
17. Приказ Партизанской дивизии № 21 (по части строевой) от 29.01.1919 г. // Центральный архив Федеральной службы безопасности (далее – ЦА ФСБ). Д. Н-4498. Т. 3. Л. 272об.
18. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 243. Л. 1-3.
19. Сайт «Живой Журнал». Режим доступа: <http://alwin.livejournal.com/1042478.html> (дата обращения: 21.11.2012).
20. ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 60об. Стиль обеих дат (дня приказа и дня старшинства) неизвестен.
21. Там же. Л. 58об. Стиль обеих дат неизвестен; старшинство, скорее, по новому стилю.
22. Там же. Л. 394.
23. Там же. Л. 395.
24. Гольцев В.А. Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова. М., 2009. С. 274 – 278; ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 147; Гражданская война в Казахстане: Летопись событий. Алма-Ата, 1974. С. 296. В.А. Гольцев вслед за использованными им источниками искажает фамилию М.Ф. Карбышева.
25. Гольцев В.А. Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова. М., 2009. С. 275, 277.
26. Сибирский казак (Харбин) 1941. Вып. 2. С. 303, 304, 319, 155; Волкова М.В. Джаркент // Сибирский казак (Харбин) 1934. Вып. 1. С. 277.
27. Первый Сибирский императора Александра I кадетский корпус. Шанхай, 1940. С. 295.
28. ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 151.
29. Баженов А.Д. Три недели на Кавказском фронте. Из моих воспоминаний // Сибирский казак. Вып. 2. Харбин, 1941. С. 62; Грибановский В.И. К описанию боя под Ардаганом. Некоторые заметки // Сибирский казак. Вып. 2. С. 77; Белов А.И. Краткие заметки к описанию боя под городом Ардаганом (21 декабря 1914 г.) // Сибирский казак (Харбин) 1941. Вып. 2. С. 74.
30. Сибирский казак (Харбин) 1941. Вып. 2. С. 320.
31. Белов А.И. Отдельная Сибирская казачья бригада в боях Байбурт-Эрзинджанской операции с 5 по 12 июля 1916 г. // Сибирский казак (Харбин) 1941. Вып. 2. С. 173 – 174, 175, 176.
32. Там же. С. 167.
33. Там же. С. 171.
34. Там же. С. 167-168.

35. Там же. С. 169, 170, 171.
36. Марковчин В.В. Одиссея атамана Анненкова. Курск, 2010. С. 263 (показания Н.А. Ромодановского).
37. Там же. С. 244.
38. ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 151; Марковчин В.В. Одиссея атамана Анненкова. Курск, 2010. С. 254 (показания Н.А. Ромодановского).
39. РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
40. Новое слово (Семипалатинск). 1919. № 26 от 30 марта. С. 4.
41. Первый Сибирский императора Александра I кадетский корпус. Шанхай, 1940. С. 295.
42. Гражданская война в Казахстане: Летопись событий. Алма-Ата, 1974. С. 154.
43. Новое слово (Семипалатинск). 1919. № 26 от 30 марта. С. 4; Сибирская речь (Омск). 1919. 13 апр.
44. Приказ Партизанской дивизии № 233 (по части строевой), § 3, от 22.09.1919 г. // ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 116об.; За Родину (Семипалатинск). 1919. 26 сент.
45. ГИАОО. Ф. 54. Оп. 3. Д. 4. Л. 185об.
46. Дневник 4-го Чрезвычайного круга Сибирского казачьего войска. Омск, 1918. С. 127.
47. Сайт «MDRussia.ru. Форум кладоискателей». Режим доступа: <http://mdrussia.ru/index.php/topic/4329-георгиевские-кавалеры/> (дата обращения: 21.11.2012).
48. ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 150; Марковчин В.В. Одиссея атамана Анненкова. Курск, 2010. С. 15; Вольный казак (Омск). 1918. № 3. 23 (10) февр. С. 3.
49. ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 150.
50. Там же. Л. 149.
51. Там же. Л. 137об.
52. Дневник 4-го Чрезвычайного круга Сибирского казачьего войска. Омск, 1918. С. 127.
53. Голос степи (Павлодар). 1919. № 17. 19 февр. С. 1; № 18. 23 февр. С. 1.
54. РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 2. Л. 151.
55. Приказ Партизанской дивизии № 191 (часть строевая), §§ 1, 2, от 11.08.1919 г. // ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 157.
56. Приказ Партизанской дивизии № 250 (часть строевая), § 2, от 09.10.1919 г. // ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 97.
57. Марковчин В.В. Одиссея атамана Анненкова. Курск, 2010. С. 147.
58. ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 137об.
59. Там же. Д. 8. Л. 60об.
60. Там же. Л. 41об.-42.
61. Там же. Л. 68.
62. См.: Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. М., 2004. Кн. 2. 1920 – 1922. С. 87 – 89. Стиль обеих дат: 2 и 9 мая 1920 г., – неизвестен. Более вероятно, что они приведены в старом стиле.
63. ГАРФ. Ф. Р-6121. Оп. 1. Д. 73. Л. 89, 91-94.
64. Гольцев В.А. Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова. М., 2009. С. 311. Автор колеблется в правильности написания фамилии командира Лейб-Атаманского полка, называя его то Размазиным, то Размазным (Там же. С. 123, 311).
65. Серебrenников И.И. Великий отход: рассеяние по Азии белых русских армий. 1919 – 1923 // Серебrenников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. М., 2003. С. 232-234.
66. Полковой священник Лейб-Атаманского полка. Фамилия не установлена.
67. Имеется в виду, начальник штаба Партизанского отряда атамана Анненкова Генерального штаба полковник Николай Александрович Денисов (1891 – 1927).
68. Марковчин В.В. Одиссея атамана Анненкова. Курск, 2010. С. 342 – 343.
69. РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.
70. Там же. Л. 8.

71. Там же. Л. 18.
72. Там же. Л. 25.
73. Шуудяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. М., 2004. Кн. 2. 1920 – 1922. С. 108 – 109.
74. Марковчин В.В. Одиссея атамана Анненкова. Курск, 2010. С. 340.
75. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925 – 1932). М., 2007. С. 29 – 30; Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007. С. 34.
76. Огороков А.В. Русские добровольцы. М., 2004. С. 180.
77. Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007. С. 35.
78. Там же. С. 42, 43.
79. См.: Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007. С. 51-53, 231.
80. Там же. С. 55, 54.
81. Там же. С. 230, 231.
82. Огороков А.В. Русские добровольцы. М., 2004. С. 368.
83. Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007. С. 187.
84. ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 44.
85. Там же. Л. 44. И.И. Серебренников почему-то называет Н.И. Размазина войсковым старшиной.
86. Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007. С. 152, 512.
87. Марковчин В.В. Одиссея атамана Анненкова. Курск, 2010. С. 49.
88. ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 44.
89. См.: Приказ Партизанской дивизии № 153 (часть судная), § 3, от 03.07.1919 г. // ЦАФСБ. Д. Н-4498. Т. 3. Л. 18.
90. Марковчин В.В. Одиссея атамана Анненкова. Курск, 2010. С. 98.
91. Там же. С. 48, 49.
92. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: Некрополи, 1917 – 1997. М., 2001. Т. 3. С. 68.
93. Заря (Харбин). 1936. 19 дек.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БРЭМ** – Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи
- ВОПУ** – Временное областное правительство Урала
- ВПАС** – Временное правительство автономной Сибири
- ВСП** – Временное Сибирское правительство
- ВЧК** – Всероссийская чрезвычайная комиссия
- ГААОСО** – Государственный архив административных организаций Свердловской области
- ГАЗК** – Государственный архив Забайкальского края
- ГАИО** – Государственный архив Иркутской области
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края
- ГАКО** – Государственный архив Кемеровской области
- ГАКО** – Государственный архив Курганской области
- ГАНО** – Государственный архив Новосибирской области
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области
- ГАСПИТО** – Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
- ГАХК** – Государственный архив Хабаровского края
- ГИАОО** – Государственный Исторический архив Омской области
- ИКМ** – Исилькульский краеведческий музей
- ИМА** – Исилькульский муниципальный архив
- КВЖД** – Китайско-Восточная железная дорога
- НКВД** – Народный комиссариат внутренних дел
- ОГПУ** – Объединённое государственное политическое управление
- ПСР** – партия социалистов-революционеров
- РГВА** – Российский государственный военный архив
- РГНФ** – Российский гуманитарный научный фонд
- РККА** – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
- РККФ** – Рабоче-Крестьянский Красный Флот
- РКП (б)** – Российская Коммунистическая партия большевиков
- РКСМ** – Российский Коммунистический союз молодёжи
- РПЦ** – Русская православная церковь
- РСФСР** – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- СНК** – Совет Народных Комиссаров
- СОД** – Сибирская областная Дума
- СССР** – Союз Советских Социалистических Республик
- США** – Соединённые Штаты Америки

УГБ – управление государственной безопасности

ЦАФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области

ЦК – Центральный Комитет

ЧОН – части особого назначения

ЭЗГБ – Экспедиция заготовления государственных бумаг

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бармин В.А., Алтайская государственная педагогическая академия (г. Барнаул), доктор исторических наук, профессор

Бельков В.И., Государственный архив Кемеровской области (г. Кемерово), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Бородина Г.Ю., Центр изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области (г. Омск), руководитель

Вдовина О.Ю., Главное управление Центробанка России по Омской области (г. Омск), главный эксперт по исследованию денежных знаков

Галкин Н.В., Государственный архив Кемеровской области (г. Кемерово), старший научный сотрудник

Ефремова Ю.Н., Центр изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области (г. Омск), архивист

Зайнутдинов Д.Р., частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Институт социальных и гуманитарных знаний» (г. Казань), преподаватель

Иванова О.И., управление по делам архивов Правительства Хабаровского края (г. Хабаровск), главный специалист

Карташева Е.И., Национальный музей Республики Татарстан (г. Казань), заведующая научно-методическим отделом

Козлова Л.В., архивный сектор Администрации Исилькульского муниципального района Омской области (г. Исилькуль), главный специалист

Кокоулин В.Г., филиал Военного учебно-научного центра сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации» (г. Новосибирск), доктор исторических наук, преподаватель

Коломбет И.В., архивный сектор Администрации Исилькульского муниципального района Омской области (г. Исилькуль), начальник

Кривченко Л.А., Государственный архив Хабаровского края (г. Хабаровск), главный специалист

Лосунов А.М., Сибирский казачий юридический колледж (г. Омск), преподаватель

Моисеева О.В., Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова (Москва), студентка

Морозова Е.Г., Главное управление Центробанка России по Омской области (г. Омск), ведущий эксперт отдела по работе с персоналом, кандидат исторических наук

Мусагалиева А.С., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана), доктор исторических наук, профессор

Наумов В.П., Государственный архив Российской Федерации (Москва), ведущий специалист

Новиков С.В., Омский государственный аграрный университет (г. Омск), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и социально-педагогических дисциплин

Петин Д.И., Центр изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области (г. Омск), кандидат исторических наук, главный специалист

Попова О.Г., Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории

Пыльцын Ю.С., Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург), студент

Раицкая К.С., Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (г. Красноярск), студентка

Ракова А.П., Омский государственный историко-краеведческий музей (г. Омск), краевед, ветеран труда

Рудзинская В.В., Научный центр историко-генеалогических исследований (Москва), генеральный директор

Рыбаков Р.В., Омский государственный технический университет (г. Омск), кандидат исторических наук, доцент

Стельмак М.М., Центр изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области (г. Омск), архивист 1 категории

Терехина Т.А., архивное управление Министерства государственно-правового развития Омской области (г. Омск), главный специалист

Хандорин В.Г., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва), доктор исторических наук, профессор

Циндик А.А., Славянская школа в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (г. Омск), кандидат исторических наук, доцент, преподаватель истории

Шиловский М.В., Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск), доктор исторических наук, профессор

Шишкин В.И., институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск), доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором истории общественно-политического развития

Штырбул А.А., Омский государственный педагогический университет (г. Омск), доктор исторических наук, профессор кафедры истории, социологии, политологии

Шудяков В.А., Омский экономический институт (г. Омск), кандидат исторических наук, доцент, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово оргкомитета конференции	3
Бармин В.А. Из истории сотрудничества Российских консулов в Синьцзяне с омским правительством А.В. Колчака в 1918 – 1920 гг.....	5
Бельков В.И. Некоторые страницы истории акционерного общества «Копикуз» в годы Гражданской войны (1918 – 1920 гг.).....	9
Бородина Г.Ю. Образ адмирала А.В. Колчака в театре и кино.....	13
Вдовина О.Ю. Эмиссионная политика Верховного правителя.....	19
Галкин Н.В. Судьба русского инженера.....	24
Ефремова Ю.Н. Леопольд Земанек (1892 – 1950): от военнопленного первой мировой войны до советского партийного деятеля.....	30
Зайнутдинов Д.Р. Патриотизм и государственно-правовая идеология белой России А.В. Колчака.....	36
Иванова О.И. Личный фонд бывшей харбинки Дземешкевич Людмилы Константиновны – информационное продолжение харбинской России государственного архива Хабаровского края.....	41
Карташева Е.И. Неиспользованный ресурс исторических и биографических исследований по казанским страницам Гражданской войны (архивные и музейные собрания Сибири).....	46
Козлова Л.В. Гражданская война на моей малой Родине.....	51
Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь белого Омска.....	57
Коломбет И. В. Начальный этап Гражданской войны в Исилькульском районе Омской области.....	61
Кривченко Л.А. Из истории жизни эмигранта А.П. Вележева и его семьи (по документам БРЭМ, эмигрантским печатным источникам и письмам родственников).....	65
Лосунов А.М. Е.А. Леонтьев – последний ветеран колчаковской армии.....	72

Моисеева О.В.	
А.В. Колчак – ученый, адмирал, Верховный правитель России.....	78
Морозова Е.Г.	
Деятельность отделения Госбанка в Омске в условиях исторического перелома (1918 – 1919 гг.).....	84
Мусагалиева А.С.	
Документы красного террора о Казахстане.....	87
Наумов В.П.	
Переписка А.В. Колчака с К.Г. Маннергеймом и государственными деятелями белогвардейских правительств по вопросу о возможности финского наступления на Петроград (май – сентябрь 1919 г.).....	92
Новиков С.В.	
Рецензия на книгу А.А. Штырбула «Покушение на Колчака. Историческое расследование».....	98
Петин Д.И.	
Финансовое положение в Омске в момент восстановления советской власти в конце 1919 г.....	102
Попова О.Г.	
Взаимоотношения Уральского и Сибирского областных правительств в период «демократической контрреволюции».....	108
Пыльцын Ю.С., Попова О.Г.	
Верховный правитель России А.В. Колчак в Екатеринбурге.....	114
Раицкая К.С.	
Общественные настроения крестьян в период Гражданской войны (по материалам школьного музея села Парная Шарыповского района).....	120
Ракова А.П.	
Участие морских офицеров в белом движении в Сибири (1918 – 1919 гг.).....	123
Рудзинская В.В.	
Система власти Российского правительства А.В. Колчака по воспоминаниям Г.К. Гинса.....	127
Рыбаков Р.В.	
Нонконформизм сибирской молодежи в 1920-е годы.....	133
Стельмак М.М.	
Образ И. А. Михайлова в мемуарах Г.К. Гинса и А.П. Будберга.....	137
Терехина Т.А.	
Духовная связь белой армии и церкви в годы Гражданской войны.....	141
Хандорин В.Г.	
А.В. Колчак: вопрос о единстве России и союзники.....	147
Циндик А.А.	
Историк С.П. Мельгунов о репрессивной политике адмирала А.В. Колчака.....	153

Шиловский М.В.	
Оценка личности и управленческих качеств А.В. Колчака в современной сибирской историографии.....	157
Шишкин В.И.	
Взрыв в усадьбе Верховного правителя 25 августа 1919 г.....	161
Штырбул А.А.	
Омские эсеры и Временное Сибирское правительство (июль – октябрь 1918 г.).....	174
Шудьяков В.А.	
Анненковцы М.Ф. Карбышев, Е.А. Берников, Н.И. Размазин – неизвестные герои Сибирского казачьего войска.....	181
Список сокращений	201
Сведения об авторах	203
Иллюстрации	205

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ

Материалы Всероссийской заочной
научно-практической конференции
г. Омск

Научное издание

Компьютерная верстка: О.В. Звонова

Дизайн обложки: К.А. Петина

Корректор: Л.И. Козякова

Подписано в печать 12.04.2013

Формат 60x84, тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии казенного учреждения Омской области
«Исторический архив Омской области».

644043, г. Омск, ул. Красный путь, 153/4. Телефон. 25-14-17